

ХОББОЗЕРО

ГОРОДА И РАЙОНЫ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1988

С. Н. ДАЩИНСКИЙ

ББК 63.3(2Р—4Му)
У93

Рецензенты:

А. А. Киселев — доктор исторических наук,
Т. В. Лукьянченко — кандидат исторических наук

Оформитель книги
А. Г. ШАКОВЕЦ

Художник серии
Н. Н. КОВАЛЕВ

Ушаков И. Ф., Дашинский С. Н.

У93 Ловозеро. — Мурманск: Кн. изд-во, 1988. — 192 с.: ил. —
(Города и районы Мурманской области).

Книга о прошлом и настоящем Ловозерского района, где живут коренные жители Кольского полуострова — саамы: оленеводы, охотники, рыбаки.

Для широкого круга читателей.

У $\frac{0550400000-33}{M150(03)-88}$ 24—88

ББК 63.3(2Р—4Му)

ISBN 5—85510—036—7

© Мурманское книжное
издательство, 1988

Ловозерский район — самый обширный в Мурманской области. Он занимает около трети Кольского полуострова. На его территории легко могли бы уместиться такие европейские государства, как Бельгия или Голландия. Это основное место жительства саамов в СССР.

Свое название район получил по имени большого и красивого озера Ловозера и возникшего близ него саамского селения Луяврсийт (по-русски — «погост Ловозеро»).

Ловозерье целиком расположено за Полярным кругом, между Баренцевым и Белым морями. На севере его простирается тундра с низким кустарником, болотами и сопками, в средней части — лесотундра, а на юге — так называемая «северная тайга». Здесь протекает река Поной протяженностью 426 километров с многочисленными притоками, обычно мелководными и порожистыми. Лесные массивы и холмы с хорошими ягельниками чередуются с топкими низинами, нагромождениями камней и скудной растительностью.

В целом Ловозерский район по климатическим и почвенным условиям непригоден для земледелия, и с древнейших времен население этого края занималось промыслами, главным образом рыболовством и охотой. Кроме богатого рыбой Ловозера, водная поверхность которого составляет 200 квадратных километров, важное хозяйственное значение имели Лявозеро, Бабозеро, Ен-озеро. Славилась обилием рыбы низовья рек Поной и Иоканга.

Вследствие суровых природных условий население края в прошлом исчислялось несколькими сотнями человек. Это были почти исключительно саамы. В конце XVI — начале XVII века близ устья Поной поселилось несколько русских семей. А затем в центр Кольского полуострова с берегов Печоры и Ижмы пришли коми и ненцы.

Многие селения района — Поной, Чудзьявр, Дроздовка, Чальмны-Варрэ — по разным причинам утратили хозяйственное значение и обезлюдели. Село Воронье накрыли воды Серебрянского водохранилища. Но необычайно выросли села Ловозеро и Краснощелье, поселок Ревда.

Сегодняшнее Ловозерье — многонациональный край, живая летопись истории малых народов нашей Родины.

часть

10

ЛОВОЗЕРЬЕ В ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ

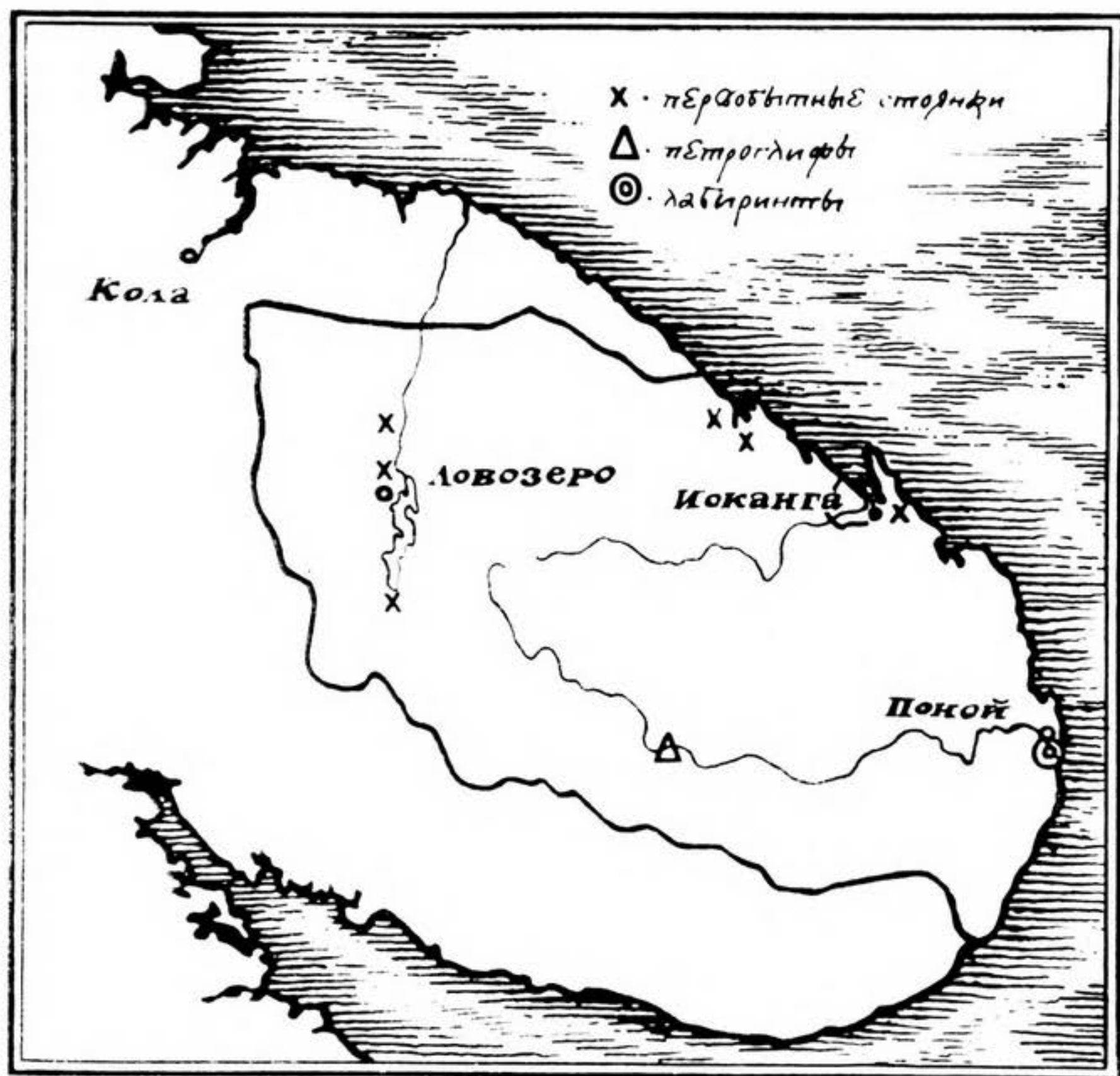
Археологические раскопки, проведенные в последние годы, в значительной мере прояснили картину заселения и освоения Ловозерского района. Первые жители Ловозерья, обосновавшиеся здесь в VI—V тысячелетии до нашей эры, по своему развитию стояли на уровне людей эпохи мезолита (среднекаменного века). Они умели добывать огонь, строить шалаши и полуземлянки. Основными орудиями охоты на морского зверя являлись гарпуны, а на лесных животных и птиц — копья и луки со стрелами. Они владели также многими приемами ловли зверей — при помощи петель, ям, придавливающих устройств; умели перегораживать небольшие реки и заливчики и ставить на пути движения рыбы ловушки из прутьев.

Памятниками каменного века являются стоянки первобытных людей близ побережий Ловозера. У мыса Семерка, в семи километрах от села Ловозеро, на древнем поселении обнаружена мастерская по производству сланцевых топоров. В трех тайниках найдено 38 заготовок — обработанных, но не подвергшихся шлифовке.

Значительный интерес представляет и стоянка у реки Цаги, впадающей в Ловозеро с южной стороны. На левом берегу найдены остатки очага, кусочки углей, разнообразные каменные орудия, обломки толстостенных сосудов — с ямочным орнаментом, типичным для начального периода арктического неолита. Глина, из которой сделаны сосуды, содержит примесь песка. Анализ древесного угля по радиоуглеродному методу показал давность стоянки 5760 лет (с возможной ошибкой ± 160 лет). Таким образом, поселение относится к началу IV тысячелетия до нашей эры. Стоянка на правом берегу реки Цаги более поздняя. Здесь сосуды тонкостенные, глина с примесью асбеста (что характерно для эпохи бронзы), орнамент — из прочерченных параллельных полосок.

На древних стоянках Ловозерья найдены свидетельства существования здесь бронзолитейного производства — несколько медных и бронзовых пластин, льячки (глиняные черпачки для разлива бронзы в формы), фрагменты литейных форм, медные шлаки (стекловидные отходы плавки металла).

Важным открытием явилось обнаружение на стоянке у мыса Семерка, в другом раскопе, остатков железоплавильной печи и поблизости от нее — слоя железных шлаков. Очевидно, что уже

во II тысячелетии до нашей эры жители Ловозерья достигли достаточно высокого уровня развития, они были знакомы со сложным процессом выплавки металла.

Население Кольского полуострова поддерживало связи с племенами Южного и Северо-Восточного Беломорья, получая оттуда кремень для изготовления наконечников для стрел и дротиков, мелких режущих инструментов (ножевидных пластинок, резцов, проколов). Часть кремневых изделий имеет скандинавское происхождение. На стоянке близ Ловозера найдена янтарная подвеска, свидетельствующая о связях с районом Балтики.

Многое для изучения древней истории Ловозерского края дали раскопки стоянок на Северо-Восточном Мурмане близ бухты Дроз-

Карта Ловозерского района с указанием археологических объектов

довка. Эта местность, как оказалось, на протяжении нескольких тысячелетий использовалась первобытными людьми для охотничьего промысла. Здесь удалось проследить ход развития экономики и духовной культуры первобытных людей. На смену бродячей охоте и собиранию даров моря — занятий эпохи мезолита, отмечала руководитель исследований Н. Н. Гурина, пришли более производительные формы хозяйства, иной уклад жизни: появились долговременные поселения, охота с собакой и улучшенным оружием, рыболовство с помощью сетей, а главное — возник высокопродуктивный морской промысел.

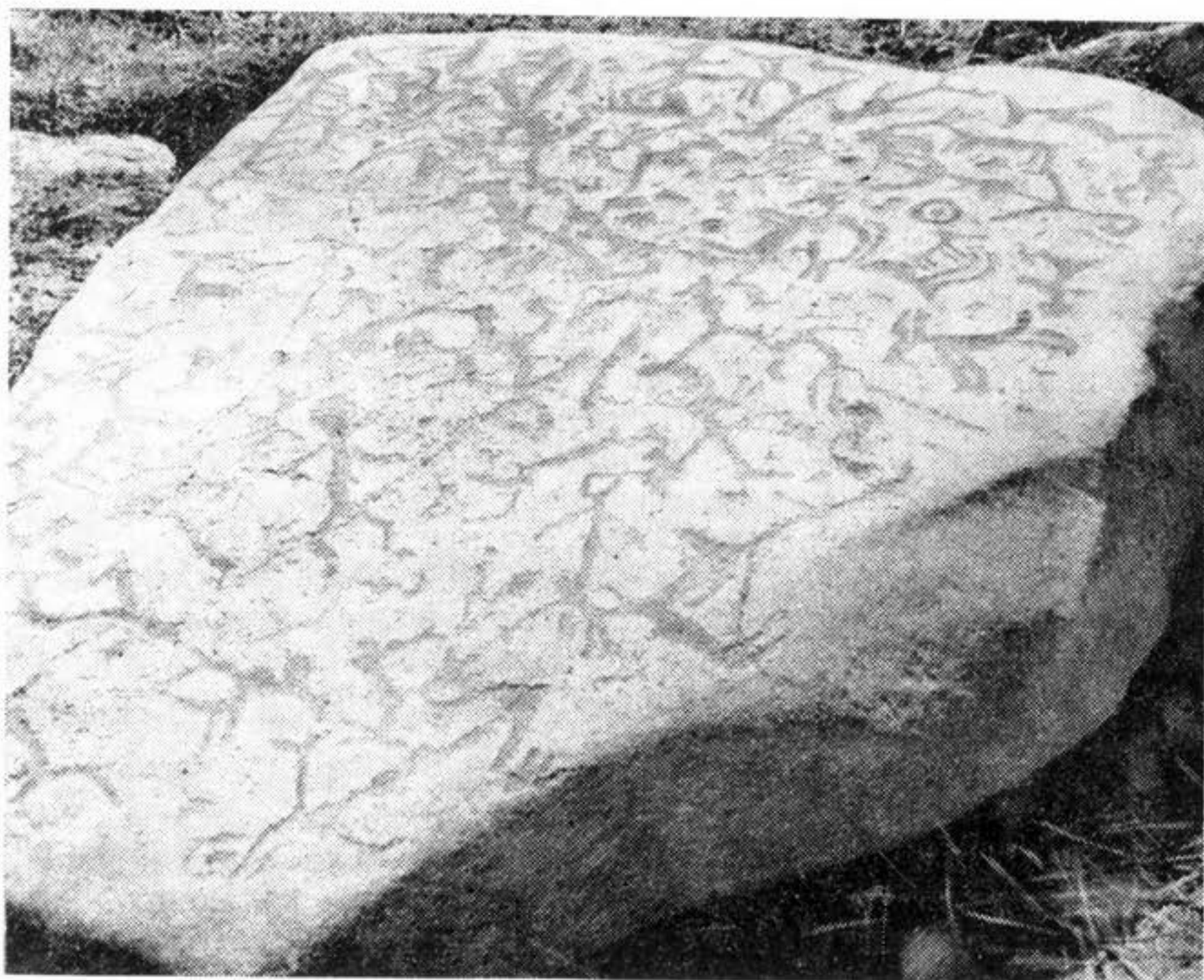
Основными объектами охоты, судя по костным остаткам, являлись гренландский тюлень и нерпа. Кроме того, в местах обитания в большом количестве встречаются кости лося, оленя, белого и бурого медведя, песца, росوماхи, разных птиц и рыб, реже — кости моржа, белухи, нарвала, волка. В 1980 году обнаружены резцы и челюсть бобра — свидетельство о сравнительно теплом климате в III—II тысячелетии до нашей эры. Сейчас здесь безлесная тундра, а тогда, несомненно, росли лиственные деревья, без которых бобры существовать не могли.

Обширен набор орудий труда и предметов быта. Среди находок — множество костяных изделий, в том числе из рогов оленя и лося, из клыков моржа: гарпуны, наконечники стрел и копий, длинные кинжалы, ножи, шилья, рыболовные крючки, иглы для вязания сетей, игольники и тончайшие иглы для шитья, гребень, ложка. Помимо костяных, немало изделий из высококачественного кварца, сланца и в меньшей мере — из горного хрусталя и кремня. Это — топоры, тесла, наконечники стрел и дротиков, ножи коленчатого типа, скребки, светильник (сосуд с ручкой, в который клали жир и вставляли фитиль). Имеются обломки глиняной посуды. К числу самых интересных находок следует отнести форму для отливки небольших бронзовых топориков, изготовленную из мыльного камня — материала, податливого в обработке.

Большую ценность представляют найденные на поселениях близ бухты Дроздовка предметы первобытного искусства — великолепные фигурки различных животных, преимущественно лося, медведя и оленя.

Изображения людей редки, и вырезаны они не в виде отдельных фигурок, а как детали изделий — мужские головы на концах двух костяных ножей и на окончании одного округлого стержня. Возможно, что эти предметы использовались в культовых церемониях.

В 1973 году ученый мир взволновало открытие в Ловозерском районе петроглифов — рисунков, выбитых на камнях. Они были обнаружены археологической экспедицией в среднем течении реки

Поной, в урочище Чальмны-Варрэ, что в переводе с саамского языка означает «глаз-высотка», иными словами — «место высматривания». Возле этой сопки дикие олени во время сезонных миграций переправлялись через реку. По-видимому, первобытные люди устраивали здесь засады и били животных на плаву или при выходе на берег, а после успешной охоты справляли празднества с ритуальными действиями. Возможно, тут существовало святилище.

Всего близ Чальмны-Варрэ выявлено шесть камней, на которых кварцевым зубилом выбито около сотни рисунков. Изображены почти исключительно олени и люди. Другие рисунки — лента (змея? река?) и два круга, один в другом (солнце?), — являются дополнительными деталями к сценам с оленями. Высота фигурок — 10—15 сантиметров, глубина выбивки — до 3 миллиметров. Животные изображены в профиль, люди — в фас. Выбивка повсюду сплошная, не контурная.

Петроглифы Поноя создавались на протяжении длительного времени — с конца II тысячелетия до нашей эры, до первых веков нашей эры. Они неодинаковы по манере исполнения: более поздние выполнены несколько схематично, но значительно совершеннее, разнообразнее по тематике. На одном из камней, поверхность которого едва превышает 4 квадратных метра, сделано более 60 рисунков. Они относятся к эпохе раннего металла. Замечательны сцены хоровода и рождения олененка. Специалисты отмечают художественные достоинства рисунков. Они самобытны и зачастую талантливо.

Древние люди оставили еще один вид памятников — лабиринты, или, по местной народной терминологии, «вавилонны». Это выкладки камней в форме концентрических кругов и спиралей, нередко с замысловатыми поворотами, простенками (тупиками). Назначение вавилоннов до сих пор неясно, загадочно. Одни считают их святилищами, местопребыванием душ умерших; другие — своего рода пособиями, образцами для устройства ловушек на рыбном промысле; третьи — обозначением принадлежности окрестных угодий коллективу, создавшему лабиринт; четвертые — алтарями, куда древние рыболовы приносили дары божееству воды. Существуют и другие предположения, порой просто фантастические (например: сооружения-памятники, созданные мореплавателями с Крита).

Лабиринты, как правило, расположены в местах, обильных рыбой, зачастую близ устьев рек. Вход в них обычно сделан со стороны суши. Известны четыре улиткообразных вавилонна на реке Варзина. Но особенно замечателен вавилон у села Поной, так называемый Большой. Ширина его 18,5 метра. Из центра наружу ведут шесть дорожек, из которых пять тупиковых. Найти правильный путь в сложной системе ходов не просто. По мнению Ю. В. Титова, лабиринты сооружались в конце I тысячелетия до нашей эры древними саамами. Н. Н. Гурина относит их к позднему неолиту (II тысячелетие до нашей эры).

С древнейших времен в Ловозерском крае сложилась система хозяйства, основанная на чередовании сезонных промыслов. В зависимости от времени года первобытные саамы занимались то охотой на лесных животных и птиц, то ловлей рыбы в озерах и реках, то шли к морскому побережью бить тюленей, нерп и водоплавающую дичь.

В дореволюционной (Н. Н. Харузин) и советской (А. Л. Никитин и др.) литературе можно встретить утверждения, будто саамы издревле являлись оленеводами. Такая точка зрения противоречит всей совокупности имеющихся данных о древних саамах. Она не подтверждается ни археологическими раскопками, ни наскальными изображениями Поноя и Беломорья (повсюду даны сцены охоты, а не езды или другого способа использования одомашненного оленя), ни письменными источниками (сведениями норвежского мореплавателя Отера, побывавшего на Мурмане в IX веке). На отсутствие оленеводства в эпоху раннего металла указывает и постоянный характер поселений близ Ловозера и в верховьях реки Воронья (олени быстро выедают ягель возле селений и вынуждают людей к переходу в другие места). Материалы Северного Урала, Сибири и Алтая также свидетельствуют о сравнительно позднем возникновении оленеводства. На Кольском полуострове приручение северного оленя и использование его для перевозки поклажи, по нашему мнению, произошло незадолго до прихода сюда русского населения — уже в начале II тысячелетия нашей эры.

Вследствие сезонности промысловых занятий саамы имели два типа жилищ: зимою — полуземлянки, бревенчатые стены которых утеплялись шкурами, а каркас крыши, кроме отверстия для дыма, покрывался дерном; в теплое время года — куваксы — конусообразные шалаши из жердей, покрытых шкурами или сшитыми листами бересты (основание куваксы укреплялось валунами). О жилищах полуземляночного типа упоминается в саамском эпосе; археологическим свидетельством их существования являются так называемые «чудские ямы» в местах древних поселений. Следы временных жилищ обнаружены на стоянках у Нерпичьей губы близ Дроздовки. Здесь сохранились каменные кладки круглой и четырехугольной формы. Внутри их найдены угли, анализ которых показал дату кострища — 1330 год. Каменные «кольца» на поселении вытянуты в один ряд, отстоят друг от друга на 4—12 метров. Диаметр круговых кладок — от двух с небольшим до трех метров.

По расположению и размеру жилищ можно в определенной степени судить и об общественной организации древних саамов. Жили они родовыми коллективами, которые возглавляли наиболее авторитетные мужчины старшего возраста. На стоянке у Нер-

пичьей губы родовая община состояла из девяти кровнородственных семей. О патриархате (главенстве мужчин) свидетельствуют погребения. В Оленеостровском могильнике с почетом похоронен мужчина, при котором лежали бронзовое копье и шаманская колотушка. На понойских петроглифах культовые пляски исполняют мужчины. Изображения бородатых людей встречаются на резных поделках дроздовцев. Фигурок женщин пока не найдено. Эпоха матриархата давно миновала. Охотничий промысел как в лесу, так и в морских бухтах был делом мужчин и определял их высокое общественное положение в родовом коллективе.

Первобытную религию принято называть языческой. Для нее характерно многобожие и разнообразие культов, цель которых — добиться благорасположения высших сил, господствующих над миром. Мы не знаем, какие божества почитались саамами в далеком прошлом. Судя по фольклору, прославлялись солнце, несшее тепло и свет, духи воды, леса и гор, от которых, по мнению первобытных охотников, зависели обилие или скудость рыбы и зверя.

У древних саамов существовал культ владык местности — сейдов, от воли которых зависели успех на промысле и благополучие в жизни. Сейдами назывались также каменные кладки и отдельные камни, по форме напоминающие фигуру человека, которые считались обиталищем духов. Сейдам приносились жертвы. Чтобы умилостивить духов, намазывали священные камни жиром или кровью животных. Делалось это обычно перед началом промысла. У жителей Ловозерья славой «священного озера» пользовалось Сейдозеро — красивое и богатое рыбой.

Среди верований важное место занимал культ предков. Существовало убеждение, что, умирая, люди уходят в загробный мир, где им потребуется все то, чем они пользовались в земной жизни. Поэтому в могилы клали пищу, орудия труда, оружие, украшения, бытовую утварь. Чтобы предки не были в обиде и не вредили живущим, им оказывали определенные почести (приношения, ритуальное поклонение).

С середины I тысячелетия до нашей эры в Заполярье наступает похолодание. Граница лиственных лесов с Мурманского побережья отступила на юг, за Хибины. Изменение климата сказалось на хозяйственной деятельности саамов. Падает значение зверобойного промысла в бухтах Северо-Восточного Мурмана. Главным занятием населения в теплое время года становится рыболовство. Сокращается численность населения и меняется его размещение на полуострове. Часть саамов, ранее летом промышлявшая на море, остается круглый год внутри Лапландии.

В I тысячелетии нашей эры начинается приручение оленя. Пойманных на охоте животных привязывали к деревьям и не-

сколько дней не давали пищи, а затем приносила корм, поглаживали во время еды, приучали повиноваться.

Прирученных оленей-быков стали использовать для транспортных нужд — во время передвижений от одного места промысла к другому они везли на волокушах и вьюках рыболовные снасти, детей и разное домашнее имущество.

Одним из последствий похолодания и сокращения численности населения на полуострове явилось исчезновение металлургии. Саамы утратили навыки добычи медных и железных руд и получения из них металлов для изготовления орудий труда и домашнего обихода. Ослабели и почти прекратились связи жителей края с соседями, хозяйство стало носить натуральный (безобменный) характер. Археологи редко находят поселения раннего средневековья. Жизнь саамов в I — начале II тысячелетия изучена очень слабо.

В связи с этим особую ценность представляет собой сообщение норвежца Отера, который около 875 года совершил плавание на судне к Белому морю. Отер рассказывал, что на всем пути по правому борту простиралась необитаемая земля и только в немногих местах жили рыбаки, птицеловы и охотники.

Определенную информацию о саамах накануне прихода русских на Кольский полуостров содержит саамский эпос — исторические предания и сказания, донесшие до нас сведения о борьбе саамов с «чудью», под которой понимался не какой-либо конкретный народ, а вообще захватчики-грабители, иноземные «враги». Согласно преданиям, чудь билась мечами, а саамы отражали нападения луками, одерживали победы над чудью не силой, а хитростью и колдовством, а также благодаря хорошему знанию местности и наличию скрытых убежищ. Отряды скандинавских грабителей — «добытчиков», приходивших с запада в эпоху викингов, фигурируют в сказаниях иногда под именем «шветов», то есть под конкретным этническим названием. Неравная борьба с хорошо вооруженными и опытными воинами Скандинавии, несомненно, истощала силы коренного населения. Захватчики не только истребляли и угоняли людей, но и подрывали экономику, задерживали развитие местного общества.

С XI века на Крайнем Севере Европы началось потепление, но весь этот обширный край отмечен печатью запустения и отсталости.

ерломным событием в истории нашего Севера явился приход русского населения. Отважные новгородцы уже в 1032 году в своем движении в «полуночные страны» достигли Студеного (Белого) моря, а к концу XI века проложили пути в Югру (Северное Зауралье). Смелых землепроходцев влекла на Крайний Север выгодная меновая торговля с местными жителями, которые за металлические изделия — ножи, топоры и котлы для варки пищи — давали ценные шкурки пушных зверей. Выяснилось, что в северных реках можно добывать жемчуг, а на море обитает множество тюленей и моржей, промысля которых получали такие ходкие товары, как сало, шкуры, «рыбий зуб» (моржовый клык, шедший на изготовление рукояток для кинжалов, брошей, шкатулок). К числу наиболее привлекательных богатств Севера относилась также «красная рыба» — семга.

В XII веке началось заселение южных побережий Студеного моря. Наметились два потока русских переселенцев: один, более интенсивный, из Новгородской земли, другой — из Ростово-Суздальской. Это были энергичные и предприимчивые люди. Их не пугали суровые условия жизни на Севере. Они хотели найти здесь свободу и материальный достаток. Выходцы из Новгородской земли обосновались на юго-западном берегу близ устьев рек, срубили себе избы, построили промысловые и мореходные суда, стали ловить рыбу и бить зверя на море, вести торговлю. Вскоре эта группа русского населения получила наименование поморов, а сам берег, где они поселились, стал зваться Поморским.

Самые ранние русские известия об образе жизни саамов относятся к середине XV века и исходят от соловецких монахов. В одном из сочинений, названном «Сад спасения», дана история основания Соловецкого монастыря в 1429—1436 годах. Авторы рукописи отмечали, что саамы — язычники, не имеют храмов и не признают христианской веры: «отнюдь бога истинного единого и от него посланного Исуса Христа не хотяху ни знати, ни разумети»; что «лопские родове» живут в пустых и непроходимых местах, в «разселинах каменных» [пещерах] подобно зверям, «не имущее... потребного к жительству человеческому», то есть без благоустроенных домов и земледелия, не зная хлеба и овощей; одежду же себе шили из шкур оленей, а питались только дикими «животными — зверьми и птицами и морскими рыбами». В другом сочинении — «Житии» соловецких монахов Зосимы и Савватия к вышеприведенному тексту добавлены довольно существенные слова: «тем и куплю творяху», — а вместо «разселин каменных» сказано: «разселин земных», под которыми можно понимать ямы, крытые жердями

и шкурами, то есть саамы жили в своего рода землянках, а не в пещерах, которых на Севере очень мало.

Сочинения монахов ясно показывают, что в первой половине XV века саамы все еще находились на стадии первобытнообщинного строя. Они жили родами, не имели обустроенных поселений (жили «яко зверие дивие»), занимались в основном охотой и рыболовством, но уже вступили в торговые отношения и в какой-то мере понимали русскую речь («мало сведуще российского языка»).

Во второй четверти XV века жители Поморского берега, ежегодно ходившие для рыбных и зверобойных промыслов к Терскому берегу, облюбовали пустующие земли в нижнем течении рек Умба и Варзуга и переселились сюда на постоянное жительство. Началось многовековое непосредственное соседство двух народов — русского и саамского, их дружба и взаимопомощь.

Русские крестьяне ценили в саамах их высокие моральные качества — честность, доброту, бесхитрость, верность данному слову, гостеприимство и благорасположение. Саамы видели в новых поселенцах Терского берега людей, у которых можно было перенять много полезных умений и знаний, во время частых голодовок взять в долг съестные припасы, выгодно выменять на пушнину и семгу предметы русского ремесла и сельскохозяйственные продукты. Русский крестьянин-труженик зачастую брал в аренду неиспользуемые саамами промысловые угодья, платя за них по договоренности хлебом или деньгами.

В 1478 году Кольский полуостров вместе со всеми новгородскими владениями перешел под власть Москвы. На первых порах это событие не внесло в жизнь саамов каких-либо изменений. Они платили ту же дань, но только не в новгородскую казну, а московскому князю Ивану III. Последний ликвидировал боярское землевладение на Терском берегу. Вотчинные земли Марфы Борецкой, Нестера Ивановича и Тимофея Ермолинича по вкладам бояр перешли во владение Соловецкого монастыря.

К середине 70-х годов XV века Терский берег, судя по вкладным грамотам, хозяйственно был уже хорошо освоен. В документах упоминаются не только используемые леса и воды, но и пожни (сенные покосы), заборы для ловли семги. Рыболовные тони имели русские названия: Каменная, Точильный Ручей, Кашкаранский Наволок. Земли были четко размежеваны — установлены общинные и «лопские рубежи». «На лопи» имелась «торговая козица» (по-видимому, фактория для меновой торговли с лопарями), отмечены «звериные и птичьи ловища».

Заселение Терского берега русскими крестьянами — потомками жителей Новгородской земли ускорило развитие коренного населения края.

Ценные сведения о саамах Российской Лапландии содержатся

в сочинении австрийского посла Сигизмунда Герберштейна «Записки о московитских делах». Любопытный иностранец записал рассказ о лапландцах со слов русского дипломата Григория Истома, который в 1496 году совершил плавание вдоль Мурманского берега во время поездки из Холмогор в Данию. Григорий Истома в пути останавливался на Мурманском берегу, лично знакомился с бытом местного населения и имел самые точные сведения об образе жизни и уровне развития саамского общества.

Вот что сообщает Григорий Истома о саамах конца XV столетия:

«Они живут разбросанно вдоль моря в низких хижинах... Свои шалаши прикрывают они древесною корою и нигде не имеют определенных жилищ, но, истребив на одном месте зверей и рыб, переселяются в другое». Люди они мирные, кроткие, являются «данниками московского князя... в качестве подати платят ему меха и рыбу, так как другого не имеют. Заплатив же годовую дань, они хвалятся, что никому ничего не должны и что они независимы... У лопарей нет ни хлеба, ни соли, ни других приправ для возбуждения вкуса, они употребляют в пищу только рыбу да зверей... Они все весьма искусные стрелки, так что, если находят на охоте более благородных зверей, умерщвляют их стрелою, пущенною в морду, чтобы получить таким образом шкуру целую и не поврежденную». Лопари «не знают других языков» и в общении с иноплемениками выглядят «почти немymi». Но они «начинают уже покидать свойственное им дикарство и становятся общительнее. Они охотно допускают купцов, которые привозят им платье из толстого сукна, а также топоры, иглы, ложки, ножи, кубки, муку, горшки и другое в том же роде, так что едят уже вареную пищу и приняли более человеческие обычаи. Они носят платье, которое шьют сами из шкур различных зверей, и в таком одеянии иногда являются в Московию; весьма немногие, однако, из них носят обувь и шапки, сделанные из оленьей кожи. Золотой и серебряной монеты они не употребляют вовсе, а довольствуются только обменом предметов». Отношение к приезжему торговцу самое дружественное: «Отправляясь на охоту, они оставляют дома с женою купцов и других иноземных гостей»; хорошего посетителя «награждают каким-нибудь подарком».

Этот уникальный документ позволяет подвести итог социально-экономического развития саамов в дохристианскую эпоху. Саамы все еще не вышли из стадии первобытнообщинного строя, но вплотную приблизились к порогу классового общества. Они платят традиционную дань, которая взимается не с угодий, а с числа взрослых охотников. Это не феодальная рента за пользование землей, а своего рода плата за мир и безопасность властителю — Русскому государству. Кроме дани, лопари не несут никаких дру-

гих повинностей. В их землях нет правительственной администрации. После уплаты дани они считают себя «независимыми» и гордятся своей свободой. Излишки промысловой продукции саамы сбывают приезжим купцам, которые вхожи в их жилища и даже остаются на некоторое время погостить в семьях. Своей социально влиятельной и имущей верхушки у лопарей пока нет: для возникновения ее при отсутствии продуктивного оленеводства еще не сложились условия. Саамы — полукочевники, охотятся на диких животных и ловят рыбу, переходя с места на место в поисках лучших промысловых угодий.

Сообщение Григория Истома отражает начальный период приобщения саамов к русской культуре. Поколеблены устои натурального хозяйства. В производственную жизнь и быт вошли более совершенные орудия труда и предметы домашнего обихода. Саамы пользуются изделиями русского ремесла, приобретают для питания муку. Они иногда ездят «в Московию» — вероятно, на Двину, где находился наместник Ивана III. Зачем саамы совершали такие дальние поездки — не сказано; скорее всего, для платежа дани, поскольку торговцы сами приезжали в их стойбища. Несомненно, знакомство с Русью, «Московией», расширяло кругозор саамов, позволяло им кое-что усваивать из достижений русской культуры, в какой-то мере воспринимать нормы общественной жизни, сложившиеся на Руси («приняли более человеческие обычаи» — свидетельствует Григорий Истома). Общение с русскими подготавливало почву для принятия новой религии.

Заинтересованность в получении русских товаров побуждала саамов к увеличению добычи пушнины, семги, сала, пуха, а внедрение улучшенного промыслового снаряжения (льняных и пеньковых снастей, металлических крючков, капканов) позволяло поднять производительность труда и доходность хозяйства.

Так под воздействием Русского государства и благодаря общению с русским населением в саамском обществе складываются предпосылки для распада патриархально-родового строя и утверждения отношений классового общества.

В ГОСУДАРЕВОЙ ВОТЧИНЕ

Социально-экономический, демографический и религиозный облик Лапландии изменил XVI век. Огромное влияние на жизнь этой окраины России оказывала международная обстановка. В 20-х годах в Скандинавских странах на смену католической церкви приходит лютеранская. Конфисковывались земли

католических владык, распродавались колокола и другое имущество католических храмов. На Руси опасались, как бы «люторская ересь» не проникла на сопредельные с Швецией и Норвегией территории Карелии и Лапландии. В таком случае русские владения могли стать объектом притязаний соседних держав.

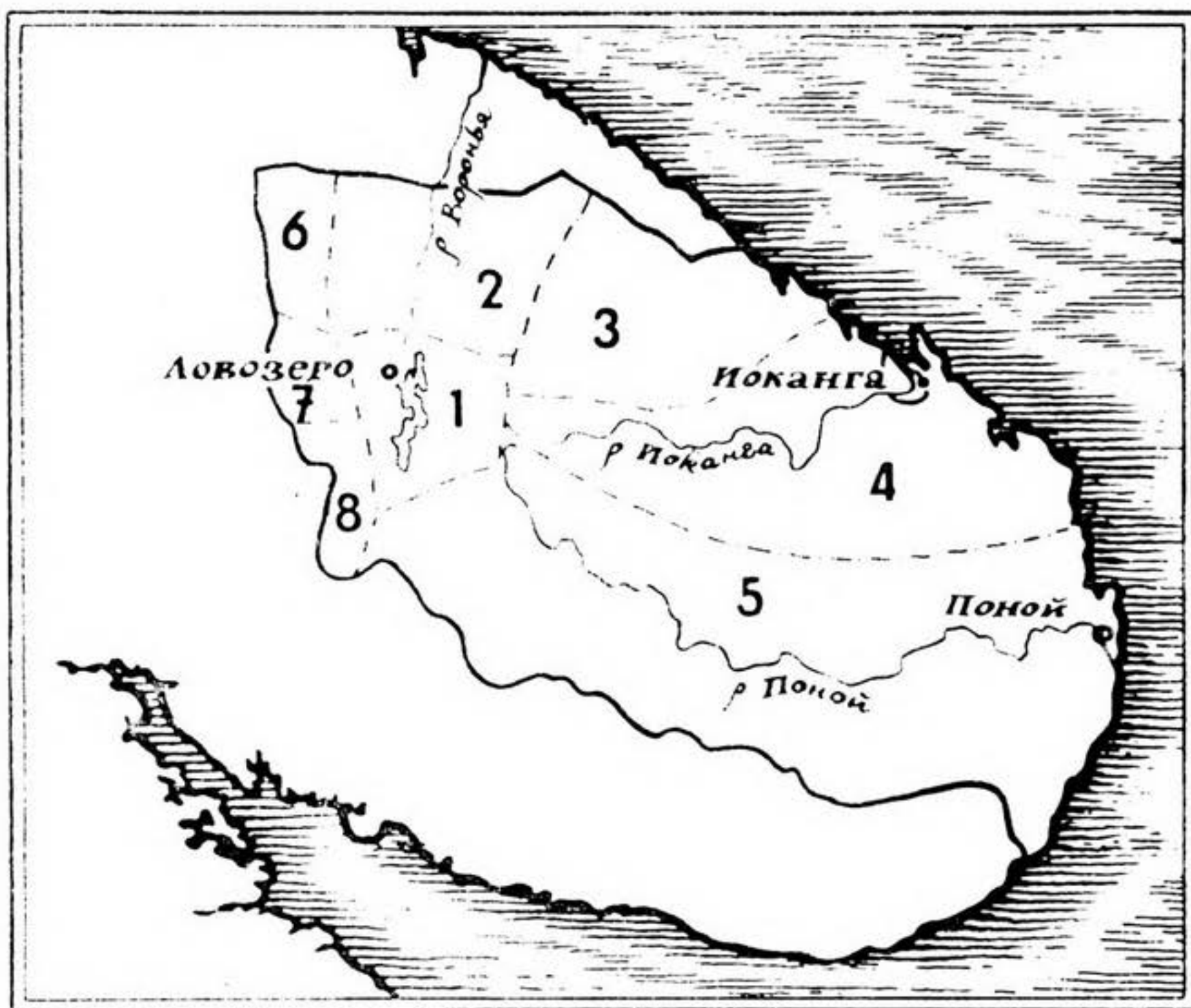
Православное духовенство при активной поддержке московского правительства приняло меры к ограждению Российской Лапландии от проникновения в нее лютеранства. В земли саамов были посланы миссионеры с заданием обратить язычников в «русскую веру».

В 1526 году приняли христианство саамы, жившие по побережью Кандалакшского залива, после чего настала очередь саамов центральной и западной частей Кольского полуострова. На Печенге проповедовал православие отшельник Трифон, на Кольском заливе — соловецкий монах Феодорит, человек весьма образованный, «книжник и философ». О деятельности Феодорита в центральной Лапландии подробно рассказал князь А. М. Курбский в книге «История о великом князе Московском», написанной в 70-х годах XVI века.

Сочинение Курбского не содержит точных дат, когда Феодорит обосновался в «Мурманской земле», которую населяли «лопяне — людие зело просты и кротцы и отнюдь всякого лукавства неискусны». Феодорит, по словам Курбского, прожил в земле саамов около двадцати лет, научился их языку, всячески помогал им, лечил больных и тем снискал большое уважение к себе. Феодорит начал учить их молитвам, которые он перевел на лопский язык, и, наконец, «единого дня» собрал со всей округи «на устье» Кольского залива «яко [примерно] две тысячи со женами и детьми» для крещения, совершил обряд обращения «в веру Христову».

Курбский пишет, что обо всем этом ему поведал сам Феодорит, который был духовником князя (священником, который исповедовал и причащал его). Число крестившихся саамов, несомненно, преувеличено по крайней мере втрое. Но указание на множество пожелавших принять новую веру дает основание думать, что среди явившихся для крещения находились и ловозерские лопари. Каких-либо особых упоминаний о крещении лопарей, обитавших на Имандре и Ловозере, нет.

Новгородский архиепископ Макарий в 1532 году послал к церкви при устье реки Колы священника Илью. Ему выделили лопарей муномашских (кильдинских), вороньинских, норицких (семиостровских), ловозерских, масельгских, нотозерских и сонгельских, к которым он должен был ездить «лопарей исповедовать, и младенцов крестить, и родильницам молитвы давать, и браки венчать, и усопших отпевать».

Немного позднее приняли христианство понойские и иокангские саамы. Иван Грозный по просьбе лопарей даровал понойскому храму иконы, кресты, ризы, два колокола весом «пуда по четыре» (около 66 килограммов), церковную утварь, богослужебные книги. К концу его царствования большинство лопарей исповедовали «русскую веру». Лишь в самых глухих местах несколько семей оставались язычниками. Целое столетие правительство не обращало на это внимания. Только в 1681 году кольскому воеводе Василию Эверлакову пришло предписание объехать поселения лопарей, крестить желающих принять христианство и поставить «в погостах для поклонения святых икон часовни». Строжайше запрещалось как-либо принуждать лопарей к крещению, чтобы в «иноверных людях не возбудить смятения». Правительство тре-

Карта саамских погостов восточной Лапландии (XVII—XVIII вв.):

1 — Ловозерский; 2 — Вороньинский; 3 — Семястровский; 4 — Иокангский; 5 — Понойский; 6 — часть Кильдинского; 7 — часть Масельгского; 8 — часть Екостровского

бовало действовать «с любовью и приветом и с добрым тщанием и с неоплошным радением, а не насилием», за крещение давать награды: рядовым лопарям «по 2 рубля человеку да льготы в службе и в тягле (несении повинностей) на два года», а «нарочитым» (влиятельным среди них, старейшинам) выдавать по 2,5—3 рубля и льготы на три года «да и впредь его, великого государя, жалованьем их обнадеживать, чтобы, на то смотря, и иным иноверцам в православную христианскую веру повадно было приходить».

Кольский священник Алексей Симонов и посадский человек Федор Суслов зимою 1681/82 года объехали Лапландию и доло-

Саам отправляется на охоту.

Рисунок из книги Ламартиньера. Середина XVII века

жили, что распоряжение царя Федора Алексеевича они выполнили. Однако в документах начала XVIII века изредка встречаются указания на лопарей, оставшихся в идолопоклонстве. Так, в таможенной книге 1719 года среди лиц, продававших оленьи кожи, назван «Колозерского погоста некрещеной лопин Иван с товарищи».

Саамы, считавшие себя христианами, фактически являлись двоеверцами. Выполняя предписания русской церкви, они в то же время не забывали приносить жертвы сейдам, верили в существование духов воды, лесов и жилищ, не всегда строго соблюдали посты (например, ели куропаток, называя их «летучими рыбами»). Русские терпимо относились к традиционным верованиям саамов. Источники не зафиксировали случаев истребления сейдов или наказания лопарей за идолопоклонство.

Принятие саамами христианства способствовало укреплению дружбы между двумя народами, населявшими край. Исчез религиозный барьер в общении между ними. Во время православных праздников саамы стали ездить в русские селения — в гости к знакомцам и друзьям, вместе с ними посещали церковь, обменивались подарками (саамы дарили меха, а русские — женские платки, украшения, металлическую посуду и т. п.).

Возник обряд крестования: русские и саамы обменивались нательными крестами и становились отныне «крестовыми братьями». Обычно приятельские отношения завязывались на деловой почве — при аренде саамских угодий, предоставлении саамам ссуд в голодный период, при совместной ловле рыбы и во время торговли. У русских крестьян и посадских людей тип хозяйства существенно отличался от саамского. Живя оседло, русские, помимо рыболовных и зверобойных промыслов, занимались скотоводством (разводили коров, овец и в небольшом количестве лошадей), следовательно, нуждались в покосах и пастбищах, которые зачастую приходилось арендовать у лопарей. Часть русских жителей Лапландии получала средства к жизни ремесленной деятельностью (кузнечным и плотницким делом, судостроением, бондарством, шитьем одежды и обуви, вязанием сетей), а также солеварением, размолотом зерна, морским извозом и торговлей. Саамам часто приходилось прибегать к платным услугам русского населения, и они стремились иметь среди русских друзей-покровителей.

Единоверие облегчало сближение саамов и русских. Возникали смешанные браки, складывались родственные отношения. Некоторые саамы переезжали жить в русские селения (переселений русских в саамские погосты не зафиксировано).

С принятием христианской религии менялась идеология лопарей — их представления об окружающем мире, божественных силах, государственной власти (царь — «избранник божий»), смысле жизни и поведении в обществе (по учению церкви — строгим со-

блюдением норм христианской морали, заповедей бога обеспечить спасение души от вечных мук в аду), утверждались новые понятия о собственности (вместо коллективного владения индивидуальные формы подворного землепользования и распоряжения), семейных отношениях и т. д.

Христианство, как и всякая религия, давало превратную, иллюзорную картину мира. Неизбежным следствием принятия его явилось усиление эксплуатации трудящихся. Однако для того времени приобщение саамов к официальной религии Российского государства сыграло положительную роль, способствовало переходу от первобытности к классовому обществу. Саамский народ поднимался на новую, более высокую ступень социального развития.

Христианизация саамов проходила в обстановке крупных сдвигов в хозяйственном освоении Севера.

Начиная с 40-х годов XVI века жители беломорских селений стали все более и более заниматься рыбным промыслом на Мурмане. В удобных бухтах, близ рек, они устраивали станы — жилые избы, скеи (погреба), салотопни, бани, приспособления для сушки рыбы и снастей. В отличие от первобытных обитателей края, поморы ловили рыбу не в заливах и устьях рек, а в открытом море («голомяни»), на плотных концентрациях, в 10—30 верстах от берега. Нередко за один выезд в море артель вылавливала 100 и более пудов рыбы.

Следуя примеру русских, саамы также освоили лов рыбы в открытом море, но применяли суда несколько меньшего, по сравнению с поморскими, размера (так называемые «тройники») и укороченный ярус.

Освоение ярусного лова — высокопроизводительного по тому времени способа добычи рыбы — явилось крупным достижением саамов, оказавшим огромное влияние на их социально-экономическую жизнь.

Третья четверть XVI столетия в истории Мурмана ознаменовалась бурным ростом морских промыслов и торговли. Около 1556 года близ устья реки Колы поселилась группа русских крестьян — выходцев из Поморья, положив начало главному селению края — Коле. Первое время в ней насчитывалось всего лишь три жилых двора. Но очень скоро Кола стала известна далеко в России и за рубежом.

С развитием рыбных и зверобойных промыслов на Мурман стали являться иноземцы — норвежцы, датчане, англичане, голландцы, немцы. Они везли в рыбацкие становища разнообразные товары — оружие, вина, металлы, порох, сукна, бумагу, краски, пряности, посуду, колокола, а покупали у местного населения и приезжих купцов пушнину, семгу, шкуры, сало морских зверей. Россия в 1558—1583 годах вела Ливонскую войну и нуждалась в промыс-

ленных изделиях Запада. Потребителями многих иностранных товаров были русская церковь и феодальная знать.

Наиболее ранние сведения об участии саамов в торговле с иностранцами содержатся в записках английского моряка Стивена Бэрроу, который посетил торг в становище Кегор (бухта на северо-западе полуострова Рыбачий) летом 1557 года. В конце июня здесь завершился весенний промысел и шла бойкая торговля русских, карел и саамов с голландцами. «Я видел, — рассказывает Бэрроу, — как лопари покупают у голландцев серебряные блюда, сосуды и ложки, золоченые кольца, серебряные и золоченые украшения для поясов и какие-то предметы, которые вешают на шею с полагающимися к ним серебряными цепочками».

Свидетельство Бэрроу показывает выделение в саамском обществе зажиточного слоя людей, приобретавших предметы роскоши. Это могло произойти в условиях повышения производительности труда и платежа легкой дани, размер которой был установлен во времена существования у саамов примитивного натурального хозяйства. Из разговора с лопарями С. Бэрроу узнал, что «некоторые из них приехали в Кегор со своих рыбных ловель за 8 недель пути на оленях», то есть из весьма отдаленных мест — вероятно, из восточной Лапландии.

Будучи в Иокангском заливе 21 июня 1557 года, С. Бэрроу видел скопление лопарей — около 100 человек, не считая женщин и детей. Они жили в шатрах из оленьих шкур и занимались собирательством. Морской рыбный промысел еще не начался. В поисках пищи лопари лазили по скалам, «ели дикорастущую траву... сырые птичьи яйца и птенцов». Одна из групп при этом передвигалась на лодке, вмещавшей 16 человек, в том числе двух женщин. Иокангские лопари, пишет Бэрроу, «веруют в русского бога», то есть были уже крещеными. В отличие от лопарей, приезжавших в Кегор, это бедные люди, к весне оголодавшие, потреблявшие то, что могли найти на берегу. («...Другой пищи, — сообщает наблюдатель, — у них нет никакой».)

На заключительном этапе Ливонской войны обстановка на Крайнем Севере резко обострилась. Правящие круги Швеции наметили обширную программу завоевания русских земель. В частности, планировался захват и поголовное истребление русского населения в Лапландии. Дания, обычно дружественная России, стала препятствовать международной торговле на Мурмане. Весной 1582 года датский король Фредерик II отправил в Мурманское море военную эскадру из пяти кораблей, которая, плавая в районе рыбных промыслов и по Кольскому заливу, грабила английские и голландские торговые суда и отняла у них «разбойным обычаем... всяких товаров на 50 тысяч рублей». Датские чиновники получили королевскую инструкцию собирать «дани и об-

роки, десятину и пошлину» со всех жителей Кольского полуострова — не только с лопарей, но и с русских, поселившихся в Коле и Печенге, которых король объявил своими подданными.

Московское правительство приняло в ответ меры по защите своих интересов на Мурмане. В 1582 году Иван IV послал в Колу для управления краем боярина Аверкия Ивановича Палицына с небольшим отрядом стрельцов. Воевода срубил в Коле гостиный двор для торговых иноземцев, поставил весы с норвежскими гирями, упорядочил взимание государевых доходов (торговых пошлин и промысловой десятины), ввел в Коле строгие порядки — «бережение... чтоб торговым людям насильства, убытков и бесчестья ни от кого не было».

Сменивший А. И. Палицына воевода Максак Федорович Судимантов в 1583—1584 годах с помощью стрельцов и поморских плотников соорудил в Коле острог — обнес центральную часть поселения частоколом и рвом, поставил по углам башни с бойницами.

Кола, ставшая административным, военным, промысловым и торговым центром края, продолжала расти. В середине 80-х годов XVI века в ней числилось более 70 податных дворов, не считая домов духовенства и приказных людей.

Открытие воеводства и размещение в Кольском остроге гарнизона потребовало учреждения в Лапландии «ямской гоньбы» — регулярного сообщения с обжитым Поморьем для перевозки почты, казенных грузов, военнослужилых людей и гонцов, ехавших по государевым делам. Между Ковдой и Колой стал функционировать «тракт» с дорожными станциями в Кандалакше, Екострове и Масельге. К обслуживанию последнего привлекались и ловозерские саамы.

При отсутствии военного флота Россия не могла предотвратить нападения датчан на море. Международный торг пришлось в 1585 году перевести из Колы на Двину, во вновь основанный город Архангельск.

Вскоре Дания потребовала уступки ей «всей Лапландии», но встретила решительный отпор московского правительства. Борис Годунов заявил датским послам: «Лопская земля искони вечная вотчина великих государей», доставшаяся им от «Великого Новгорода с Двинскою землею». Все попытки Дании отторгнуть Кольский полуостров от России (путем покупки, получения в приданое при выдаче царской дочери за датского принца и т. п.) провалились. Лопская земля, благодаря твердой политике Москвы, осталась в составе Российского государства.

Более агрессивно действовала Швеция. В мае 1589 года шведы уничтожили всех жителей Кандалакши (450 человек), разграбили и сожгли их дома, затем разорили Ковду, Княжую, Порью Губу и частично Умбскую волость. Осенью того же года, захватив Пе-

ченгский монастырь, шведы перебили 116 человек монахов, служек и работников, 37 саамов, в том числе женщин и детей, после чего двинулись внутрь Лопской земли.

23 декабря 1589 года шведы подошли к Коле. Посадские люди сами сожгли свои дворы и укрылись за стенами острога. Они отразили несколько штурмов врага, выдержали осаду, а потом, совершив дерзкую вылазку, разбили захватчиков.

Летом 1591 года 1200 шведов снова предприняли поход на Колу. Во время штурма им удалось поджечь две башни и ворваться в острог, но коляне и пришлые промышленники отбили приступ с большим уроном для врага (215 убитых и раненых). Отступая, в яростной злобе, захватчики разорили на реке Туломе жилища нотозерских саамов.

Ловозерские и другие саамы Восточной Лапландии не пострадали — их селения прикрыли своей героической борьбой защитники Колы.

Потребности обороны края побудили царское правительство ввести денежный сбор на ремонт и поддержание в порядке укреплений Кольского острога, так называемое «городовое дело». Эта обязанность распространялась на все тяглое население края, в том числе и на лопарей. Собранные деньги шли на наем работников (в основном колян — посадских людей и стрельцов), которые заготавливали лес и восстанавливали полусожженный острог.

Новая повинность была вполне понятной лопарям и не особенно обременительной по сумме платежа. Гораздо более тяжелой и зачастую непосильной стала «королевская дань». Прежде терская лопь платила Дании «с вежи по четыре денги на год», то есть по 2 копейки с жилища; теперь собирали «по десяти алтын со всякого человека», то есть по 30 копеек с каждого мужчины. Так, ловозерцы раньше с 10 веж давали датчанам 20 копеек, отныне с 28 человек — 8 рублей 40 копеек. Увеличение — в 42 раза! Так же облагались и лопари других погостов.

В датском архиве сохранились челобитные соседей ловозерцев — кильдинских, масельгских и нотозерских лопарей, поданные королю Кристиану IV в 1595 году. Жалуясь на притеснения датских чиновников, они писали: раньше приезжало к ним для сбора дани три человека с переводчиком, теперь — вдвое больше; дань берут «поголовно, со старого и малого», а «корма» себе — по 5 хлебов, по 12 туш мяса и по 100 сигов, а прежде они давали по 1 хлебу, по 2 туши мяса и по 10 сигов; меховые постели, переспав, данщики забирают себе, а в подводы требуют по 30 оленей; «и тот ваш данщик... емлет подводы сильно, бьет и мучит, и в железо кует, и на мороз мечет... и теперь мы, лопаришка, вконец загибли...»

Коренным образом изменилась сущность дани, взимаемой с саамов в царскую казну. Русские власти определили примерную доходность промысловых угодий, закрепленных за погостами, и стали исчислять размер дани не соответственно числу охотников — добытчиков пушнины, а исходя из наличия угодий, приносящих доход саамам (семужьих ловель, обилия зверя и рыбы на территории, принадлежащей погосту, возможности сдачи угодий сторонним промышленникам и т. д.). Поскольку главным источником дохода для большинства саамов в то время являлась добыча семги (а не пушнины, как прежде), более всего в расчет принималась эта статья дохода.

В термин «лук» стал вкладываться новый смысл. Раньше под «луком» понимался охотник — взрослый мужчина, способный, по выражению того времени, «в лес волочиться». Теперь «лук» означал совокупность угодий, приносящих определенный доход, с которого исчислялся размер дани, окладную единицу феодального налогообложения и одновременно — право на владение определенным количеством угодий, закрепленных правительством за саамской общиной-погостом.

Когда был введен новый порядок налогообложения — неизвестно. Платежная книга, составленная по поручению царя Ивана IV двинянами Якимом Романовым «с товарищи» в 1563 году, не сохранилась. Наиболее ранние сведения о налогообложении саамов содержатся в писцовой книге Василия Агалина 1573—1574 годов, от которой дошли до нас «выписи» по некоторым погостам и фрагменты, включенные в писцовую книгу Алая Михалкова 1608—1611 годов.

Для нас особую ценность представляет выписка о Норецком (Лявозерском, позднее — Семиостровском) погосте. Обратимся к этому документу 1574 года. В погосте насчитывалось 18 домохозяйств, в которых записано в оклад 47 человек мужского пола (женщины не учитывались). По предыдущей описи в погосте числилось 42 человека мужского пола и 12 веж. Во владении норецких саамов находились: «Лявозеро, Кумозеро, Кирмозеро, Целозеро; да по морскому берегу ручей у Иванова Креста, Дроздов ручей, река Арзина, Сидоров ручей, река Лица, река Харлова, половина реки Ринды, речка Золотая». Перечисленные угодья составляли 14 луков.

Хозяйственная деятельность норецких саамов обрисована так: «А ловят в тех речках и ручейках красную рыбу семгу заборы (перегораживая и ставя ловушки в изгороди). А на озерах ловят белую рыбу про свою нужду. А речки и ручейки отдают оне на откуп приезжим людям двиняном и кореляном да на лесу и на тундре зверь бьют, тем с[еб]я кормят». Об оленеводстве нигде не упоминается. Как доходной отрасли его еще не существует. Потреб-

ности в мясе и шкурах удовлетворяются посредством охоты на диких животных. Семга — товарный продукт, ее сбывают на рынке, продают скупщикам, выручая деньги. Сами же лопари довольствуются «белой» озерной рыбой — сига́ми, щуками и прочей малоценной рыбой.

Опись Норецкого погоста позволяет судить о социально-экономических отношениях в Терской лопи. Ни о каком родовом строе — коллективном хозяйствовании и совместном потреблении произведенных благ — не может быть и речи. Угодья — 14 луков — разделены между членами общины, названными в писцовой книге поименно, с указанием доли каждого мужчины: пол-лука, треть лука, четверть, полтрети, полчети лука. Каждое семейство, состоящее в среднем из 5—6 человек обоего пола, ведет свое индивидуальное хозяйство, само распоряжается закрепленными за ним угодьями. Луковладелец может свою долю угодий продать или заложить под взятую в долг сумму денег, сдать в аренду. Первоначальное равенство в луковладении уже нарушено. 31 человек имеют по трети лука, 8 — по четверти, 5 — по шестой части, а некоторые даже по восьмой части лука. Поименный просмотр состава луковладельцев показывает, что 6 членов общины совсем не имеют луковых угодий, а в числе владеющих угодьями поименованы 8 человек, не живущих в вежах Норецкого погоста (вероятно, получили угодья в качестве приданого своих жен — норецких лопарок).

Размер луковой дани с Норецкого погоста, имевшего семужьи промыслы и по близости рынка на Мурманском берегу надежный сбыт своей продукции, был довольно высокий — по 98,5 копейки с лука в год. Для сравнения укажем сумму луковой дани с саамов других общин: вороньинские лопари платили по 85 копеек, ловозерские — по 80, нотозерские и мотовские — по 63, сонгельские — по 60, нявдемские — по 39, а верхнеземельские (масельгские, екостровские и бабинские), не имевшие семужьих ловель, — только по 25 копеек с лука. В грамоте 1622 года находим пояснение: те лопари — «людишка самые бедные... питаются зверем и рыбою, и дань с них немногая по их бедности». Дань налагалась на погост в целом. Установленную сумму (по Норецкому погосту — 13 рублей 80 копеек) предписывалось саамам раскладывать «промеж себя самим по своим промыслам и по рыбной ловле».

Помимо луковой дани, саамы вместе с русскими крестьянами и колянами несли две немаловажных повинности государству — городское дело и ямскую гоньбу.

Введение нового порядка налогообложения отражало вступление саамов в стадию классового общества. Первобытному строю с его примитивным способом производства соответствовала дань пушниной, взимаемая с действительных промысловиков-охотни-

ков. В феодальную эпоху, в условиях более развитого хозяйства и торговли, дань исчислялась с промысловых угодий и носила феодальный характер, взималась так же, как и с русских крестьян Терского берега.

Собственного феодального слоя в саамском обществе не возникло. Все без исключения саамы Кольского полуострова были записаны в податное, «тяглое», сословие. Ни старосты, отмеченные писцами в каждом погосте, ни зажиточные и «нарочитые» (влиятельные) люди не получили каких-либо социальных привилегий. Феодалом для российских саамов являлось государство, персонифицированное в лице московского правителя, который считался теперь верховным собственником саамских земель.

С 1602 года, когда датские власти не пропустили русских сборщиков дани в Финмаркен, «королевскую дань» (по 30 копеек с человека) с российских саамов стали взимать на «великого государя Московского». Особой царской грамотой повелено было объявить датской стороне, чтобы их сборщики дани впредь не являлись на Кольский полуостров: «Та земля Лопская исконь вечная вотчина его государева».

Подробные сведения о населении, экономике и территории Ловозерского погоста в начале XVII века дает нам писцовая книга Алая Михалкова.

Вот имена первых известных нам ловозерцев — глав семей, живших в вежах и числившихся домохозяевами:

1. Илья Сидоров сын
2. Староста — Федор Мелентьев сын
3. Алексей Петров сын
4. Иван Алексеев сын
5. Данил Семенов сын
6. Афанасий Семенов сын
7. Сафоний Мелентьев сын
8. Влас Челноев сын

Два домохозяина жили за пределами погоста, на выселках — в Кондале (к югу от Ловозера, на Ингозере) и на Юреозере, где поселился Григорий Сергиев с двумя сыновьями и пользовался не своими «старинными» луковыми угодьями, а вновь освоенными, за которые платил в государеву казну оброк в размере 40 копеек в год.

Саамам Ловозерского погоста принадлежало три с четвертью лука угодий, а именно: три озера — Ловозеро, Сейдозеро и Сиозеро — и половина реки Рында, за которые они платили в прошлом ежегодную дань по 18 шкурок песка за каждый лук. В XVI веке, по писцовой книге Василия Агалина, дань взималась уже деньгами,

по рыночной стоимости песцового меха — по 5 копеек за шкурку. Сверх того ловозерцы владели четвертью лука в Вороньинском погосте и одним луком в Норецком погосте (ручьём Кулай и ловлями на Енозере и реках Арзина и Дроздовая).

Во владении общинными угодьями существовало значительное неравенство: один из жителей имел $\frac{3}{5}$, трое по $\frac{7}{20}$, трое по $\frac{1}{4}$, трое по $\frac{1}{6}$, один $\frac{1}{10}$ лука, остальные пять человек не имели луковых угодий; четверть лука принадлежала кондальским лопарям.

Основным занятием ловозерцев являлось озерное рыболовство. В отличие от соседей — норецких и вороньинских саамов, летом промышлявших «на море треску и палтас», они на мурманские промыслы не ходили. Семужьи угодья на реке Рында отдавали на откуп колянам — посадским людям, а выручку употребляли на уплату луковой дани. В зимнее время ловозерцы били пушного зверя и диких оленей «в лесу и на тундре».

Царский писец Алай Михалков в 1608 году повысил размер луковой дани с 2 рублей 92,5 копейки до 4 рублей 61,5 копейки. Вместе с бывшей «королевской данью» ловозерцы должны были ежегодно платить государю по 9 рублей 41,5 копейки. Однако промысловое население города Колы, сумма поборов с которого по «алаеву письму» возросла в пять раз, отказалось платить подати по новому обложению и в 1609 году подало царю челобитную с просьбой об отмене его. Правительство Василия Шуйского в обстановке польско-шведской интервенции и антифеодалных восстаний в стране, опасаясь возникновения еще одного очага неповиновения, распорядилось «дань и оброк и всякие подати» взимать по писцовой книге Василия Агалина, составленной в 1574 году. Так, благодаря борьбе русских братьев-колян, саамы на время избавились от платежа повышенной дани.

После изгнания поляков из Москвы и утверждения на престоле Михаила Романова, в условиях хозяйственной разрухи и недостатка средств в царской казне, правительство стало снова повышать налогообложение тяглого населения. В 1624 году саамы Ловозерского погоста (28 человек мужского пола) уже платили дань в размере 15 рублей 82 копейки. А это стоимость 316 песцов! Чрезвычайно тяжелая норма эксплуатации. При этом необходимо учесть другие платежи — таможенные пошлины, промысловую десятину, кормовые и подводные кольским данщикам, ругу священникам и причетникам, мирские расходы (на посылку челобитчиков, содержание земской избы в Коле и т. д.), подношения приказным людям, уже упомянутые сборы на ямскую гоньбу и городовое дело. Выдержать такое бремя могло только высокодоходное хозяйство. Судя по источникам, у саамов почти исчезает зажиточный слой, происходит значительное обеднение населения, растет недовольство усилившимся феодальным гнетом.

Русские монархи XVI—XVII столетий дорожили своими северными владениями и обращали на них серьезное внимание. До победы Петра I в Северной войне (1721 г.) водные пути по Белому и Мурманскому морям обеспечивали систематическую связь России с западноевропейскими странами, закупку промышленных изделий и колониальных продуктов. Благодаря торгу с иностранцами на Мурмане и Двине царская казна ежегодно получала многие тысячи рублей дохода, значительная часть которого поступала ефимками — серебряной валютой, — это в то время, когда Россия не имела своего серебра для чеканки монеты. Немалые доходы в виде пошлин и десятины давали казне рыбные и зверобойные промыслы, добыча пушнины, жемчуга, соли, слюды.

Поскольку соседние державы — Дания и Швеция — не отказались от притязаний на Российскую Лапландию, московское правительство держало в Коле довольно крупный гарнизон — 500 стрельцов и команду пушкарей, снабжало его всем необходимым: продовольствием, вооружением, боеприпасами.

Наместниками царя в Лапландии являлись воеводы. В их задачу входили охрана края от внешних посягательств, обеспечение «тишины и порядка», исполнение приказаний высшей власти.

Воевода подчинялся московским приказам — центральным правительственным учреждениям, и прежде всего Новгородскому приказу, откуда поступала основная масса распоряжений и запросов. Но помимо него слали «царские грамоты» и другие приказы.

На воеводство назначались люди из числа военнотружильных старшего возраста сроком обычно на два года. Назначение на воеводство рассматривалось как пожалование, как царская милость, потому что воеводская служба приносила приличный доход и не требовала большого труда. При отправке к месту службы каждому воеводе давался наказ (письменная инструкция), что и как ему следует делать после вступления в должность начальника края.

Воеводы ехали к месту службы со своими семьями и слугами. В Коле они занимали специально устроенный двор внутри городских укреплений со всякими хозяйственными заведениями (пиво-варней, огородами, скотными хлевами и амбарами).

Каждый воевода стремился за два предоставленных ему года начальствования в крае всемерно обогатиться — и посредством поборов с подвластного населения, и путем предпринимательства. Вновь прибывшие воеводы покупали у своих предшественников промысловые станы, суда, снасти и снаряжали артели рыбаков на лов трески и палтуса, посылали подчиненных промыслять бобров и выдр. В лодейный привоз воеводы скупали хлеб и другие

товары, а зимою отправляли стрельцов торговать ими «по лопарям» — в саамские погосты.

Действия воевод далеко не всегда соответствовали намерениям правительства. Государство было заинтересовано в регулярном поступлении с народов Севера высокоценной пушнины или денежной дани, поэтому в наказах воеводам постоянно предписывало инородцам — налогоплательщикам «обид не чинить».

В отличие от других районов Севера, Лапландия являлась пограничным краем, местом расположения вооруженных сил, стоявших на защите заполярных владений России, и основное предназначение лопарей для государства правительство видело в поддержании сухопутной транспортной связи между Поморьем и Кольским острогом. Умелые ездовые на оленьих упряжках, прекрасные знатоки местности, привыкшие к морозам и выюгам, лопари были незаменимы в ямской гоньбе через внутреннюю Лапландию, где на протяжении сотен верст не существовало русских поселений.

Именно из этого факта и проистекала неизменно покровительственная политика Москвы — защита лопарей от произвола и чрезмерного угнетения их всякого рода корыстными элементами в ущерб государственным интересам. Правительство не могло допустить, чтобы от притеснений воевод саамы «разбрелись врознь» — ушли из селений в тундры и леса, кто куда. Принимались экстренные меры по обузданию представителей местной власти и зарвавшихся хапуг.

Так, 26 октября 1620 года правительство царя Михаила Федоровича, получив жалобу лопарей на притеснения, тотчас послало в Кольский острог воеводе Пимену Юшкову и подьячему Второму Шестакову резкий выговор: «...А то все делается от вашей плутни и от безделния корысти, что вы им насилства и продажи чините великие и от нашия государские милости их отгоняете. И как к вам ся наша грамота придет и вы бы... убытков им и грабежов и насилств чинить не велели, чтобы те лопари от насилства и ото продаж не разбрелися... А впредь бы... лопянам напрасных продаж и налогов не было; да сами бы естя им никаких продаж и насилств не чинили... А будет вы впредь лопянам учнете какие продажи и насилства чинить... и мы те их убытки... велим доправить [взыскать] на вас вдвое, да вам же от нас быти в великой опале».

Терская лопь, в состав которой входили и ловозерские лопари, 3 июня 1585 года получила жалованную грамоту царя Федора Ивановича, согласно которой кольские данщики и стрельцы не имели права въезжать в саамские погосты и собирать какие-либо подати. Терские лопари обязались сами собирать дань и десятину и отвозить государевы доходы в Москву, ежегодно на сретение (ко 2 февраля). Эту жалованную грамоту затем подтверждали Борис Годунов, Лжедмитрий и Василий Шуйский. В 1626 году

саамы получили новую жалованную грамоту, запрещающую местным властям сбор податей в терских погостах.

Однако своекорыстные воеводы нередко нарушали царские жалованные грамоты — то под предлогом привлечения саамов к городскому делу или ямской гоньбе, то прикрываясь правительственным наказом «искать прибыли государю» (присылать в казну денежных поступлений больше, чем в предыдущие годы). В 1642 году терские лопари жаловались: «Третей год зимой и летом приезжают к ним в погосты ис Кольского острога даньщики и стрельцы и с продажным с кабацким питьем человек по десяти и болши, по двожды и по трожды годом... и их бьют на правеже немерно, и правят на них другой (сверх уплаченной в Москве) дани и себе посулов и подвод, и их вяжут и, связав, мечут зимою на мороз, а летом сажают на ледники, и жон их и детей позорят, емлют к себе на постели, и кабацкое продажное питье на них наметывают сильно ж... и они, лопари, от тое налоги и от напрасного их мучения и от наметного кабацкого питья многие розбрелися врознь, а которые ныне и есть, и те одолжали великими долги...»

Воеводы изобрели множество способов обирать население, нередко жестоких и бесстыдных. Очень часто по ложному доносу своих пособников воеводы вызывали людей, как русских, так и лопарей, в приказную избу и после записи допросных речей сажали в подвал и не выпускали из него до уплаты выкупа. Зимой 1703/04 года стрелец Петр Костромин сообщил воеводе Д. И. Унковскому, что видел у вороньинского лопаря Логина Кондратьева «курешной табак». И хотя уже был указ Петра I, разрешавший употребление табака, воевода велел отыскать лопаря и заточить в подвал. Курильщику пришлось дать Унковскому полтора рубля деньгами, а подьячему Даниле Поспелову — «клеймо в полутора рублях», то есть долговую расписку, скрепленную личным знаком лопаря. Через некоторое время к Л. Кондратьеву явились «на тундру» пятеро стрельцов и в его отсутствие схватили его сына. На сей раз жена лопаря откупилась — отдала воеводскому посыльному «кожу оленью да песца белого», а пока они жили у нее, «свели тридцать фунтов муки ржаной». Воевода угощал доносчиков водкой, и те сообщали ему, у кого из лопарей имеются деньги или ценные меха. За имущим лопарем посылали стрельцов. Так, воевода Унковский велел посыльным «взять крестьянина Степана лопина в ослушании и наказывал: буде он даст денег, и вы де его в Кольской острог не водите». Лопарь, по словам стрельца Ивана Бурыля (тоже лопаря), «дал на воеводу четыре с половиною рубли да лисицу ценою гривны в две» и тем избавился от явки в Колу.

Казалось бы, разбросанные по тундрам и лесам на огромном пространстве Кольского полуострова лопари были почти недося-

гаемы для кольских воевод. Но это не так. Саамы действительно реже и в меньшей степени, чем жители Колы и русских сел, страдали от поборов и издевательств царских слуг, которые тиранили горожан и стрельцов чуть ли не ежедневно, ставили их на правож и, как свидетельствуют источники, держали «в холодных тюрьмах и в приказе в железах... и в застенке на пытках... мучили безвинно и напрасно по году и по полгоду». Документы показывают, что ни расстояния, ни горы и болота не могли оградить лопарей от воеводских напастей. Под начальством воеводы состояло 500 стрельцов, которых он мог в любое время отправить хоть за 300 верст для привода лопарей в Колу. При хорошо налаженной ямской гоньбе, особенно зимою по санному пути, на это даже не требовалось много времени. Лопари однажды жаловались на стрельцов, что те гнали оленей «скоро — 120 верст в сутки и от той скорой езды у них, лопарей, олени приостановились, а один олень от того и пропал».

Когда понойские лопари «ослушались» в 1703 году, воевода Унковский послал против них целую карательную экспедицию — капитана Мартьяна Чернцова с тридцатью стрельцами и «шло под ними 49 подвод оленьих да пять проводников с пятью оленьими».

Существовали незаконные традиционные (как «исстари» повелось) поборы в пользу воевод. С ловозерских и вороньинских лопарей брали «по прежнему кольскому обыкновению годовое» по 1 рублю деньгами, 50 сигов и 1 оленьей коже с погоста. Не довольствуясь «обыкновенным» платежом, воеводы беззастенчиво грабили лопарей. Так, воевода И. В. Воронецкий в 1698—1699 годах наездом захватывал у лопарей семгу, в Ловозере и Вороньем его посыльные «силою взяли с погоста по 10 олений [шкур] да по 5 кереж [возов] рыбы и мяса».

Особенно участились наезды воеводских посыльных в саамские погосты в начале XVIII века, в первые годы тяжелой Северной войны. Стрельцы ездили переписывать рыбные ловли и другие объекты налогообложения, взимать экстренные сборы: на рекрут, на провиант и фураж, на покупку лошадей для новых полков русской армии, на строительство Петербурга, на корабли и строгое дело. Были введены сборы с печей, оленьих повозок, хомутов, хореев («палочная пошлина»), прорубей. Воеводские посыльные брали деньги прямо в погосте, а в удостоверение уплаты сбора давали «отпись» (несколько таких квитанций сохранилось).

На саамах тяжелым бременем лежала ямская гоньба. Масельский староста Иван Фомин весной 1704 года сообщал: «В погосте 7 человек да в другом погосте — Ловозерском — 15 человек (ездовых), а возили де они, лопари, теми двема погостами подвод в одну зиму всех розных две тысячи оленных подвод и прокорму де оне, лопари, кормили их, посыльщиков, рыбою 1060 вытей, а хле-

ба де у них, лопарей, нет, ядят де и сами рыбу да сосну». По недостатку ездовых оленей саамы брали их в наем у жителей Колы. Так, нанимали несколько оленей у посадского человека Михаила Москвина с платою за одну поездку от Масельги до Кольского острога по 15 копеек, у стрельцов Леонтия Окунева, Семена Новоженова, Осипа Распопина и других «оленей тридцать, и наймовали они, лопари, тех оленей по 8 алтын [24 копейки], а иных по 2 гривны [20 копеек]».

Население ненавидело алчных воевод и как могло боролось с ними, обычно путем подачи челобитных царю. Жители Колы, и вместе с ними лопари, добивались смещения с должности и наказания воевод, обвиняли их не столько в насилиях и жестоких правехах — это правительство могло посчитать «радением» по службе, наведением в крае тишины и порядка, — сколько в нанесении ущерба казне и в действиях «не к чести государя», а именно: приводили факты грабежа иноземцев (купцов и датских подданных), присвоения казенного хлеба и пороха, неуплаты со своих промыслов государственной десятины и т. п. С донесением такого рода в качестве челобитчика вместе с колянами ходил саам стрелец Артемий Миклюк (1699 г.). В составлении челобитных на воеводу Унковского участвовали ловозерские лопари Максим Созонов и Артемий Иванов (1703 г.).

Снятый с воеводской должности И. В. Воронежский указывал на следствии, что коляне и лопари не впервые выступают против государевых наместников: «При прежних воеводах: при Василии Хитром — учинили мятеж... хотели воеводу колом убить... Василий Эверлаков уехал от них с воеводства ночью для того, что они похвалялись на него грабежом... на воеводу ж Бориса Протопопова били челом и извещали об измене... да они ж били челом на прежнего воеводу на Алексея Нащокина... и всякой мятеж в городе чинили...»

Основной государственной службой саамов всегда считалась ямская гоньба. Для других государственных потребностей лопарей привлекали редко. Но вот 3 августа 1654 года кольский воевода Иван Яковлевич Соловцов получил необычный царский указ: «Собрать на государеву службу в Колском остроге кончанские и терские... лопи, которые ходят в самоецком платье, ста три или четыре или сколько мочно и выслать к государю к Москве с их лопским боем (оружием), а для подъему дать им царского жалованья по рублю человеку».

После принятия Украины в состав России началась война с Польшей. Народности Севера славились как искусные охотники, меткие стрелки, с детства приученные отслеживать зверя, закаленные суровым климатом, привычные к неприхотливому быту. Инициатором массовой мобилизации лопарей и самоедов являлся

тесть царя, фактический глава правительства Илья Данилович Милославский.

Воевода Соловцов во исполнение царского указа тотчас послал в разные места стрельцов для сбора лопарей на государеву службу. Какую — пока было неизвестно. Но идти с оружием — значило, скорее всего, на войну. В середине XVII века большинство лопарей пользовались на охоте еще луком, но входило в употребление и ружье-пищаль карельской работы. 10 марта 1655 года кольский воевода сообщал царю Алексею Михайловичу, что собрано для отправки в Москву только 119 лопарей, а больше «собрать негде: многие лопари померли, а иные лежат больны, а которые лопари живут по ямом», то есть на дорожных станциях и исполняют ямскую гоньбу. Возникли трения с набором людей из Понойского погоста, который стал к этому времени вотчиной двоюродного дяди царя. Пушкарь Василий Иванов и стрелец Остап Завьялов, посланный в Терскую лопь, донесли: «А понойские лопари, которые живут за государевым боярином за Никитою Ивановичем Романовым, государева указу не послушали, учинились сильны и на государеву службу не пошли».

В числе 119 «лучших лопарей», взятых на службу в Москву, мы видим 8 человек из Ловозера (Иван, Григорий и Никифор Софоновы, Григорий Иванов, Михаил Селиванов, Федосий Тимофеев, Иван Никифоров и Михаил Семенов), 5 человек из Вороньей, 11 из Семиостровья и 7 из Иоканги. Итого из четырех погостов Терской лопи 31 человек, в среднем — из каждой вежи по человеку! Взяли на царскую службу самых работоспособных людей и в непомерно большом количестве. Со всей Самоедской земли прислали в Москву на военную службу только 43 самоеда (ненца).

На Кольском полуострове проживало тогда около полутора тысяч саамов, но кончанскую лопь (на северо-западе края), как двоеданную, на службу не брали, «чтоб меж великим государем и Дацким королем и Свискою [шведскою] королевою ссоры не учинить». В связи с таким изъятием лопарского населения выявились значительный недобор государевых доходов и затруднения в ямской гоньбе. Воевода И. Я. Соловцов писал: «А которые, государь, лопари на твою государеву службу пошли, и те твоей государевой дани не дали и подвод ставить некому».

8 февраля 1656 года кольскому воеводе была послана царская грамота об освобождении служилых лопарей на 5 лет от всех податей. Однако эта «жалованная грамота в дороге утерялась». С лопарей по-прежнему требовали своевременной уплаты дани и других податей.

Весной 1655 года в сопровождении десяти стрельцов лопари (119 человек) прибыли в столицу и поступили в ведение Иноземского приказа. По указу окольничьего Б. М. Хитрово лопарям

отвели в Москве «двор, где им на время постояти», а потом отправили на фронт.

В кампанию 1655 года русские войска одержали ряд блестящих побед: 3 июля взяли Минск, 31 июля — столицу Великого Княжества Литовского Вильно, в августе — Ковно и Гродно. Почти вся Белоруссия была освобождена от противника. В 1656 году наступило перемирие с Польшей, которое длилось два года. На каком участке фронта действовали саамы — неизвестно, но большинство из них на родину не вернулось. В сметном списке 1698 года по Кольскому уезду отмечено резкое сокращение поголовной дани с лопарей: в 1655 году она составила 89 рублей 3 копейки, в 1656 году — 42 рубля 17,5 копейки, с 1661 года держалась на уровне 23—24 рублей. Объяснение такого огромного снижения дано следующее: «Доимка залегла на лопарях потому, что лопари из Кольского острога иманы были во 163 (1655) году на службу в Литовскую землю и многие там померли, и тое дани и доньне сполна платить некому».

Судя по приведенным данным, саамский народ принес немалую жертву для избавления Украины и Белоруссии от гнета панской Польши. Воины-саамы сражались вместе с русскими как братья, за общее дело.

Период воеводского управления краем — время крайне грубых форм эксплуатации трудового населения, которое постоянно выражало недовольство действиями воевод.

Петр I сильно урезал права воевод, оставив за ними лишь функцию обороны края и запретив вмешиваться в дела земских изб — органов местного самоуправления. Согласно царскому указу, присланному в Кольский острог из Московской ратуши в 1700 году, выборные должностные лица — бурмистры и старосты — получали независимость от воевод, сами отвечали за сбор податей и порядок в селениях, «а воеводам судом, и расправою, и в денежных сборах, и ни в чем земских и таможенных бурмистров, и посадских людей, и уездных крестьян ведать не велено».

С 1713 года вместо воевод в Кольский острог стали посылаться «коменданты» как начальники городского гарнизона (солдатского батальона). На этом, по сути дела, и закончились печальной памяти «воеводские времена», хотя с 1727 по 1775 год коменданты именовались воеводами.

В результате Северной войны (1700—1721 гг.) Россия получила возможность вести торговлю с западноевропейскими странами по Балтике. Северные морские пути утратили былое значение. Международная торговля на Мурмане резко сократилась и к началу XIX века сошла на нет. Ввиду ослабления Швеции держать в Коле большой гарнизон уже не было необходимости. Вместо пятисотенного полка сначала в городе размещалось три роты солдат, а к середине XVIII века осталась воинская команда около 70 человек. Арендовать промысловые угодья у саамов стало некому. Население Поморья и Лапландии обеднело.

Одной из причин разорения промышленников Севера являлась отдача на откуп разным царедворцам и ловким дельцам скупки сушеной рыбы, рыбьего жира, сала и шкур морских зверей. Монополисты-скупщики платили за продукты морских промыслов вдвое меньше, чем на вольном рынке. Архангелогородцы от имени всего поморского населения несколько раз подавали прошения об отмене монополий, но получали отказ, так как политику правительства определяли лица, сами являвшиеся откупщиками.

Неблагоприятно влияло на состояние экономики края монастырское землевладение. Еще в 1658 году Понойский и Иокангский погосты (80 саамских веж, 127 налогоплательщиков) были пожалованы царем в вотчину Воскресенскому и Крестному монастырям; в 1684 году им же отошел Семиостровский погост (12 веж, 26 налогоплательщиков). Так в Восточной Лапландии, где находились наиболее богатые семужьи ловли, обосновались духовные феодалы — монастыри. После 1703 года монахи сами уже не занимались промыслами, а отдавали угодья на оброк, выкачивали из народа немалые средства, которые, не будь платежа монастырям, могли бы пойти на развитие хозяйства саамов и русских промышленников.

В начале 60-х годов XVIII века промысловая обстановка на Мурмане резко ухудшилась. Рыбы к берегам подходило мало, уловы снизились. Казна не могла даже закупить нужного количества рыбы для продовольствия солдат в Архангельске. Вследствие систематического ограбления трудового люда монополистами-скупщиками и ухудшения промысловой обстановки морские промыслы у берегов Лапландии пришли в упадок.

Неблагополучие дел наблюдалось не только на Севере, но и во всей России. Крепостное право достигло своего апогея. В стране царил помещичья тирания, всесилие и произвол чиновничества. Возрастали поборы с тяглого населения. В ответ на усиление крепостнического гнета участились крестьянские волнения и бунты,

выступления рабочих людей на мануфактурах. Довольно часто происходили неповиновения монастырских крестьян.

В господствующем классе росла боязнь общественного потрясения и наметилась тенденция к реформам социального порядка. Столичное дворянство проявляло недовольство откупной системой и злоупотреблениями некоторых сановников. Помещики высказывали желание расширить свои владения за счет казенных и монастырских земель. Купцы и мещане добивались права свободной торговли и предпринимательства. Но особую тревогу правительства вызывала борьба широких народных масс против своих угнетателей.

Екатерина II, вступившая на престол в 1762 году, публично признала, что в России укоренилось «зло и всякие неправды и утеснения», и заявила, что бог вручил ей скипетр «для спасения Империи от очевидной гибели».

Правительство провело ряд радикальных реформ. В 1764 году оно передало монастырские вотчины в ведение государственной Коллегии экономии. Бывшие монастырские крестьяне стали именоваться «экономическими», и после очередной «ревизии» (переписи тяглого населения) в 1782 году их причислили к черносошному крестьянству, феодалом для которого являлось государство. Понойские, иокангские и семиостровские саамы избавились от монастырской вотчинной власти, сами стали распоряжаться своими угодьями и платить подушную подать «в равенстве» с русскими крестьянами Терского берега.

Другим важным для Кольского Севера мероприятием царского правительства явилась в 1768 году отмена монополий на скупку продуктов морского промысла; заниматься скупкой рыбы и сала разрешили «всем невозбранно». Отменялись всякие ограничения и привилегии в промыслах и торговле. Это дало сильный толчок развитию частного предпринимательства. Стала расти и богатеть местная (кольская и поморская) буржуазия.

Екатерина II хотела ослабить общественные противоречия, прослыть «просвещенной государыней», заботящейся о благе своего народа. 14 декабря 1766 года она издала манифест о выборе депутатов от разных сословий и национальностей, чтобы «выслушать нужды и недостатки каждого места» и подготовить проект нового Уложения (свода законов), учитывающего интересы всех слоев общества. Императрица заявляла, что она за такое милосердие ожидает от «любезных подданных... благодарности и послушания, через что сохранится благоденствие, тишина и спокойствие государственное». Депутатам предлагалось привезти с собой указы от избирателей.

Лопари, как одна из народностей Российской империи, могли послать в Уложенную комиссию своего представителя, которому

даровались права депутата. Со дня выбора ему шло государственное жалованье на время работы Комиссии из расчета 37 рублей в год, а также бесплатный проезд к месту заседаний Комиссии и обратно на двух почтовых лошадях. Депутаты Комиссии объявлялись находящимися под «охранением» самой императрицы, на всю жизнь освобождались от телесных наказаний, пыток и смертной казни, в какое бы преступление они ни впали. Для отличия депутату «на всю жизнь» выдавался золотой нагрудный знак. Депутаты, не знающие русского языка, имели право «привезти с собою толмача», а если нуждались в советнике — могли выбрать себе опекуна.

Лопари приняли активное участие в обсуждении своих «нужд» и составлении наказов с просьбами облегчить их положение. 26 февраля 1767 года поверенные от 16 саамских обществ, собравшись в Коле, избрали депутатом в Комиссию лопаря Семиостровского погоста Захара Петровича Маркова. Отец его, судя по таможенной книге 1719 года, занимался торговлей и был довольно состоятельным человеком. Кольская канцелярия рапортом от 6 апреля 1767 года донесла губернатору, что выбранный депутатом «Захар Марков против других разумом отличной и русской язык довольно знающей», что ему как депутату «от собратий ево... об общих нуждах и недостатках представления и челобитья вручены».

Саамские «представления» о нуждах очень сходны по содержанию. Начинались они с обрисовки бедственного положения: «За крайнею нашею скудостью и изнеможением по недостатку в покупке хлеба за дорогими ценами претерпеваем великой голод». Далее обращалось внимание на непосильность платежей государству после перевода кольских солдат на службу в Архангельск и в связи с обеднением русского населения. Вороныинские лопари писали: «А рыбных ловель... в прошедших годах у нас никто из кортомы не брал... А на пред сего браны были бывшими здесь... трех рот служителями, и не токмо нам надлежащую по уговору плату чинили, но и впредь за те ловли деньги давали, из которых мы оброк и подушные деньги в казну ее императорского величества и платили бездоимочно. А ныне, за неотдачею никому объявленных рек... пришли во всеконечное разорение и нищету... податей платить не в состоянии».

Терская лопь пяти погостов, обязанная за Поной, Лахту и Иокангу платить 124 рубля 16 копеек в год, также жаловалась на непосильность налогов. Действительных промышленников из 151 души всего лишь 15 человек, а все остальные «питаются черною работою... разошлись в разные волости Двинского уезда».

Завершались наказы просьбами облегчить бремя платежей и улучшить снабжение сельскохозяйственными продуктами. Коль-

ские власти в донесении губернатору подтвердили справедливость слов лопарей и, поскольку «они подлинно пришли в упадок», предлагали: 1) дать льготы в платеже податей и недоимок, «пока не поправятца»; 2) отменить взимание оброчных денег с рыбных ловель и 3) каждое лето подрядом от казны поставлять лопарям «довольное число хлеба» и продавать им «чрез магазейны».

Захар Марков сначала прибыл в Архангельск, откуда вместе с депутатами от пустозерских и мезенских самоедов 23 мая 1767 года выехал в Москву. 27 июня саамский депутат зарегистрировался в Комиссии и далее значился в списке депутатов под фамилией «Петров» (по отцу, как тогда обыкновенно записывали людей низших сословий). Опекуна себе Захар Петров не брал, в переводчике не нуждался.

30 июля Екатерина II открыла Комиссию нового Уложения торжественным приемом в Кремле. В Успенском соборе собралось более 550 депутатов — преимущественно феодальная знать и купцы. Трудовое сельское население представляла группа государственных крестьян, а также казаки и ясачные (34 человека от нерусских жителей России). Самое угнетенное и многочисленное сословие русского общества — помещичьи крестьяне — не имело своих представителей. Комиссия заседала в Грановитой палате Кремля. В декабре депутаты переехали в Петербург, и с 18 февраля 1768 года Комиссия возобновила работу в Зимнем дворце.

В ходе дебатов на заседаниях Комиссии выявились острые социальные противоречия. Осенью 1768 года Турция начала войну против России. Под предлогом необходимости военным депутатам быть на войне Екатерина II в декабре издала указ о временном прекращении занятий Комиссии и больше уже не собирала ее.

Захар Петрович Марков вернулся из Петербурга в родной погост и, вероятно, рассказал саамам немало любопытного из своей депутатской жизни в столицах. В 1785 году ему принадлежало 50 оленей — по меркам того времени хозяйство среднего достатка.

Комиссия 1767—1768 годов ничего не дала саамам. Их наказы никем и не рассматривались. Они лишь влились в общий хор народного недовольства. Уложенная Комиссия подготовила несколько проектов преобразований в духе требований дворянства и купечества, которые позднее были частично реализованы правительством при составлении жалованных грамот 1785 года.

Могущественным фактором, повлиявшим на дальнейшую политику правительства крепостников-помещиков, явилась широкая Крестьянская война 1773—1775 годов, до основания потрясшая дворянскую империю. Правящим верхам пришлось вникнуть в требования разных групп тяглого населения и пойти на уступки.

17 марта 1775 года Екатерина II издала манифест, который отменял «для народного облегчения» различные сборы в казну.

Согласно пункту 37-му, рыбные ловли в землях государственных и экономических крестьян должны «быть за ними вечно без перекупки» (без права продажи). «Ныне ж, — говорилось в манифесте, — всемилостивейше отрешаем платеж, сбор или оброк за те рыбные ловли и повелеваем одного с них впредь не собирать и одного не имеют платить». Отменены были сборы с зверобойных и птичьих промыслов, с салотопен, бань и жилых помещений, сдаваемых в наем. В 1775 году саамам возвратили безвозмездно все угодья, купленные у них в прошлом для сенокосения и рыбной ловли колянами и другими поселенцами Лапландии.

Для саамского населения существенное значение имела отмена обременительных казенных служб, особенно ямской гоньбы, которую отныне стали исполнять подрядом из казны за вольную плату.

В том же году правительство начало проводить административную реформу — усилило аппарат власти на местах, создало в уездных городах новые учреждения. В нижний земский суд и нижнюю расправу в заседатели в ноябре 1775 года лопари избрали из своей среды, наравне с терскими поморами, доверенных представителей.

По указу 28 июня 1780 года прекращалось взимание пошлин с судов и людей, приходящих на мурманские промыслы.

Лопарям, так же как и русским крестьянам Кольского уезда, правительство позволило записываться в городские сословия — купцов и мещан. В 1782 году в город Колу переехали на постоянное жительство в мещанское сословие 13 саамских семей, в том числе лопарь Ловозерского погоста Алексей Иванович Галкин с женою Меланьей и двумя сыновьями.

Происходило дальнейшее сближение и породнение саамов и русских. Так, лопарка Ловозерского погоста Дарья Петрова вышла замуж за колянина Гаврилу Михайловича Безрукова; лопарка Вороньинского погоста Авдотья Никитина — за колянина Григория Павловича Полежаева; лопарка Семиостровского погоста Анна Васильева — за колянина Семена Ивановича Спиридонова.

Реформы 60—80-х годов XVIII века, вызванные развитием капиталистических отношений в недрах крепостного строя и мощной Крестьянской войной против феодального гнета, оказали заметное влияние на социально-экономическую жизнь Кольского Севера. Они дали известный простор для частного предпринимательства и способствовали преодолению хозяйственного упадка и крайнего обнищания трудового населения, однако не привели к ликвидации феодальной системы. Сохранились всевластие царского самодержавия, сословные различия, бесправие и угнетение народных масс. С отменой оброчных сборов и казенных служб значительно возро-

сла подушная подать государству. После четвертой «ревизии» (1782 г.) она равнялась 3 рублям 77 с половиной копейкам с души мужского пола.

Во второй половине XVIII века Российскую Лапландию посетили две экспедиции Петербургской Академии наук.

23 мая (3 июня по новому стилю) 1769 года ожидалось редкое явление — прохождение Венеры по диску Солнца. В Коле, Поное и Умбе служители морского ведомства построили временные обсерватории, оснащенные телескопами и разными астрономическими инструментами. В Поное наблюдение вел Андрей Малле, выходец из Швейцарии, со своими помощниками Моисеем Сидоровым и Григорием Петровым. Материалы о работе астрономического отряда в Поное были опубликованы на немецком и латинском языках. На основе измерений Малле великий ученый Леонард Эйлер в Петербургской Академии наук вычислил широту и долготу села Поноя — координаты, необходимые для нанесения пункта на географическую карту.

Значительный вклад в изучение Лапландии внес молодой ученый Николай Яковлевич Озерецковский, участник естественно-научной экспедиции И. И. Лепехина. В 1771—1772 годах он объехал все морское побережье Восточной Лапландии и собрал ценные материалы о жизни лопарей. Основные сведения о численности, занятиях, верованиях, жилищах, одежде, взаимоотношениях с русскими Н. Я. Озерецковский опубликовал в научном журнале в 1797 году. Это была первая правдивая печатная работа о терских лопарях («Описание» И. Г. Георги, выпущенное в 1776 году, основывалось на материалах о шведских лопарях и давало искаженную картину жизни российских лопарей).

В 1785 году под наблюдением генерал-губернатора Олонецкого и Архангельского наместничества Тимофея Ивановича Тутолина

было проведено описание Лапландии по специальной анкете, состоявшей из 53 вопросов, которые касались всех сторон жизни лопарей. Для получения «вернейших известий» во все 15 погостов посылались лучшие грамотеи и знатоки местных условий. Прибыв в селения, они собирали сход и в присутствии жителей записывали сведения о каждом дворе и о погосте в целом. Ответы лопарей подтверждали своими клеймами их сотские и наиболее авторитетные старики. Описание 1785 года впервые дает нам достоверные сведения о знании саамами русского языка, о численности оленей, доходности саамских промыслов, торговле с колянами.

Лапландия, несмотря на окраинное положение и своеобразие природных условий, развивалась как составная часть Российского государства, под влиянием тех процессов, которые протекали в русском обществе. И сюда проникали веяния «эпохи Просвещения» и нарождавшегося капитализма.

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ СААМОВ

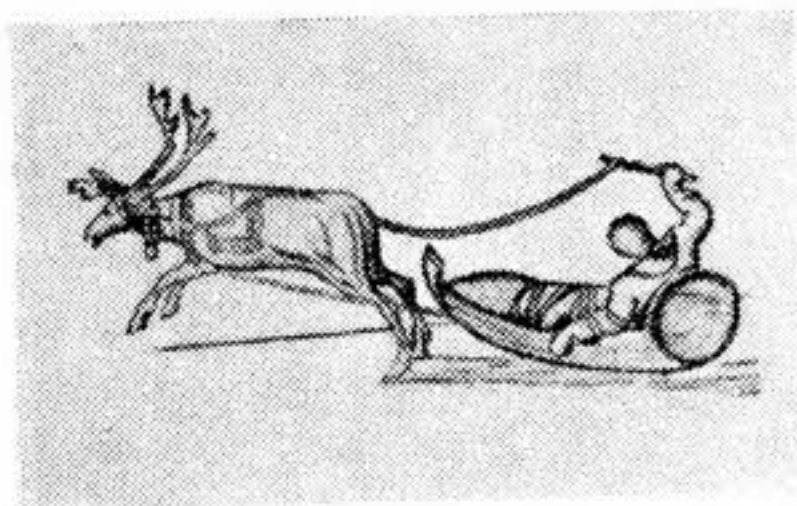

Ловозеро в общественной и экономической жизни Лапландии ведущей роли не играло. Находясь в самой глубине Кольского полуострова, оно и в XVIII веке оставалось как бы на задворках Терской лопи.

Гораздо большее значение в жизни края имели приморские погосты — Понойский, Иокангский и Семиостровский, где развивались главнейшие отрасли хозяйства — сеужь, тресковые, зверобойные промыслы и оленеводство.

По численности жителей Ловозеро относилось к разряду средних саамских селений. Оно было вдвое меньше Семиостровья, но превосходило соседние погосты Вороньинский, Масельгский, Екостровский. В 1716 году в Ловозере стояло 5 веж, в которых проживало 40 душ мужского пола — домохозяева Селивановы, Галкины, Юлины, Созоновы и Семеновы. С 1678 по 1723 год существовало подворное обложение, и лопари жили скученно, по две-три семьи в веже, чтобы меньше платить податей. Вот состав обитателей одной из веж по переписной книге 1716 года: «В веже староста Василий Григорьев сын Селиванов 71 году. У него детей два сына: Козма 31 году, Макар 26 лет. У него ж, Василья, брат Андрей 50 лет, у него детей три сына: Павел 10 лет, Василей 7 лет, Аврам 3 лет. В той же веже Кирил Михайлов сын Шонбин 52 лет, у него детей два сына: Иван 6 лет, Гаврил 3 лет». Лица женского пола не учитывались. Вместе с ними в веже проживало 16—20 человек.

В 1785 году в Ловозерском погосте насчитывалось 94 жителя (52 человека мужского и 42 женского пола). Общество состояло из 15 семей. Больших различий в их имущественном положении не было — все они владели небольшим количеством скота и орудий рыболовного промысла (лодок, сетей). Дворохо-зьянами являлись:

1. Федор Козмин сын Селиванов	— имел 5 оленей
2. Тимофей Макаров сын Селиванов	— » 10 »
3. Семен Никитин сын Юлин	— » 20 »
4. Данило Семенов сын Сорванов	— » 22 оленя
5. Василий Осипов сын Захаров	— » 19 оленей
6. Алексей Иванов сын Алексеев	— » 15 »
7. Максим Иванов сын Калинин	— » 15 »
8. Иван Андреев сын Кашкарев	— » 10 »
9. Иван Семенов сын Кашкарев	— » 15 »
10. Василий Васильев сын Фефилов	— » 2 оленя
11. Петр Михайлов сын Галкин	— » 10 оленей
12. Леонтий Степанов сын Юлин	— » 5 »
13. Иван Иванов сын Юлин	— » 5 »
14. Степан Иванов сын Юлин	— » 10 »
15. Петр Иванов сын Юлин	— » 3 оленя

Как и большинство саамов Кольского полуострова, ловозерцы держали оленей почти исключительно для транспортных нужд. Потребности в шкурах и мясе по-прежнему удовлетворялись охотой на диких животных. Основной доход получали от озерного лова рыбы — сига, щуки, хариуса, кумжи и налима, которую отвозили на продажу в Колу, а также от зимней охоты в лесах, где добывали преимущественно лисиц и куниц.

С весны посемейно и группами саамы разъезжались по заливам озер, устьям рек и к протокам, где обитала рыба, и занимались ее ловом. Жили в это время в шалашах, иногда в куваксах — конусных юртах, крытых берестой или шкурами. По недостатку соли в теплое время рыбу ловили только на дневное питание. На продажу и зимнее питание рыбу сушили. В течение сезона несколько раз меняли место лова, зная по вековому опыту, куда перемещалась рыба.

Когда лед сковывал озера и реки, саамы собирались в зимний погост, в свои постоянные жилища — вежи. По описаниям конца XVIII века, вежа делалась из жердей, на которые клали прутья и сплетения корней, на них — дерн; с одной стороны ставили низкую дверцу, вверху оставляли отверстие для выхода дыма. Издали вежа походила на копну сена. У зажиточных саамов вежи строились попросторнее, изнутри к бревенчатому остову прикреплялись шкуры или толстая ткань. В центре вежи складывали из камней очаг, над которым подвешивался «медный варчий котел» — главная ценность домашней утвари. Остальная посуда — «ставцы и блюде» — была деревянной. Малая высота вежи не позволяла передвигаться внутри ее не пригнувшись. Часть вежи отводилась под «чистое место»: здесь на полке стояли икона и ушат с водою. Почти всегда, особенно в дождливую и ветреную погоду, в веже было сумрачно, грязно, дымно и тесно от большого числа обитателей.

По торговым делам и в церковь (на богослужение в большие праздники и для бракосочетания) ловозерцы ездили в Колу, где у них жили друзья и «крестовые братья». Отправляясь в город, лопарь надевал на себя лучшую одежду и украшал оленью упряжку. Для такого случая, рассказывает Н. Я. Озерецковский, «сбрую на оленей держат унизанную бисером и ушитую маленькими лоскутками разных цветных сукон. Обувь свою или кенги по сторонам также унизывают бисером; ноги обвертывают сукном, которое плотно и гладко увивают шерстяными крашеными обороми, или поясами. Когда же к лопарю приедет гость или знакомый из колян, то женщины и мужчины тотчас складывают на своем языке песню, в которой гостя много раз называют по имени, описывают его рост, вид и убор с головы до ног, и поют из всей силы, при-

бавляя к речам о-о-о-о и притопывая ногами так, что от крику осипают».

Посемейный опрос жителей Ловозера в 1785 году показал, что все взрослые мужчины знали русский язык; из женщин его знала лишь одна (жена Федора Селиванова), «да и то худо», остальные — не знали, но некоторые понимали обыденную русскую речь.

В Поное и Иоканге саамы (265 человек обоего пола) находились в постоянных контактах с русскими промышленниками и торговцами. При подворной переписи 1785 года терские лопари пяти погостов заявили: «Русский язык сами знаем и жены и дети тож, русскую грамоту не знаем».

Знание русского языка облегчало саамам усвоение русской культуры — народных песен, сказок, пословиц. Благодаря общению с русскими саамы были в курсе основных событий, волновавших Россию.

Терская лопь достигла немалых успехов в развитии продуктивного оленеводства. Однако охота на лесных животных и здесь еще не утратила своего значения. Как отмечается в Описании 1785 года, терские саамы зимою ставили ловушки, «по их названию пасти», и промысляли «диких оленей и разных зверей».

Рыбный промысел носил преимущественно товарный характер. Ежегодно ловили «сот до пяти и более» пудов семги, которая вся шла на продажу «сторонним людям». Продавалась также кумжа, а «прочие рыбы», говорили саамы, они «употребляют себе в пищу», но только «в летнее время, а к зиме не запасают».

Продуктов питания рядовые саамы покупали мало, особенно в те годы, когда уловы семги и пушные промыслы были неуспешны. «Хлеб запасаем, — сообщали о себе терские саамы, — покупкою, муку ржаную, и то по малой части у разных людей, а из оной муки без закваски делаем... рески, наподобие русского колоба, и печем на очагу при роскладенном огню, а другие (малоимущие) и во весь год муки не выдают, толко что ядят одно мясо». Посты обычно не соблюдались. «По неимению рыбы и хлеба, — говорили саамы, — в посты и мясоед большею частию употребляем оленье и куропачье мясо».

Годовой денежный доход одинокого терского лопаря достигал 25 рублей, а целой семьи — в среднем до 50 рублей, тогда как во внутренней Лапландии, у саамов, не занимавшихся морскими промыслами, он составлял соответственно 10 и 20 рублей.

Архангельский вице-губернатор А. Пошман, лично познакомившийся с жизнью иокангских лопарей в конце XVIII века, писал: «Главный их торг — с понойскими крестьянами; они привозят лопарям муку, сукна, холст, рубашки, платки, сапожные товары, котлы, ружья, порох, разные женские уборы, словом сказать —

все, что для них надобно. От лопарей получают за то оленин кожи, лисицы, песцов. Иоконские лопари продают еще семгу». Выделанные оленин кожи стоили 2—3 рубля, песец — 1,5—2 рубля, лисица — 3—4 рубля. Из оленьих кож саамские женщины шили на продажу наволоки на перины, и делали их, как отмечает А. Пошман, «так хорошо, как лайковые», и украшали «разными чудными фигурами». Н. Я. Озерецковский пишет об этом подробнее:

«...Сами лопари на перинах не спят, а наволочки свои продают приезжим... На выделанных кожах проводят красные черты разных видов соком ольховой коры, которую жуют во рту, и горькую слюну выплевывают в судно, где, прибавя к ней воды, употребляют ее на крашение, которое часто производят пальцами».

Путешественники второй половины XVIII века приводят ценные сведения о саамском оленеводстве. Пасли животных зимою и по весне до отела, а на лето отпускали на волю. Семиостровские лопари отвозили их на морские острова. Спасаясь от кровососущих насекомых, олени шли на побережье океана, где холодный ветер отгонял комаров и мошкар. Если освежающего ветра не было, лопари зажигали «курева, пуская сколько можно больше дыму, и олени все приходят к сему огню, стараясь стать под дымом». А. Пошман указывает, что иокангцы «делают иногда сараи и в них производят курево». Н. Я. Озерецковский, побывавший в погостах Восточной Лапландии, сообщает: «Самок оленьих, или по-кольски — важенок, они не доят, как делают шведские лопари, которые из оленьего молока и сыр готовят».

Семиостровские олени, как более крепкие и послушные, считались в Лапландии лучшими животными для зимней езды в упряжке. Нарт саамы не знали. Повозкой служила исконная керёжка. Вот как описывает это транспортное средство Н. Я. Озерецковский: «Керёжки вид имеют челночков или лотков, на каких в России об масленице деревенские ребята катаются с гор. В такой керёжке сидеть может один только человек, у которого ноги до пояса лежат под веревками или ремнями, коими переплетают спереди керёжку, чтоб из нее не вывалиться, потому что она мелка и в снегу идет, как маленькая лодочка в воде. Покрытая керёжка, или с кибиточкою, называется балок».

Саамы с детства приучались обращению с оленем. Жених, по словам А. Пошмана, должен был показать «свое проворство — управлять и ездить на оленях», метко стрелять, убить и освежевать дикого оленя, — «чрез что доказывает, что он может иметь хорошие промыслы». Состязаясь в искусстве езды, саамы мчали в керёжке на коленях, а «удалые — стоя».

Русские путешественники, пользовавшиеся услугами лопарей, все единодушно с похвалой и удивлением отмечают их умение ориентироваться на местности. Обычно они определяли направле-

ние по камням, которые с северо-востока голые, а с юга покрыты лишайником; по деревьям, которые с севера гладкие, а с юга шероховатые, и т. д. Однако, по свидетельству А. Пошмана, некоторые лопари ездили «с компасом, а особливо ж в дальнюю дорогу».

Невеста, готовясь выйти замуж, показывала умение шить одежду и обувь. Национальная зимняя одежда саамов — печок — изготовлялась из оленьих шкур. Он шился мехом наружу, наподобие мешка с прорезами для рукавов и головы, с воротником. Нити для шитья делались из сухожилий оленьих ног. Женская одежда отличалась от мужской большей длиной и нередко украшением из полосок цветного сукна. Обувь — яры (высокие кожаные сапоги) и каньги (полусапожки) — шили из шкуры с «оленьих лап». Летняя одежда была обычно покупная, а если шилась самими лопарями, то из покупных сукон и холстов. Это — юпы, верхнее платье такого же покроя, что и печок; балахоны («исподнее платье»), крашенные кафтаны и сарафаны русского образца. Летние каньги зачастую шили из нерпичьей шкуры. Зимние штаны изготовляли из меха, «долгие наподобие шароваров», а летние — из сукна. На голове зимою носили шапку с ушами, иногда овчинную, иногда лисью. Летом мужчины надевали валяный или вязаный из овечьей шерсти колпак или русский картуз, а женщины — сороки и другие уборы, шитые бисером и украшенные разноцветными узорами-нашивками, но, как сказано в Описании 1785 года, «все оные уборы покупают они в городе Коле у жителей, а сами не шьют». На поясе саамы носили, когда нужно, нож в чехле и сумку с огнивом и трутом.

Ежегодно, в августе, русские владельцы промысловых заведений на Мурманском берегу нанимали лопарей сторожить свои станы до будущего рыболовного сезона. Саамы по описи принимали все имущество и материально отвечали за его сохранность до прибытия промышленников. За караул стана с припасами и снастями лопарям платили обычно или хлебом (5 пудов ржаной муки), или деньгами (2—3 рубля), иногда по соглашению они получали «пуд соли», «две стоянки» (веревки для рыболовного яруса) или что-нибудь другое.

Все современники, имевшие дело с лопарями, отзывались о них как о людях исключительно честных и добросовестных в исполнении взятых на себя обязательств. Не отмечено ни одного случая, чтобы лопари, охраняя станы, что-нибудь украли из вверенного им имущества. Меж собою, писал А. Пошман, живут они «дружелюбно; особенно любят лопари брататься, то есть крестами меняться... между собою все почти крестовые братья». Незыблемым правилом жизни была помощь нуждающемуся. Благодаря взаимоподдержке саамы могли преодолевать невероятные трудности

жизни в заполярной тундре, в условиях оторванности от других поселений.

Помимо крестования, обмена визитами гостеприимства, существовало и такое проявление дружбы между русскими рыбаками и лопарями, как угощение после окончания промысла на Мурмане. Поморы и коляне перед отправкой к семьям, в знак завершения долгого и тяжелого труда, устраивали несколько пирушек, на которые приглашали и лопарей, сердечно угощая их, как добрых друзей.

Саамское общество не топталось на месте, оно двигалось вперед, развивалось и хозяйственно, и культурно. Вслед за Центральной и Северо-Западной Лапландией и в Ловозерском крае в первой половине XIX века в зимних погостах распространяются тупы — срубные жилые строения, возникает овцеводство, растет поголовье оленей. Богатые оленеводы переходят к охранению стад в летнее время, нанимают для этого пастухов. Наиболее предприимчивые саамы расширяют морские промыслы. «В последнее время, — писал историк и этнограф В. П. Верещагин в 1849 году, — некоторые лопари завели себе мореходные шнеки и решились ездить в Архангельск и таким образом производить свою собственную, самостоятельную (минуя скупщиков) торговлю... Народ этот деятелен и отважен».

В домашнем быту у зажиточных саамов появились самовары и чайные сервизы; «многие лопари обзавелись и русскими кафтанами и даже сюртуками». Несколько улучшились гигиенические условия жизни — в тупах было светлее и чище, чем в вежах, хотя, конечно, говорить о комфорте не приходится.

Делались первые шаги в овладении грамотой. «До сих пор, — отмечал В. П. Верещагин, — еще ни один лопарь не умеет ни читать, ни писать». Но, отмечал он, «теперь в Кольском приходском училище учится несколько лопарских мальчиков».

Несмотря на скромные результаты прогресса, указанные явления опровергают злостную выдумку реакционера Г. Ф. Гёбеля о том, будто саамы упорно держались старины и были совершенно не способны к восприятию новейшей культуры.

Жестокий удар по экономике Кольского Севера нанесли англо-французские захватчики в годы Крымской войны. В 1855 году англичане разорили Сосновский и Иокангский погосты, угнали и уничтожили рыбацкие суда, разграбили промысловые становища на Мурмане и Терском берегу. Пострадали ни в чем не повинные люди. Англо-французская эскадра не отважилась идти к Архангельску, где стояли русские войска, а занялась беспорядочными атаками на русские и лопарские деревни.

Царское самодержавие оказалось неспособным оградить Север от разбойничьего нападения. Захватчики почти полностью сожгли

Колу, сильно пострадали Кандалакша и другие поморские селения. Ловозеро хотя и уцелело, но негде было продать продукты промысла и купить то, что издавна и постоянно приобреталось у русского населения. Восстановление хозяйства потребовало нескольких лет упорного труда. Голод, нищета и лишения были уделом многих саамов, пока не наладились торговля и промыслы.

ВОСТОЧНАЯ ЛАПЛАНДИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ

В 1861 году в России пало крепостное право, страна вступила в эпоху капитализма. Пореформенное устройство государственных крестьян определил закон от 24 ноября 1866 года, который не внес существенных изменений в уклад жизни саамов. Сохранялись общинное землевладение и подушная подать. Крестьянское самоуправление ставилось под надзор царских чиновников, которые могли налагать на выборных лиц штраф и подвергать их аресту до семи суток. За пользование угодьями взималась оброчная подать. Распределение угодий между крестьянами и сдача ловель в аренду производились по решению мирских сходов.

Лапландию разделили на две волости: Кольско-Лопарскую и Понойскую. В первую вошли три сельских общества — Вороньинское, Екостровское и Печенгское. Понойская волость состояла из одного сельского общества, включавшего погосты Понойский, Каменский, Лумбовский, Иокангский, Сосновский и село Поной. В Вороньинское общество входили погосты Ловозерский, Вороньинский, Лявозерский, Семиостровский и Кильдинский.

Сельское общество на сходе выбирало старосту и сборщиков податей, а также десятских, выполнявших полицейские функции. Уполномоченные от селений на волостном сходе выбирали на трехлетний срок старшину, его заместителя («кандидата») и состав волостного суда, на котором рассматривались имущественные тяжбы до 100 рублей и мелкие преступления крестьян. Волостного старшину утверждал в должности представитель царской власти (сначала он назывался мировым посредником, а с 1881 года — чиновником по крестьянским делам).

Материалы волостной статистики показывают, что в 1870 году в Ловозерском погосте насчитывалось 129 жителей-саамов (65 мужского и 64 женского пола). Селение состояло из 13 туп и 11 веж. При них имелось 19 амбаров. В дополнение к старинной часовне в 1869 году на средства синода в погосте построили деревянную Богоявленскую церковь и жилой дом для причта (священника и псаломщика). Селение занимало территорию в две с половиной

десятины «пустой» земли. Всего же во владении Ловозерской общины числилось 1 315 417 десятин казенной земли (более 14 тысяч квадратных километров), в том числе под лесом 115 417 десятин, остальные — под тундрами, болотами, озерами и реками — пространства, в 5,4 раза превышающие территорию Люксембурга. Ловозерским саамам принадлежали 28 малых речных судов, 301 олень и 21 овца. Об источниках дохода говорит таблица:

Промыслы	Работали, чел.	Сумма дохода, руб.
Рыбные		
морские	2	40
речные	7	70
озерные	27	410
Извоз на оленях	18	180
Охота (добыто: 35 диких оленей, 3 медведя, 4 росомахи, 6 лисиц, 4 куницы и 100 зайцев)	10	156
Всего...		856

С каждой ревизской души крестьяне Кольско-Лопарской волости платили в 1870 году по 13 рублей 42,5 копейки.

Кроме денежных платежей, саамы несли еще натуральные повинности. Так, на ловозерцах лежала перевозка из своего погоста до Масельги (155 верст) следующих лиц: уездного исправника, станового пристава, волостного старшины и писаря, местного священника, сборщика податей и десятских. При годовом доходе в 856 рублей в среднем на мужскую душу приходилось денежной выручки 13 рублей 8 копеек, то есть доход от основных занятий не покрывал обязательных платежей. Недостаток средств восполнялся работой по найму и продажей меховых и лайковых изделий. Наемный труд ценился посезонно. При найме работников на целый сезон хозяин выдавал задаток, равный третьей части условленной платы.

Ловозерцы имели устойчивый заработок в марте на извозе. В пореформенный период большинство промышленников-вешняков шло на Мурман, минуя Колу. В Раснаволоке (на Имандре) поморы нанимали возчиков и два дня ехали на оленях в Ловозеро (95 верст), а отсюда продолжали путь на оленьих упряжках в Ляв-озеро (около 50 верст) и затем — в становища Восточного Мурман. В марте 1869 года через Колу проследовало на мурманские промыслы 904 человека, а через Ловозеро — 1450.

Проезжавшие промышленники покупали у лопарей рыбу и для перепродажи скупщикам на Мурмане — пушнину.

Яркую картину жизни ловозерских саамов дал Г. К. Терентьев,

служивший в Ловозере священником с февраля 1875 по октябрь 1882 года. «Рыболовство у них, — пишет очевидец, — постоянное занятие всех и каждого, для которого они посемейно в весну, лето и осень меняют местность, переходя с одного озера на другое и собираясь в зимний погост лишь к 25 декабря, где они живут не далее 23 апреля. Ловозерские лопари имеют в районе своем лучшие, большие и изобилующие рыбою озера с крупными сига́ми, ценною форелью и вкусными палья́ми... Каждое семейство ежегодно продает разной рыбы свежей и соленой примерно от 25 до 50—80 и более пудов». Однако не тем, кто больше заплатит, а своему кредитору. «Труд лопарей... уже более двадцати лет эксплуатирует ловкий, смысленый русский кулак князегубский крестьянин М[океев], беспощадно обирающий их... на их добро настроивший себе морских судов — шкун... Ненасытный пройдоха этот с ранней осени, еще по распутице, отправляется из дома в Лапландию с вином ведер до семи и шитыми рубашенками, сначала на озеро Имандру и оттуда на Умбозеро и Ловозеро, объезжая поочередно каждую семью лопарей, находящихся при тех озерах, закупая от них соленую и свежую рыбу, пушной товар с выдачею задатков на месте и приемом товаров у себя дома в Князегубье». Лопарям нужны деньги для уплаты податей, и они соглашались на условия закупщика. 21 ноября лопари, нагрузив кережи рыбою и прочим товаром, отправляются «за 250 верст в глухую деревню Князегубье к своему хозяину... Едут с неделю и более». Мокеев принимает их ласково, угощает вином, но товары бракует и уценивает на 5—25 рублей каждому. Под хмельком лопари забывают обиду, забирают у хозяина муку, соль, сахар, коноплю, холст, веревки и к николину дню (6 декабря) «возвращаются в свои тундры с пустыми карманами». Только в марте, когда промышленники едут на Мурман, у лопарей бывает «денежный доход, потому что за извоз поморцы рассчитываются честно наличными деньгами, смотря по подряженным ценам, от 8 до 12 рублей и более с каждой артели из четырех человек с кладью при них».

В отличие от ловозерцев, занимавшихся преимущественно озерным рыболовством, лопари лумбовские и казенские, зимой обитавшие внутри полуострова, весной отправлялись к морю. Вот зарисовка с натуры, сделанная лесничим К. А. Соловцовым: «Длинною, нескончаемою вереницею тянулся обоз маленьких санок, запряженных оленями в одиночку; за ними олени с навьюченными спинами. На этих санках и вьюках было все движимое имущество лопарей, между которым там и сям торчали детские головки. По бокам, кучками, шли лопари и лопки, весело разговаривая; дети резвились и шныряли между взрослыми. Шествие это растянулось версты на две; его замыкало порядочное стадо домашних оленей, конвоируемое несколькими десятками малорослых и косматых собак ту-

земной породы». Лопари расходились по летним становищам у Лумбовского залива и с подходом трески промышляли рыбу на море.

Не имевшие собственных орудий лова нанимались на работу к хозяевам на следующих условиях: хозяин давал судно, снасти и хлеб; половина улова шла владельцу средств производства, другая половина — работникам, но тоже сдавалась хозяину за условленную плату. В случае утраты снасти в море наемная артель платила хозяину половину стоимости потерянного. На Нижнем Поное 13 лопарских семей перешли к оседлости и в 1870 году приписались в село Поной, возникшее еще в конце XVI века возле православной церкви. По описи 1611 года, в Поное жило 5 русских семей; в 1716 году стояло 9 русских дворов (один — церковного причта и 8 крестьянских). По ревизии 1724 года, здесь числилось 58 душ мужского пола русского населения.

В своем прошении о зачислении в русское село лопари просили наделить их сенокосами и промысловыми «згодьями» наравне с крестьянами. «Мы, — писали лопари, — с давних лет постоянно проживаем в селении Поное, почти все имеем в Поное дома; многие из нас имеют жен из местных, понойских жителей».

Процесс взаимослияния русских и лопарей в Поное привел к тому, что далеко не всегда по облику можно было установить национальность терских жителей. Антрополог и этнограф А. И. Кельсиев в 1877 году сообщал в Москву: «Восточные лопари так похожи наружностью и бытом на русских, что приходится раза по два спрашивать, кто лопарь, а кто нет».

Демографическая и имущественная картина Понойской волости в 1871 году выглядела следующим образом:

Селение	Жилых строений	Жителей, чел.		Скота, гол.			Речных судов, шт.
		Мужчин	Женщин	Коров	Овец	Оленей	
Село Поной	35	93	92	15	64	293	83
Погосты							
Сосновский	12	34	32	—	4	252	24
Лумбовский	21	57	65	—	19	1842	33
Каменский	13	43	37	—	6	372	19
Иокангский	36	92	69	—	20	1199	31
Всего...	117	319	295	15	113	3958	190

Пореформенная эпоха ознаменовалась активизацией жадных до наживы торгашей. Поною принадлежали богатейшие семужьи ловли, а поблизости, в Горле Белого моря, находились добычливые зверобойные промыслы. Сюда-то и стекались в первую очередь бесстыдные виноторговцы. Современник, очевидец жизни поной-

цев, писал: «Промыслы у них почти всегда изобильны и дают хороший доход. Но приезжают в Поной поморы, навезут из Норвегии рому, разных ликеров и вин... и пойдут понойцы пьянствовать... Простой водки никто и знать не хочет, а подавай ликеру или шампанского... Хоть на час, да вскачь... Все мужчины в синих кафтанах, бабы и девки разряжены, как на свадьбе, а придет дело к весне — будет здесь чистый голод...»

На виноторговле в Поное нажил капиталы известный в то время на Севере богач Мартемьян Базарный, который, поселившись в Коле, записался в купечество, приобрел мореходные суда и начал эксплуатировать русскую бедноту и саамов Центральной Лапландии. Ежегодно, рассказывает Г. К. Терентьев, этот «кулак с 15 декабря посылает своего поверенного с бочонком вина по погостам и в сборный пункт лопарей Ловозеро на храмовый праздник крещения (6 января). С появлением водки начинается у лопарей круговое пьянство, истощающее их средства... Лопари, съехавшиеся с разных мест в Ловозеро, целую неделю ходят как угорелые, не зная, что день, что ночь, и разъезжаются, когда пропьются начисто... Тот же виноторговец посылает в марте своего поверенного на Раснаволоцкую станцию, с которой разъезжаются поморы, одни в Колу, другие прямо в свои становища; туда собираются для извоза лопари и пропивают большую часть своего заработка».

Трижды в год посылал своих приказчиков торговать вином «по всей Лапландии» кандалакшский откупщик Павков и, по свидетельству современника, «страшно разорял лопарей».

В 1873 году в Ловозере и ряде других саамских погостов побывал писатель Василий Иванович Немирович-Данченко (брат известного режиссера и драматурга). Касаясь пристрастия лопарей к хмельному, он отметил: «Пьяницами их назвать нельзя. Лопарь пьет, когда привезут спиртное пойло в погост; в остальное время его и не тянет к водке». Торгаши хорошо знали время, когда можно обобрать простаков: «Не успеют лопари вернуться с промыслов, их уже поджидают бродячие кабачки. Подвезут лопари промышленников в становища Мурмана, получают деньги — водка тут как тут. Задумал лопарь жениться, еще священник этого не знает, а ром уже везут к жениху».

Разумеется, шкуродеров типа купца Базарного или кулака Мокеева нельзя отождествлять с русскими крестьянами-тружениками или рядовыми колянами, которых богачи эксплуатировали не менее саамов. Выдающийся бытописатель Сергей Васильевич Максимов, лично наблюдавший жизнь в Лапландии, засвидетельствовал: «Миролюбивым характером дышат все отношения лопарей к русским... Патриархально-гостеприимный в своей веже, лопарь в сношениях с русскими любит заводить тесную дружбу, род братства, одним словом, любит блюсти вековой обычай **крестования**. Угодит

в чем-нибудь, понравится чем-нибудь, угостит хорошо или даст выгодную плату за промысел давний лопарский знакомец помор — лопарь не замедлит предложить ему покрестоваться, то есть обменяться крестами, сделаться крестными братьями. Лопарь, по свершении обряда обмена крестов, дарит «крестовому» все, что есть у него лучшего: лучший олений мех, лучшую звериную шкурку — бобровую или черно-бурой лисицы. Крестовый русский должен в свою очередь отдарить, чем может, своего крестового брата — лопаря».

Обратимся теперь к отношениям внутри саамского общества. Рыболовство и охота не давали больших возможностей для имущественного и социального расслоения саамов. Развитие оленеводства привело к выделению зажиточной верхушки, которая стала пользоваться наемным трудом для пастьбы стад, заготовки лесных материалов и домашних услуг. Уже в предреформенный период владельцы оленьих стад имели вес при решении общественных дел. Автор «Описания Кольского уезда» И. Поромов в 1856 году отмечал: «В среде своей лопари питают уважение к пожилым и богатым, которые в кругу своих соплеменников имеют общественное значение». Однако богатые лопари мало походили на русских кулаков.

Древний обычай саамов обязывал богатых помогать обедневшим сородичам. Неписанный закон предков не исчез и в эпоху господства капитала. «В Лапландии, — писал В. И. Немирович-Данченко, — я не встречал людей, которые бы просили милостыню, хотя население края обнищало... Лопарь-пролетарий идет в тупу своего родственника, живет в ней, ест и пьет вместе с его семьей, с ней и работает. Нет у него родных — он направляется к знакомому и делает то же самое... Его не только не выгоняют, ему рады. Он желанный гость. Я знал семьи Лапландии, у которых в тупах жило по семи, по восьми таких обнищавших инородцев».

Спустя 14 лет в Лапландии, и в частности в Ловозерском погосте, побывал этнограф Николай Николаевич Харузин. В монографии «Русские лопари» (1890 г.) ученый охарактеризовал социальные отношения между богатыми лопарями и наемными работниками как полупатриархальные. «Положение рабочего в семье хозяина, — сообщает Н. Н. Харузин, — ничем не отличается от положения остальных членов семьи: он становится в положение сына; одежду ему дают, как и прочим членам семьи, стол одинаковый и одновременно с хозяевами... Если работник... остается несколько лет у своего хозяина и получает при этом плату скотом — его скот пасется вместе с хозяйским и пользуется одинаковым с ним уходом. Весь приплод поступает в его пользу, так что у работника накапливается постепенно более или менее значительное стадо оленей... Случалось... хозяин совсем беднел и в свою очередь шел в работники к своему бывшему батраку».

Сохранение обычая взаимопомощи в условиях капитализма нельзя рассматривать пережитком первобытности, следствием отсталости социальной структуры саамов — они стояли на той же ступени развития, что и крестьяне-общинники Терского берега. Сама жизнь в заполярной тундре властно требовала от людей соблюдения выработанных веками норм поведения. Среди безграничных просторов, суровой природы, бездорожья, при крайне слабой заселенности края и отсутствии медицинской помощи выжить индивидуально, без взаимоподдержки, даже имущему лопарю было почти невозможно. Болезнь в любое время могла лишить человека физических сил. Нападение волков на оленье стадо могло в одну ночь разорить хозяина. Богач не хотел лишиться уважения своих бедных сородичей и если эксплуатировал их, то, как говорили лопари, «по-божецки» (не обижая).

Отношения между членами саамской общины регулировала суйма — собрание всех домохозяев погоста. Одной из главных функций суймы являлось распределение угодий по семьям. Каждое семейство в соответствии с числом душ в нем получало отдельный участок (озеро, залив, реку), которым могло распоряжаться по своему усмотрению, например, отдать в аренду или уступить

кому-либо, не спрашивая согласия общества. Время от времени суйма производила передел угодий. Она улаживала споры и конфликты между лопарями, определяла наказание виновным (штраф или розги). В волостной суд лопари, как правило, не обращались. «Лапландцы, — писал В. И. Немирович-Данченко, — чрезвычайно любят свой парламент. Сберутся все в чистых платьях, начнут тихо, но потом голоса ораторов становятся все громче и громче, страсти возбуждаются, определяются партии. Все начинают говорить в одно и то же время — и странно, что все понимают друг друга. Лица краснеют, одни вытягиваются вверх, другие приседают, все размахивают руками, горячатся — и моментально, как-то вдруг стихнут. Ссорящихся в большинстве случаев заставляют мириться. Суймы собираются при всех удобных случаях: нужно ли идти на охоту, отправляться ли на весенний промысел, платить подать, посылать ходоков в Колу, зарежут ли волки оленей, похитит ли лисица оленину из амбара, приедет ли священник, собирается ли куда райда (обоз) — суйма непременно сделает свое дело. На ее решения нет апелляции, они исполняются свято и нерушимо».

В некоторых погостах большим влиянием пользовались нойды — лопари, которые якобы могли колдовать, изгонять злых духов, напускать болезни, предугадывать судьбы людей и ход событий. Нойд — не служитель культа, не шаман с бубном. Таких уже никто не помнил. Все саамы являлись набожными христианами, но, по свидетельствам современников, помнили своих сейдов, верили в их силу, пытались задобрить всякими приношениями.

Власти поощряли строительство храмов и часовен. В Ловозерском приходе, образованном в 1862 году, кроме Богоявленской церкви, сооруженной на средства синода, к концу XIX века появились три «приписных» церкви, построенных богатыми промышленниками: в Рынде (1878 г.), Харловке (1892 г.) и Семиостровье (1899 г.). В остальных поселениях — Лявозере, Варзине, становище Семь Островов и Восточной Лице — имелись часовни с иконами и лампадами. Сюда священник и псаломщик приезжали на богослужение и исполнение треб (крещение детей, отпевания умерших и совершения молебнов), на храмовые праздники и сезонные сборы лопарей на промыслы.

Из своих угодий саамы отдали ловозерскому причту в постоянное владение реку Вирму и озеро Попово с окрестными покосами. В пользу духовенства поступали кружечные сборы, пожертвования, проценты с церковного капитала в банке (всего в конце XIX века около 92 рублей), доходы от продажи свечей (145 рублей чистой прибыли). За требоисправления причт получал 255 рублей в год. При 362 прихожанах мужского пола в среднем с каждого шло духовенству около 1 рубля 35 копеек в год. Это — не считая сем-

ги, жертвуемой на ремонт и благоустройство церквей и часовен из улова в праздничные дни и при начале промысла (по обычаю давали на церковь от каждой семьи одну самую крупную рыбу).

В пореформенной деревне господствовал патриархальный строй семейных отношений, но у саамов он существовал в смягченном варианте. Главой семьи являлся отец, которому принадлежало право распоряжения имуществом и заработками семьи. Однако положение женщины не было принижено. Власть матери над детьми считалась выше власти отца. Жена могла, не считаясь с мнением мужа, распоряжаться рыбой, выловленной во время осеннего промысла. Лопарь обычно советовался с женой по всем хозяйственным делам. Если семья состояла из нескольких женатых братьев или дядей с племянниками, то каждый вел свое отдельное хозяйство, хотя жили и столовались вместе. Имущество наследовалось по завещанию отца. При рождении младенца вместе с именем он получал клеймо — личный знак, служивший меткой собственности (в дальнейшем ставившийся по неграмотности на документах вместо подписи). Ребенку, чтобы он был имущим, выделяли самку оленя, на ухе которой вырезали клеймо ее владельца.

Интересные зарисовки семейных отношений дал В. И. Немирович-Данченко. «Я не видывал, — пишет он, — чтобы лапландец когда-нибудь бил своего ребенка; в старости отец и мать так же любимы молодым поколением. Им лучший кусок, им первый почет... Муж никогда не скажет жене сурового слова, она ему тоже... Он питает к жене нелицемерное уважение... Русские женщины победнее с удовольствием идут замуж за богатого лопаря. Он в таком случае остается жить в селе, а не уходит в свои горы».

Лопари, поселившиеся в Коле и Поное, зачастую занимали должности волостных старшин и их помощников. «В Коле, — отмечал В. И. Немирович-Данченко, — есть много оседлых лопарских родов. Таковы Жеребцовы, Измайловы и другие. Они до сих пор сохраняют наружный тип лопаря, хотя в то же время усвоили себе совершенно русский образ жизни и стали такими же кулаками-мироедами относительно своих сородичей, какими являются остальные кольские хозяева — Базарные, Лоушкины, Хохловы и другие. Особенно лопари всех погостов плакались на старшину Жеребцова».

Волостные сходы нередко проходили бурно. В феврале 1874 года лопари, сместив с должностей Михаила Жеребцова, кандидата Филиппа Измайлова и писаря Алексея Иванова, два дня спорили о том, кому быть в волостном правлении на следующий срок. Саамы заявили, что Жеребцов и Измайлов присваивают общественные деньги, собирают с них больше, чем следует. Была выявлена растрата мирских средств. Правленцев отдали под суд. Сделанная следователем опись имущества Филиппа Измайлова показывает,

что он имел в Коле двухэтажный деревянный дом, амбар, баню, ледник общей стоимостью 220 рублей. На новое трехлетие избрали старшиною Степана Торвиева, а помощником его — Парфентия Пьянова как людей «честных, достойных и благонадежных». Мировой посредник, присутствовавший на сходе, объявил лопарям, что он, во избежание лишних поборов, «приказал раздать на каждую семью заведенные им книжки для внесения в оные самими лопарями, своими знаками, сбора с них, которые и могут предъявить ему во всякое время для справки о правильности сбора». В свою очередь саамы просили завести у них «школы для обучения их мальчиков грамоте».

В пореформенное время во внутренней Лапландии стало быстро развиваться продуктивное оленеводство. По волостному учету 1870 года, оленей насчитывалось: в Семиостровском погосте 734 головы, в Вороньинском — 683, в Ловозерском — 301. В 1887 году у всех лопарей Кольского уезда числилось 20 328 оленей, из них в Ловозерском погосте — 3800 голов! В Понойской волости в 1871 году имелось 3958 оленей, в 1889 году — 9990 и в 1895 году — 12 560.

Оленей саамы содержали по старинке. Пасли животных только в зимнее время, около 140 дней в году, в лесах и долинах, укрытых от ветров, в местах с хорошими ягельниками и мягким снежным покровом. Стада перегоняли с одного участка на другой, делая по 2—3 километра в сутки. Пастухам охранять оленей помогали собаки. Большую опасность представляли стаи волков. Нередко они уничтожали многие десятки животных. Так, в 1889 году в Понойской волости лопари забили на продажу и собственное потребление 1580 оленей, а целую тысячу животных «загрызли волки». Весною оленей пригоняли к окрестностям погоста — к жилью или станам. Здесь накануне отела важенков привязывали к деревьям или столбам. После отела молодняк клеймили и оленей отпускали в тундры на вольный выпас. Осенью, по первому снегу, саамы начинали разыскивать своих оленей и собирать их в стада.

И так с весны до поздней осени олени гуляли вразброд, одни — в горах, другие — у морских побережий, где холодный ветер частично спасал от назойливого комарья и мошкар. Вольный выпас оленей позволял саамам в течение всего промыслового сезона заниматься рыбной ловлей и, кроме того, сохранять ягельники от вытаптывания их в жаркое время, когда подсохший ягель становился ломким и легко уничтожался там, где проходили олени стада (а для возобновления пастбища требовалось около 20 лет). Однако при вольном выпасе немало оленей терялось, требовалось много усилий и времени, чтобы сыскать их и образовать послушное стадо.

Несмотря на все трудности, саамы Ловозерского погоста

за 15 лет (1871—1886 гг.) сумели увеличить поголовье оленей более чем в десять раз. Это — самое примечательное явление в жизни погоста. Во всем остальном сдвиги были скромными.

Финский ученый А. О. Кильман, посетивший Ловозеро в 1887 году, оставил следующее описание селения: «В погосте 19 деревянных домов (туп) и 7 — торфяных (веж) с построенными на столбах амбарами и маленькими помещениями для овец. Окрашенная масляной краской церковь и поместительный дом, в котором живут священник и псаломщик, резко выделяются из кучи маленьких лопарских домиков, расположенных по обеим сторонам единственной улицы. Внутренняя площадь каждого дома не превышает 4—5 квадратных метров. В трех стенах находится по маленькому окошку, а в четвертой — выходная дверь, с маленьким навесом над ней. Крыша с одним скатом, устроенным небрежно из досок и дерна, может только зимою служить защитой; летом она свободно пропускает дождь. В левом углу от двери помещается открытый камин, между ним и противоположной стенкой находится приколоченная к стене деревянная нара. Третий угол занимает образ (икона). Перед ним расположен обыкновенно столик; две прибитые к стенкам скамейки пополняют меблировку; несколько деревянных тарелок или, лучше сказать, дощечек с выдолбленными углублениями; в лучшем случае, но не всегда, несколько стаканов и чашек да большой медный чайник, из которого часто пьет по очереди чай вся семья, — завершают список домашней утвари. Для зажигания огня весьма часто употребляются еще кремни и трут и между ружьями господствуют тоже еще кремневые. О нитках для шитья заботится хозяйка, выделявая их из сухожилий оленей. В середине марта вынимаются окна, собирается весь скарб и оставляется погост. Отдельные семейства перекочевывают к своим принадлежащим им по праву наследства тоням на берегу реки или озера и живут здесь в вежах, поставленных на деревянный пол. У каждой семьи по две вежи, в одной живут они весной и летом, в другой — осенью. Границы погоста простираются на север до 10 верст, не доходя до Вороненска, на восток — до истоков Поноя, на юге обхватывают они Умбозеро».

Все, кто имел возможность побывать в саамских селениях, отмечали убогую обстановку и низкий уровень благосостояния основной массы саамов. Тем не менее, по словам исследователей, российские лопари жили не хуже крестьян Центральной России. Так, Н. Н. Харузин указывал: пища лопарей «во многих отношениях и лучше, и обильнее пищи... русских крестьян многих наших уездов». По сравнению с крестьянами коренной России саамы были гораздо лучше обеспечены землями. Им не приходилось арендовать земли у помещиков; наоборот, почти все налоги и сборы в казну уплачивали за них арендаторы их угодий. Саамы не считали

себя обездоленными, сочувственно говорили о тех «голышах», которые приходили из поморских селений на Мурман покрученниками ради куска хлеба.

С развитием оленеводства у саамов расширился слой имущих хозяев, которые стали потребителями новых товаров. Кольско-Лопарское правление в 1897 году сообщало: каждый приезжающий в Колу лопарь увозит из нее по меньшей мере «от 2 до 5 пудов соли, от 2 до 10 фунтов сахару и от $\frac{1}{2}$ до 2 фунтов чаю для своего семейства», а также спички, фабричные нитки и т. п.

Кольский Север в пореформенное время все больше осваивался за счет притока капиталов и населения из других местностей.

В 1868 году царское правительство, чтобы укрепить свои позиции на Мурмане, решило заселить его постоянными жителями и предоставило переселенцам ряд льгот и привилегий. Колонисты Мурманского берега освобождались от государственных податей и военной службы, получали право беспошлинно заниматься разными промыслами и торговлей. Колонистам и фактористам был разрешен беспошлинный привоз иностранных товаров. Правительство обещало поселенцам выдачу ссуд для постройки жилья и промысловых судов от 50 до 150 рублей на семейство.

В результате поощрительных мер Мурманский берег стал постепенно заселяться выходцами из Поморья, Финляндии и Норвегии. Первоначально люди оседали на западе — в низовьях реки Печенга, по побережьям Мотовского залива и полуострова Рыбачий, в местах весеннего промысла трески. Затем стал заселяться и Восточный Мурман, куда рыба подходила только летом, где не было леса и лугов. Сюда шли почти исключительно поморы, ранее промышлявшие здесь на хозяев как кабальные покрученники и страстно желавшие выбиться из нищеты и кулацкого ярма. Они хорошо знали рыболовные места и не боялись тяжелых условий жизни на Мурмане.

В 1895 году в 39 колониях Мурманска насчитывалось уже 1217 жителей, из них к востоку от реки Териберка — только 153. Они размещались в колониях Териберка, Гаврилово (с выселком Голицыно на реке Воронья), Шельпино, Рында, Золотая, Харловка и Восточная Лица.

Льготы и привилегии, дарованные колонистам Мурманского берега, распространялись и на лопарей в случае перехода их на постоянное жительство в колонии. Однако очень немногие из саамов пожелали перейти в разряд колонистов. Как правило, это были люди, систематически нанимавшиеся сторожить зимою станы русских промышленников. Среди записавшихся в колонисты числился, в частности, лопарь Вороньинского погоста Борис Пелькин, 40 лет, владелец трех карбасов и 10 оленей. Он поступил в колонию Гаврилово с женою, двумя сыновьями и дочерью 19 ноября

1871 года. В 1894 году на Восточном Мурмане, в четырех колониях, лопарей насчитывалось 74 человека (33 мужского и 41 женского пола). Остальные саамы Кольско-Лопарской волости заявили властям: «Мы, крестьяне-лопари, признаем себя не способными ни к рыбным морским промыслам на Мурманском берегу и ни к производству торговли» — и просили никого из их среды более не причислять в общества колонистов.

Развитию экономики Восточного Мурмана способствовало открытие пароходного сообщения по линии Архангельск—Вардё (Северная Норвегия) в 1871 году. Почтово-пассажирские (с приемом грузов) пароходы совершали рейсы по расписанию и заходили почти во все становища.

В конце XIX века на Восточном Мурмане действовало 36 промысловых предприятий, в том числе 9 принадлежавших колонистам, и 55 торговых заведений, в том числе 6 факторий, которые не только торговали всеми товарами, но сдавали в аренду рыболовные суда, скупали рыбу и жир, некоторые имели сетевязальные мастерские. Лопари получили возможность приобретать здесь все необходимое в любое время года.

В 1899 году на Кольском заливе был открыт новый уездный центр — город Александровск (ныне Полярный). Отсюда в 1902 году проложили телеграфную линию до Восточной Лицы. Летом 1905 года началась прокладка телеграфа от Восточной Лицы до Поноя, а в 1907 году — от Поноя до Кузомени. Почтово-телеграфные отделения в Териберке, Гаврилове, Рынде, Харловке и Лице обслуживали два или три работника (начальник, надсмотрщик и почтальон).

Для обеспечения безопасности мореплавания на побережьях, в «пропащих местах», были поставлены маяки и башни с усовершенствованными сигнальными огнями и сиренами. Маяки (Орловский, Городецкий, Святоносский) являлись мелкими населенными пунктами. При них круглый год жили служители, как минимум два человека (смотритель и его сменный), обычно с семьями.

На Орловском маяке жила более 30 лет смотрительница Татьяна Ивановна Куковерова, известная на Русском Севере как «мать лопарей». Чиновник по крестьянским делам Н. Н. Макшеев писал о ней в 1892 году: «Это замечательная женщина... талантливый самородок с сердцем удивительно отзывчивым на всякую беду и ко всякому горю... Она смолоду приобрела неудержимую страсть к врачебной науке... занималась медицинской практикой под руководством старшего врача в Архангельске... на Орловском маяке Татьяна Ивановна не изменила медицине. Она доставала книги, училась, практиковалась, обзавелась собственной аптекой и пользуется теперь повсеместно, начиная от Кузомени до Семиостровского погоста включительно, на пространстве огромного полулапланд-

ского полуострова как сердобольная женщина, к которой обращаются больные, находя не только медицинскую помощь, исцеление, но и помещение на маяке, в трудных случаях полное содержание во время болезни и даже денежное пособие... Она лечит людей от самых тяжких болезней безвозмездно, обшивает лопарей — шьет мужское и женское платье... — единственный добровольный врач на всем Терском берегу и во всей Лапландии».

По мере развития капитализма Кольский Север все более и более втягивался в водоворот хозяйственной жизни России. На побережьях Кандалакшского залива, близ Умбы и Ковды, возникли лесопильные заводы. Мурманский берег стал «одним из главных центров русской рыбопромышленности»*. В 1899 году на Восточном Мурмане занимались ловом трески 3196 человек и 511 человек (не считая колонистов) работали на берегу. Тем не менее природные ресурсы края использовались еще слабо. В. И. Ленин в 1899 году писал: «Возьмем, напр., „дальний север“ — губернию Архангельскую; необъятные пространства земли и природных богатств эксплуатируются еще в самой ничтожной степени»**.

Гнет самодержавия, кабальная зависимость от кредиторов, спаивание и грабеж торговцев-скупщиков тяжело сказывались на положении народных масс и тормозили социально-экономический прогресс.

ПРИХОД ИЖЕМЦЕВ

В 1888 году на Кольский полуостров пришли с большими стадами оленей коми-ижемцы, выходцы из Печорского уезда. Покинуть родные края их заставил массовый падеж скота — Большеземельские тундры были заражены возбудителями сибирской язвы и копытки.

Сначала ижемцы откочевали в Канинские тундры Мезенского уезда, но, встретив сопротивление местного населения, они пригнали стада на побережье Кандалакшского залива. Поморы, однако, не пожелали принять пришельцев в свои общества. Тогда ижемцы облюбовали для пастьбы оленей Ловозерские тундры.

Первоначально сюда явились четыре семьи из Мохченской волости — Ивана Наумовича Терентьева, Поликарпа Ивановича

* Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 600.

** Там же, с. 596.

Рочева, Федора Васильевича Канева и Степана Яковлевича Филиппова, которые обосновались на землях Ловозерского погоста, и две семьи — Мартына Семеновича и Ивана Семеновича Терентьевых из Красноборской волости Печорского уезда, поселившиеся близ Вороньинского погоста.

Ижемцы не имели юридических оснований для поселения в пределах Кольского уезда — ни разрешения властей на переселение, ни увольнения из своего общества, ни согласия лопарей на прием в их погосты. Пригнали они в Лапландию, по меньшей мере, 5000 оленей. Вместе с ижемцами в качестве пастухов пришли самоеды (ненцы) — трудолюбивые и опытные оленеводы.

Владельцы огромных стад не жалели денег на подкуп должностных лиц и спаивание саамов, чтобы добиться приговора сельских сходов на прием в члены их общества. При содействии ловозерского псаломщика Евгения Перовского и урядника Ивана Кочерова ижемцы 7 января 1889 года получили постановление вороньинского сельского схода о согласии принять пришельцев в свое общество, за что они обещали уплатить за лопарей подати, снабдить их мукой, отремонтировать и украсить церковь и т. д.

К концу 1888 года у чиновника по крестьянским делам Н. Н. Макшеева уже скопилось несколько жалоб на то, что «стада ижемцев выбивают ягель и что ижемцы убивают лопарских оленей или уводят их в свои стада». Для расследования дел чиновник командировал в погосты Вороньинский, Ловозерский и Семиостровский старшину Кольско-Лопарской волости, который, вернувшись, подтвердил справедливость жалоб лопарей и представил приговор вороньинского сельского общества от 26 января 1889 года с просьбой «о защите лопарей от ижемцев». Чиновник по крестьянским делам не утвердил обманно составленного приговора на принятие ижемцев и возбудил дело о выселении их из пределов Кольского уезда.

Вскоре Н. Н. Макшеев отправился сам в поездку по Лапландии, побывал в Ловозере, Семиостровье, Иоканге и Поное и, как он писал, «лично убедился, что ижемские главари появлялись во всех значительных пунктах Кольского полуострова — даже до Сосновского погоста и близ Святого Носа — и всюду старались добыть приемные приговоры, спаивая лопарей и стараясь действовать на должностных лиц подкупом».

Обосновывая необходимость выселения ижемцев, чиновник по крестьянским делам в донесении архангельскому губернатору указывал, что «вторжение ижемцев в среду лопарей вносит смуты и раздоры... прокормление массы приведенных ижемцами оленей неминуемо должно иметь вредное последствие на состояние стад лопарских оленей, так как на Кольском полуострове... из 18 миллионов десятин земли едва сотая часть ее дает ягель..., а около

99 процентов всей площади приходится на озера, скалы, болота и лесные пространства... Ныне у лопарей более 20 тысяч оленей... так что по недостатку кормов возле погостов лопарям приходится уходить со стадами от жилья на 20—30 верст».

25 февраля 1889 года Н. Н. Макшеев обязал ижемцев покинуть пределы Кольского уезда. Ижемцы обжаловали решение чиновника в губернском правлении, но оно подтвердило законность распоряжения Н. Н. Макшеева и сообщило, что губернатором дано предписание Кольскому полицейскому управлению «оказать полное содействие чиновнику по крестьянским делам Кольского уезда по предмету выселения ижемцев со стадами оленей из Кольского уезда».

Для высылки ижемцев уездный исправник послал в тундру пристава Степанова, который, возвратясь, рапортом от 24 декабря 1889 года донес: «Всех вообще лиц — хозяев, их семей и работников — до 76 человек; четыре чума находятся в 30 верстах к юго-западу от Ловозерского погоста и чум Мартына Терентьева — в 25 верстах к югу от Воронежского погоста». Однако отправляться со стадами на прежнее жительство в свой уезд они решительно отказались до решения дела в высших инстанциях.

Самый богатый и влиятельный из ижемцев И. Н. Терентьев 25 января 1890 года подал кольскому исправнику следующее объяснение: «Мы, прибывши в здешний край в 1888 году... потерпели страшной для нас убыток, а именно 2500 штук оленей, кроме приплода от них, в том числе 133 быка, самых смирных, всего на сумму 16 000 рублей. Теперь мы известились, что в стаде масельских лопарей братьев Кобелевых находится 100 штук наших оленей, но получить их не знаем как; также и в Лумбовском погосте и Семиостровском, как говорят лопари, есть много наших оленей. Осенью в означенных погостах мы получили 70 штук. А потому, потерпевши такие убытки, нам немыслимо возвратиться на свою родину, да кроме сего у нас подано прошение на Высочайшее имя в прошлом году, а сей год, в сем же месяце, — г. Архангельскому губернатору о дозволении проживать нам здесь... В прошлом году мы лично были у г. губернатора с вышеозначенною просьбою и получили от него на то разрешение. А потому покорнейше просим Ваше Высокоблагородие не делать распоряжения об отправке нас на родину отсюда до настоящего решения дела и тем самым не сделать нас совершенно нищими».

Для выдворения ижемцев и сопровождения их в пути (600 верст) Кольское полицейское управление выделило двух урядников, трех сотских и 14 десятских, а «для содействия им — лопарей ближайших погостов». Однако в конце февраля 1890 года пришел указ gubernского правления, рекомендовавший остановить высылку ижемцев до решения дела в Петербурге. Ижемцев на не-

которое время оставили в покое. За 250 пудов муки лопари Вороньинского погоста Григорий Пелькин и другие (всего 28 человек) дали согласие принять ижемцев, но только на три года.

Через год, при содействии волостного заседателя Михаила Кочерова, ижемцам удалось получить постановление вороньинского сельского схода о приеме их на бессрочное проживание в местах поселений на правах членов общества. В приговоре говорилось: «Принимая во внимание, что просители, проживая в течение трех лет в нашем обществе по паспортам, хорошо лично нам известны с самой лучшей стороны, как добрые христиане и люди заботились о благолепии нашего божьего храма, пособляли нам во время нужд наших хлебом и другими припасами, поддерживали, в чем могли, наше небогатое лопарское общество, и то обстоятельство, что самый образ жизни просителей оленеводов вполне соответствует жизни членов нашего общества, которое по обширности тундр в Лопарской волости и громадном изобилии кормежного мха (ягеля) никакого стеснения от приема новых сочленов ижемцев с их стадами иметь не могут...» Однако в приговоре делалась оговорка: ижемцы не должны принимать в свои семьи новых пришельцев, а стада своих оленей пасти на отведенной им земле, за пределами тех мест, где будут находиться лопарские олени. Из 57 домохозяев к приговору 8 января 1891 года приложили свои клейма 46 человек. Остальные лопари не дали согласия на прием ижемцев. Фома Мелентиев из Лявозера и его сторонники опротестовали решение схода и подали губернатору «ходатайство» о выселении ижемцев на родину. В июне 1891 года из Петербурга пришло извещение о том, что правительство отклонило просьбу ижемцев о поселении в Лапландии. Губернское правление отменило приговор от 8 января 1891 года и предписало «поспешить с исполнением указа» о выдворении ижемцев.

Выселить ижемцев из тундр оказалось делом непростым. Полицейский, ездивший, чтобы взять у ижемцев подписку об уходе из уезда в двухнедельный срок, доложил, что хозяев в стойбищах нет, «Поликарп Рочев уехал по торговым делам в С.-Петербург и Москву, Мартын Терентьев уехал для продажи оленьего мяса в Норвегию и когда оттуда вернется, неизвестно», а И. Н. Терентьев заявил, что он «обзавелся оседлостью в Ловозерском погосте» и ожидает решения на поданное в Архангельскую казенную палату ходатайство о приписке в Ловозеро.

Ижемцы жили большими семьями — целыми трудовыми коллективами. Семья И. Н. Терентьева состояла в 1895 году из 16 человек, П. И. Рочева — из 17 человек, Мартына Терентьева — из 13 человек, не считая работников, живших вместе с ними. Ижемцы построили себе просторные дома, амбары, баню, а И. Н. Терентьев — еще и замшевое заведение. По прибытии в Северо-

Восточную Лапландию ижемцы купили у семиостровских лопарей 100 важенок местной породы «для приплода» и стали разводить более рослых, сильных и красивых оленей светлой масти (вместо печорских темноволосых и малорослых оленей). Коми пасли свои стада круглый год и вели хозяйство коммерчески: ежегодно производили браковку и забой определенной части оленей, сбывали продукцию на главные рынки России и Западной Европы. Кроме того, они занимались скупкой оленей у саамов, имевших большие стада, и перепродавали животных в Финляндию. Благодаря умело поставленному сбыту ижемцы имели солидные барыши (в начале 90-х годов взрослый олень стоил от 6 до 7,5 рубля).

Поголовье оленей у ижемцев быстро росло. По показаниям хозяев, в 1895 году им принадлежало 8500 животных, а именно: И. Н. Терентьеву — 2500, М. С. Терентьеву — 1500, Ф. В. Каневу — 500, П. И. Рочеву — 2500 и С. Я. Филиппову — 1500 оленей.

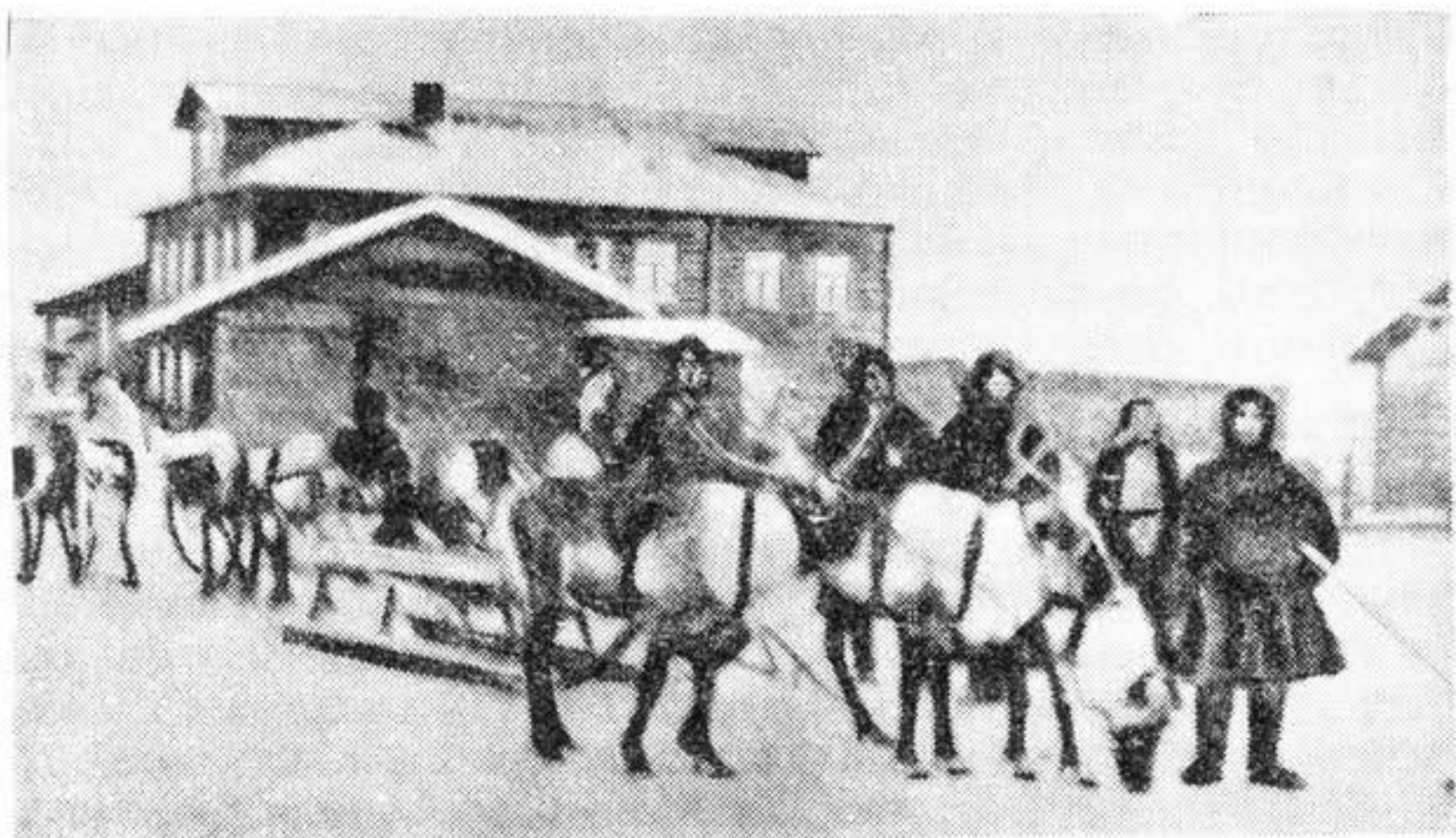
Вместе с членами семей хозяев трудились при стадах в качестве «товарищей» и «работников» пришедшие с ними родственники и земляки богачей: коми Яков Рочев, Тимофей Чупров, Иван Артиев; ненцы Илья Вывчей, Георгий Хатанзей, Михаил Маныро, Алексей Ватомы, Ананий Рубцов, Меркурий Ванюйта. Вслед за первопришельцами в Ловозерские тундры прибыло еще 5 семей оленеводов, главами которых были: Сергей Алексеевич Канев, Василий Анисимович Вокуев, Гаврил Гермогенович Канев, Павел Иванович Канев и «самоедин Иван» (без фамилии). Всего в 1895 году в Ловозерском приходе коми и ненцев (колвинских самоедов) состоял 121 человек (71 мужского и 50 женского пола). По Всероссийской переписи населения 28 января 1897 года, в Кольском уезде находилось 117 коми и 25 ненцев, а всего в уезде проживало 9291 человек, в том числе русских 5865, саамов 1724 (859 мужского и 865 женского пола). Согласно церковному учету, в 1900 году в Ловозерском приходе ижемцев имелось 70 человек мужского и 56 человек женского пола, всего 11 чумов, а самоедов — 20 человек мужского и 16 человек женского пола, у них числилось 4 чума, но в пояснении сказано: «Проживают в тундре при оленьих стадах».

В ноябре 1895 года за принятие ижемцев выступил кольский лесничий И. И. Аувикийн, который обоснованно доказывал губернскому начальству, что в Лапландии «тундры обширны для пастьбы оленей», заселение Кольского полуострова культурными оленеводами выгодно государству и потому нет смысла изгонять их из Лапландии. «Поселившиеся зыряне (коми), — писал он, — продукты оленевого хозяйства, как-то: мясо, задки и языки, — сбывают на петербургском рынке, а передние части продают местному населению в г. Коле, на Мурманском и Терском берегах. Из шкур они выделывают малицы (шубы), шапки, пимы, делают

замшу, которую также выгодно сбывают в Петербурге. Они же предполагают устроить заведение для консервов из оленьего мяса и их языков, а также из местной рыбы и хотят вызвать для этого опытного мастера. У лопарей же продукты оленнего хозяйства употребляются преимущественно для собственной надобности — на одежду и пищу — и меньшая часть обменивается местным торговцам на муку, соль и прочие припасы. Таким образом, видно, что поселение ижемцев — явление желательное в смысле правильного оленеводства на Кольском полуострове, а лопари в силу необходимости со временем будут подражать этому хозяйству...» Противоположное мнение высказывала «мать лопарей» — Т. И. Куковерова. В письме губернатору она заявляла, что ижемцы поселились в Лапландии обманом: привезли безграмотным лопарям бумагу, пригласили на сход священника и урядника и сказали лопарям: «Вот государь-батюшка вам кланяется и велит вам принять нас в ваше общество»; что ижемцы «напоили лопарей допьяна и сделали общественный приговор о принятии их в общество». До появления ижемцев, утверждала Т. И. Куковерова, у лопарей было много оленей, даже бедные имели по 250 животных (это, несомненно, преувеличение), а теперь их оленеводство гибнет. «Белый мох служит кормом оленей... Стада ижемцев ежегодно избивают его не менее как на протяжении 50 верст, а вновь вырасти он может не ранее 20 лет... Ижемцы разбогатели, а лопари обеднели... И скоро все заберут в свои руки пришельцы ижемцы. Неоднократно лопари находили своих оленей в стадах ижемцев и на просьбу лопарей возвратить их собственность ижемцы некоторым делали угрозы, а на иных нападали с кольями. Лопари жаловались кольскому мировому судье, но жалобы были безуспешны». Т. И. Куковерова требовала оградить «интересы лопарей — этих мирных оленеводов, коренных жителей Кольского полуострова — от хищничества ижемцев».

Недоразумения и столкновения происходили не столько «от хищничества ижемцев» (это передержка), сколько на почве разного ведения хозяйства и несходства обычаев. При вольном выпасе саамские олени то и дело попадали в ижемские стада. Коми при наличии клейма на ухе животного, как правило, не спорили и возвращали оленей их владельцу. Но найти своего оленя в тысячном стаде практически было невозможно. Коми не считали нужным извещать кого-либо об оленях, приставших к их стадам; саамы же в таких случаях разыскивали хозяина и за небольшую награду приводили к нему оленей сами.

Ссоры из-за оленей не доходили, однако, до острых конфликтов и улаживались почти всегда без судебного вмешательства. Но неприязнь саамов и русских к «хитрым ижемцам» существовала.

Что касается упадка оленеводства у саамов вследствие прихода ижемцев, то Т. И. Куковерова судила об этом по личным впечатлениям, а не на основе статистических данных. Катастрофического сокращения поголовья оленей у саамов не происходило. По подворной переписи 18 ноября 1895 года, лопари Ловозерского погоста имели 1925 оленей, Семиостровского погоста — 4350, Вороньинского — 1271. Итого — 7546 голов. Если взять в целом, то картина будет такова: в 1887 году у лопарей Кольского полуострова было 20 328 оленей, в 1909 году — 41 815. У ижемцев в 1902 году насчитывалось около 18 000 оленей, в 1909 году — около 30 000. Таким образом, число оленей у саамов за 22 года более чем удвоилось. А параллельно возрастало и ижемское оленеводство. Перенимая опыт оленеводов коми, саамы стали переходить к охране стад, устройству загонов и торгово-предпринимательскому скотоводству.

Ижемцы пустили прочные корни в полюбившемся им крае и не хотели возвращаться на родину, несмотря на многократные «понуждения» властей. И. Н. Терентьев в начале 1895 года получил официальное разрешение Управления государственных имуществ на действие замшевого заведения в Ловозере с четырьмя наемными рабочими и суммой годовой продукции 3000 рублей, а в 1904 году открыл еще одно замшевое предприятие в Рынде «с устройством простой мялки,двигающейся лошадиною силою и ручным трудом рабочих числом от 2 до 5 человек». В 1896 году

И. Н. Терентьев подал заявку об отводе ему двух сенокосных участков в окрестностях Ловозера «на 40-летнее пользование». В марте 1896 года в Ловозере сгорела церковь. Возобновление храма, вместо саамов, взяли на себя ижемцы. И. Н. Терентьев заготовил 409 бревен, а П. И. Рочев пожертвовал 570 рублей на сооружение церкви и 60 рублей — на украшение ее. И. Н. Терентьев на собственные средства поставил просторный дом для училища.

Борьба ижемцев за право поселения в Лапландии длилась целых десять лет. Лишь 6 декабря 1896 года губернское начальство приняло решение оставить ижемцев «на казенных землях» Кольского уезда. Оставалось получить согласие лопарей. После щедрых пожертвований саамы не возражали против принятия трех семей. 10 мая 1897 года последовало утверждение правительства на приписку в Ловозерском погосте И. Н. Терентьева, Ф. В. Канева и С. Я. Филиппова с семьями. Остальные пришельцы продолжали жить в Лапландии на положении «приживы» — нечленов общества. Попытки обосноваться в погостах Понойской волости не увенчались успехом.

КУЛЬТУРА СААМОВ

 В эпоху капитализма усилилась тяга масс к свету, знаниям. Правительство не могло игнорировать потребность общества в грамотных людях. Царизм всячески тормозил развитие народного образования и стремился поставить школу под свой контроль, всемерно насаждать через нее религиозные убеждения и благоговение перед монархией. Детей, наряду с обучением грамоте, заставляли заучивать молитвы, участвовать в богослужении и читать церковные тексты. Учащихся воспитывали в духе смирения и покорности властям, устрашали «карой божьей» — суровым наказанием за грехи.

В Ловозере школа открылась в ноябре 1890 года. Занятия в причтовом доме вел священник Михаил Почезерский. Обучение проходили 8 мальчиков и 5 девочек, но некоторые из них «по бедности» вскоре прекратили учение, чтобы помогать родителям по хозяйству. Школа не имела учебных пособий. На ее нужды отпускали всего лишь 26 рублей 80 копеек в год. В 1892 году она закрылась.

Появление школ для саамов не на шутку обеспокоило кольских лавочников и скупщиков, которые отговаривали лопарей от обучения детей как от дела «бесполезного и вредного». Понятно: эксплуатировать неграмотных людей легче, чем грамотных.

В 1893 году за организацию школы в Ловозере взялся Архангельский комитет православного миссионерского общества. На должность учителя прислали Ивана Яковлевича Иванова, окончившего один класс духовной семинарии, назначив ему 20 рублей месячного жалованья. Комитет выделил на содержание школы и устройство при ней общежития для учащихся 130 рублей 40 копеек, назначил 10 рублей в месяц законоучителю — Н. Н. Шмакову. Занятия начались 7 декабря 1893 года. Посещали школу 13 мальчиков и 6 девочек.

Миссионерский комитет снабдил ловозерскую школу учебными пособиями и письменными принадлежностями, в сентябре 1894 года прислал в Колу 100 экземпляров Евангелия от Матфея на лопарском языке, а в 1895 году издал в Архангельске «Азбуку для лопарей», выдержанную в религиозно-монархическом духе.

Школа помещалась в тесной саамской тупе, имела убогое оборудование. Среди учащихся насчитывалось лишь 6 саамских мальчиков. В 1896 году все школьное имущество сгорело. Тогда жители, по инициативе и при финансовой помощи ижемцев, создали школу грамоты, наняли за 50 рублей псаломщика, который в зимнее время, менее четырех месяцев в году, обучал детей всем предметам. 11 февраля 1898 года начались занятия в школе, построенной И. Н. Терентьевым. Новое здание состояло из трех комнат и сеней, служивших раздевалкой. В одной из комнат ночевали учащиеся из других погостов. На кухне дети получали пищу. Должность учительницы заняла прибывшая из Архангельска Е. Д. Догадкина — выпускница мариинской женской гимназии. Она отдавала много сил обучению детей коми, саамов и ненцев: старалась выработать понимание русской речи и умение объясняться по-русски, прививала интерес к учебе, проводила вечерние занятия по русскому языку и арифметике. Учение длилось с ноября до апреля, а потом дети уезжали в тундру вместе с родителями. Состав учащихся был следующим: в 1900 году посещали школу 12 мальчиков и 8 девочек (коми — 15, ненцев — 3, русских — 1, саамов — 1); в 1902 году — 21 мальчик и 7 девочек (коми — 25, саамов — 3).

Всероссийская перепись населения 1897 года показала значительно повысившийся уровень грамотности жителей Кольского уезда. В 1869 году грамотность поморов (без детей дошкольного возраста) не достигала и 10 процентов. В 1897 году она составляла 36 процентов; грамотных саамов, то есть умеющих читать и писать по-русски, насчитывалось в возрасте 10 лет и старше 7,1 процента; из 66 коми мужского пола грамотных было 19 человек, из 51 коми женского пола — 6 человек.

Полукочевая тундровая жизнь не способствовала закреплению грамотности, да и сфера применения ее была неширока. Некото-

рые лопари записывали для себя сумму долгов за взятые у торговцев товары. В Понойской волости грамотные лопари служили старшинами, оспопрививателями, церковными старостами (продавали свечи и записывали денежные поступления). При дорожном строительстве приходилось вести запись поставки материалов и выполненных работ. Сборщики денежных платежей заполняли ведомости податного учета. Зачастую требовалось прочитать распоряжения властей. В волостных документах иногда встречаются записи лопарей, вроде: «Расписался крестьянин Иокангского общества Демить Ивановъ Даниловъ» (выведено четко и довольно грамотно). Но большинство так называемых «грамотных» саамов ставили вместо прежнего клейма инициалы (начальные буквы имени и фамилии, нередко и отчества).

В Поное церковноприходская школа открылась осенью 1884 года. Занималось в ней до 20—22 учащихся. Библиотека в 1900 году насчитывала 190 названий книг и журналов «духовно-нравственного содержания». В Ловозере библиотеки не существовало. На мирские деньги выписывались газеты «Архангельские губернские ведомости» и «Сенатские ведомости», журналы «Воскресный досуг», «Неделя», ежегодники «Адрес-календарь», но они оставались в Коле при волостном правлении. Только в церкви имелся небольшой набор книг, присланных преимущественно миссионерским комитетом.

Для лечения больных в волостных центрах, а затем и в Ловозере были открыты фельдшерские пункты. «Лопарские» фельдшера в зимнее время объезжали погосты и оказывали медицинскую помощь. При опросе лопарей в 1905 году, есть ли им польза от посещения фельдшера, женщины Каменского погоста заявили, что он лечит не всех больных, «старым не дает лекарств». Но сельский староста в Поное саам Алексей Харлин собственноручно написал лестный отзыв о работе фельдшера Смирнова, указав, что он «обходится с больными очень великодушно», никому не отказывает в помощи и «полезен для населения».

Возможности медицинского персонала в Лапландии были весьма ограничены. Постоянно не хватало нужных лекарств. Царское правительство отпускало на народное здравоохранение ничтожные средства. Работать приходилось в труднейших условиях. Вакансия уездного врача часто оставалась не занятой. Поработав год-другой и надорвав свое здоровье, врачи обычно покидали Лапландию. Честных людей угнетало сознание, что они не могут оказать населению надлежащую помощь. «С грустью приходится сознаваться, — писал Иван Николаевич Шмаков, служивший врачом на Кольском полуострове с 1895 по 1901 год, — что медицинский персонал является бессильным локализовать болезнь и принять энергичные меры к ее прекращению: обычно о появлении эпиде-

мии в уезде врач узнает спустя долгое время и к месту эпидемии не скоро сможет прибыть, а весной и осенью, по отсутствию всяких путей сообщения в Лапландию и на Терский берег, врач вынужден бездействовать...» В 1901 году в Понойской волости из 655 жителей умерло 82 человека, из них 42 — от скарлатины и 11 — от тифа.

Часть лопарей, особенно во внутренней Лапландии, не получала квалифицированной медицинской помощи и прибегала, по словам И. Н. Шмакова, к своим знахарям, которые лечили не только действенными лекарствами, но и посредством «заговоров, наговоров и заклинаний». Результаты такого лечения далеко не всегда были положительными, хотя народная медицина выработала ряд ценных способов предохранения и избавления от болезней. Достаточно сказать, что лопари не страдали от цинги, успешно лечили некоторые телесные повреждения. В среднем саамы жили дольше, чем русские крестьяне Кольского Севера.

Все без исключения наблюдатели отмечают тяготение саамов к русской культуре. «В настоящее время, — писал в 1909 году доктор медицины И. Н. Шмаков, — во многих лопарских погостах встречаются избы наподобие русских (белые избы) с тою лишь разницею, что они размером много меньше... Хлеб с появлением у лопарей русских печей вошел во всеобщее употребление, но еще не так давно вместо хлеба в ходу были пресные колобы («резки»), которые готовились на открытом огне и поджаривались со всех сторон». Улучшились гигиенические условия жизни — в тупах и избах было светлее и чище, чем в вежах. В начале XX века у лопарей появились первые бани. В саамский быт стали проникать керосиновые лампы, самовары, посуда фабричного изготовления, обои, суздальские картинки.

Саамы создали множество устных произведений — сказок, преданий, бывальщин, песен. Лишь часть из них записана собирателями саамского фольклора, большинство же ныне забыто и навсегда утрачено. Исторические предания повествовали о борьбе лопарей с иноземными захватчиками. В сказаниях саамы побеждают их, как правило, не столько оружием, сколько хитростью и волшебством. Почти всегда предания о былых событиях связаны с конкретными географическими объектами (каким-то озерком, скалой, горой, рекой).

Легенды (ловты) прославляли храброго и сильного Ляйне и других героев-саамов. В терских погостах из поколения в поколение передавался цикл сказаний о Мяндаше — человеке-олене и божестве. Каменские лопари считали его своим предком.

Вот одна из легенд, бытовавшая в Ловозерском погосте: «Как лопин спас целый погост от шведов» (запись А. Л. Ященко, 1887 год).

Собрались лопари Ловозерского погоста в одном из скрытых мест. Разбились на кучки и принялись играть в мяч. Вдруг один лопин, что настороже был, увидал приближающихся шведов. Разбежались лопари по кустам, а на поляне остались два брата: им велено было отвести глаза шведам. Старший брат надел печок внакидку и брату тоже велел. Не послушался младший брат и не переодел печка. Подошли шведы ближе, а братья сразу бросились в их толпу. Схватили шведы за печки и поймали младшего, а вместо другого лопина в руках у них один печок остался. Бросились шведы в погоню, но скоро все отстали от быстрого лопина, только один чудь-жёре (предводитель врагов) не переставал бежать. Добежал лопин до реки, перепрыгнул через реку и остановился. Подбежал чудь-жёре, а прыгнуть не смеет — боится утонуть. Начал лопин насмехаться над его трусостью. Рассердился швед и бросил в лопина саблей. А тот поймал саблю, перескочил через реку назад и бросился на чудь-жёре, только не убил, а отрезал язык, чтоб тот своим ничего сказать не смог. Бросил шведа лопин, побежал и скрылся в лесу. Так спас лопин погост от разбойников-шведов.

Самобытен мир саамских сказок: о дочери Солнца Найнас, злой волшебнице Аадзь, человеке-медведе Сталло, карликах — чахкли, о разных животных и приключениях людей. В сказках саамов отразились их мировоззрение и мораль — представления о сверхъестественных силах и божествах, отношение к добру и злу, смелости и трусости, любовь к Родине, ненависть к насилию, стремление к свободе.

В каждом погосте были свои признанные сказители: Афанасий Матрехин в Каменке, Михаил Титов в Иоканге, Авдотья Матрехина в Лумбовке, Петр Сорванов в Ловозере. Сказки рассказывали обычно пожилые женщины, а их слушателями являлись преимущественно дети, хотя с незапамятных времен существовали сказки и для взрослых.

Саамы очень любили петь песни — и в домашней обстановке, и в пути, и на промысле в часы отдыха. Саамские песни почти всегда — импровизация, без твердо фиксированного текста. Пелись они по всем поводам, которые давала жизнь. Сюжеты и жанры разнообразны. Это прославление удачи на промысле, любование оленями в стаде или в упряжке, это желание чего-либо, рассказ о чем-то случившемся в погосте. Песня слагалась самим певцом, могла быть лирической, шуточной. В одной из песен высмеивалось хвастовство богатых женщин, каждая из которых хвалилась своим достатком: оленями, деньгами, красивой одеждой — и славой доброй хозяйки, умением искусно сшить чапорный печок (шубу из шкур молодых оленей), белые яры (меховую обувь) и рукавицы. В другой песне молодой охотник излагал свою мечту:

Пойду я на горы, на высокие крутые вараки.
Возьму я с собою стрелы,
Набью я на вараках диких оленей, крупных и жирных оленей.
Сыграю я свадьбу, веселую, шумную свадьбу...

В. Ю. Визе в 1910 году записал благодарственную песню лопаря:

Спасибо тебе, лес великий.
Спасибо за оленя дикого, за рога его красивые.
Спасибо тебе, — сыт я, человек...

По свидетельству путешественников, саамы охотно пели русские песни, но не забывали и своих.

Представления об устройстве мира саамы восприняли из христианского учения. Этому способствовали густая сеть церквей и часовен, систематические выезды причтов к саамам как зимой, так и летом. Александровское благочиние в рапорте за 1899 год сообщало: «Причты старательно и добросовестно исполняют свое пасторское служение... Поучения и проповеди на праздничные дни и воскресные производились по всем церквам... Лопари и зыряне Ловозерского прихода почти все без исключения исполняют христианский долг... с усердием посещают богослужения».

К началу XX века на Кольском полуострове уже не существовало языческих святилищ. Только в глуби Лапландии сохранялись еще сейды, к которым лопари относились с почтением. По словам В. Ю. Визе, на одном из островов Ловозера находилась «старуха» (нечто вроде идола), которой некогда саамы приносили жертвы. Бытовали легенды о сейдах — духах гор и озер. Но безвозвратно ушли из жизни шаманы (кебуны) как носители старого культа. Так называемые «нойды» не отвергали христианства и выступали в качестве знахарей и предсказателей. О настоящих «колдунах» остались лишь воспоминания. В. Ю. Визе, посетивший Центральную Лапландию в 1911—1912 годах, слышал рассказ о колдуне в Лявозерском погосте Михаиле Кирилловиче, который умер «лет 20 тому назад» (то есть в конце XIX века). Он знал древний ритуал общения с дьяволами, в обиходе не держал каких-либо железных вещей (ножи, например, у него были из оленьей кости). Похоже, что упомянутый лявозерец являлся последним профессиональным колдуном.

Замечательно прикладное искусство лопарей. Путешественники второй половины XIX — начала XX века вывезли немало прекрасных изделий, свидетельствующих о тонком художественном вкусе саамов.

В 1877 году в Лапландию за материалами для выставки в Москве приезжал антрополог А. И. Кельсиев. Проехав по ло-

парским погостам и стойбищам от Сосновки до Колы, он донес организаторам выставки: «Приобрел множество рукоделий, чрезвычайно изящных и оригинального стиля». Среди вещей, собранных в Восточной Лапландии, значатся: «пять очень старинных эстампов для печатания узоров на замше ольховой краской, один из них костяной, в виде гребешка».

Саамы любили украшать праздничные одежды и некоторые изделия домашнего обихода орнаментом из бисера — мелкими разноцветными стеклянными колечками. В коллекции А. И. Кельсиева саамское шитье бисером представлено сумочками, футлярами для точильного камня и для огнедобывающих принадлежностей (в них хранились: огниво, кремь, трут, металлическая чашечка с серой и сухие щепочки), а также несколькими подушечками, сшитыми «из квадратных и треугольных кусочков сукна черного, желтого, синего и красного, и расшитых крестообразным бисером, нанизанным на жильные нити», «замечательными по красоте» тринадцатью головными уборами, поясами, чехлом для ножа, мешочками для пуль, расшитыми бисером.

Исконным и широко распространенным способом украшения меховых изделий являлась аппликация — нашивка на них кусочков цветного сукна, отличающихся по цвету и оттенку полосок меха, иногда в сочетании с вышивкой. Ассортимент изделий такого рода обширен — от кисетов для табака и кошельков для денег до традиционных меховых сапожек — канег. Но особенно изящно изготовлялись головные уборы. Украшали также оленью сбрую для выездов в гости.

Женщины с детства приучались шить и украшать одежду и обувь. Экзаменом на мастерство являлось шитье яров — зимних сапог с мягкой подошвой, высотой до колен, с загнутыми кверху носками. «Чтобы смастерить яры, — писала этнограф В. Н. Хару-

Саамская девушка в зимнем костюме

зина, — требуется много искусства и много вкуса... Они шьются из узких полосок белой и темной оленьей шкуры. Между этими полосками вводят узкие полоски разноцветного сукна, такие же треугольники, зубчики и т. п. Лопарка должна не только сшить яры крепкими швами, чтобы не пропускали снег или воду, но и заботиться о красивом, оригинальном рисунке, думать о расположении и чередовании сукна и меха».

Художественное творчество мужчин проявлялось в украшении предметов домашнего обихода, саней-керёжек, промыслового снаряжения. Чаще всего применялась резьба по дереву и кости. В числе вещей, собранных А. И. Кельсиевым, отмечены «покрытые резьбою» пряслица, костяной крюк для прикрепления колыбели, гребень, кейкала («дощечки с клеймами, надеваемыми на шею оленей»), декоративные костяшки. «Все эти вещи, — пояснял ученый, — интересны по их старине и награвированным на них узорам».

Посредством резьбы саамские художники создавали в своих жилищах своеобразные «картины» — деревянные доски с изображениями построек, оленей и бытовых сцен. «Редко можно встретить вежу или тупу, — отмечала В. Н. Харузина, — на деревянной, прокоптевшей стене которой не увидишь грубо вырезанное ножом изображение оленя... Иногда олень впряжен в керёжку или балок, иногда бежит один, иногда его сопровождает человек в лыжах и собака». На задках саней, на колыбелях и прялках делались росписи и рисунки красящими веществами.

Многие предметы домашней утвари представляли собой художественные поделки, изготовленные из полосок бересты (короба, туеса, скатерти), тонких сосновых корней (сумки-плетенки, корзинки), ствола дерева (колыбели, корыта, столовые доски, ковши), украшенные геометрическими фигурами и узорами.

К началу XX века часть традиционных предметов быта выходит из употребления. «Местное производство, — сообщал А. И. Кельсиев, — совершенно вытесняется наплывом привозных фабричных товаров».

Дореволюционные саамы не создали своей национальной литературы, музыки, театра. Но они не были диким и невежественным народом. Это подтверждают все, кто имел возможность лично видеть жизнь саамов. Приведем лишь некоторые высказывания.

А. И. Кельсиев: «Лопари народ честный, добрый, услужливый, гостеприимный и веселый, идеально кроткий и ласковый в семейной жизни... Лопарь не умеет принижаться. С каждым приезжающим он держит себя как с равным. Он вежлив, почтителен, дружелюбен, весел и очень религиозен. Бедность содействовала развитию чувств сострадания и справедливости». Привыкший видеть приниженность русского крестьянина, ученый был удивлен

«заметным чувством достоинства», которое, по его мнению, происходило у лопарей «от свободной жизни, от отсутствия класса, гнетущего капиталом, властью либо умственным превосходством».

Инженер Б. А. Риппас: «Лопари народ веселый, развитой и деликатный... Лопарь не похож на дикаря... Он знаком с различными техническими успехами цивилизации, но они мало прельщают его» (1894 г.).

Архангельский вице-губернатор Д. Н. Островский: «Лопари из всех кочующих и полuosедлых племен земного шара стоят на сравнительно высшей ступени умственного и нравственного развития» (1898 г.).

Хорошее знание русского языка позволяло саамам легко усваивать русскую народную культуру. Саамская молодежь увлекалась играми с кожаным мячом, в чижики и прятки, однако все делалось на свой национальный лад. В праздники саамы сходились на пляски, которые походили на инсценировки из оленеводческого быта и лесной охоты, состязались в ловкости управления оленьей упряжкой и в бросании аркана.

НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

На рубеже XIX и XX столетий Россия вступила в империалистическую стадию развития капитализма. В стране резко обострились классовые противоречия. Стала назревать буржуазно-демократическая революция. Ее началом явился расстрел царскими войсками мирного шествия рабочих в Петербурге 9 января 1905 года.

Ключевым вопросом революции был аграрный. Крестьянство основной территории России, страдавшее от малоземелья, требовало ликвидации помещичьего землевладения и передачи земли трудящемуся народу. На Кольском Севере не существовало помещичьих имений. Лапландские крестьяне относились к разряду государственных и владели промысловыми угодьями на общинном праве, а леса считались собственностью казны. Поэтому расстановка социальных сил в Лапландии, по сравнению с центром России, была иной. Главным притеснителем и эксплуататором мелких товаропроизводителей-крестьян выступал не помещик, а капиталист — скупщик промысловых продуктов, а также свора грабителей в лице виноторговцев, лавочников, фактористов и ростовщиков. Кроме того, угнетали крестьян чиновники и духовенство.

Каким было Ловозеро к 1905 году? В зимнем погосте на речке Вирма стояли 10 домов, 32 тупы, церковь, часовня, школа (27 уча-

щихся), дорожная станция, замшевая «фабрика» И. Н. Терентьева (5 рабочих), 6 бань, 32 амбара. Постоянного населения насчитывалось 333 человека (177 мужского и 156 женского пола), в том числе: саамов 176, ижемцев 143 (остальные коми, 22 человека, жили в Вороньинском погосте), ненцев 12 и русских духовных лиц 2. Скота имелось: оленей 17 570, коров 10, овец и коз 85. В Вороньинском, Лявозерском и Семиостровском погостах жителей крестьянского сословия состояло 250 человек; скота в каждом из погостов имелось немногим менее 3000 оленей и по два-три десятка овец. В Понойской волости к началу XX века было 676 крестьян, из них 220 проживало в селе Поное.

События в центре России нашли отклик и на Кольском Севере. Получив известие о манифесте 17 октября 1905 года, согласно которому народу «даровались» царизмом политические свободы и выборная законодательная дума, политические ссыльные в Коле, где находилось лопарское волостное правление, устроили демонстрацию с пением революционных песен, красными флагами и, выйдя на берег реки Колы, «говорили речи и кричали „ура!“ за революцию и за свободу обновленной России, при этом, — доносил губернатору уездный исправник, — производили выстрелы из ружья».

9 марта 1906 года уполномоченные от лопарей и русских крестьян, собравшись в городе Александровске в помещении народного дома и обсудив «местные нужды», выработали наказ будущему депутату Государственной думы от Архангельской губернии. Крестьяне требовали разграничить и закрепить рыболовные угодья за сельскими обществами, впредь никого не поселять в соседстве на казенных землях и принять в отношении пришельцев, которые самовольно промышляют рыбу, зверя, травят ягельные тундры и сенокосы, «самые строгие меры к выселению их и наказанию за самовольство». Крестьяне настаивали на отмене платежей за лесные материалы, подводной повинности, содержания духовенства и волостного писаря, предлагали ввести всеобщее бесплатное обучение, учредить профессиональные школы (рыболовные, ремесленные, мореходные), увеличить медицинский персонал, предоставлять сельским обществам право запрещать виноторговлю как из казенных лавок, так и в частных заведениях. Крестьяне высказались против вмешательства полиции в дела крестьянского самоуправления и права чиновников отдавать недоимщиков на принудительные работы. Иными словами, выступили против диктата властей, за расширение местной демократии. Политически темная крестьянская масса с частнособственнической психологией дальше этого не шла.

Революция 1905—1907 годов потерпела поражение. Надежды народа на улучшение жизни не оправдались, но стремление

к свободе не исчезло. Рухнула вера в «батюшку-царя», якобы заботящегося о своих подданных.

В 1904 году, с введением специальных пароходных рейсов из беломорских селений на Мурман, исчез путь поморов через Ловозеро в становища Северо-Восточной Лапландии — важный источник доходов лопарей от извоза и вместе с тем источник информации о том, что делается на белом свете. Никто из лопарей Ловозера не выписывал газет и журналов. В саамских селениях не было ссыльных. Правда о событиях в России редко доходила до жителей тундры.

Накануне мировой империалистической войны в Ловозере имели дворы следующие главы семей (возраст в 1911 году):

1. Галкин Егор Кондратьевич, 59 лет
2. Архипов Егор Трофимович, 22 года
3. Галкин Максим Ефимович, 73 года
4. Галкин Семен Ефимович, 67 лет
5. Юрьев Александр Павлович, 42 года
6. Галкин Григорий Егорович, 50 лет
7. Галкин Семен Трифонович, 75 лет
8. Кириллов Василий Николаевич, 72 года
9. Кириллов Егор Назарович, 49 лет
10. Юрьев Иван Федорович старший, 59 лет
11. Юрьев Иван Федорович младший, 55 лет
12. Юрьев Исаак Федорович, 51 год
13. Юрьев Павел Федорович, 43 года
14. Юлин Иван Федорович, 58 лет
15. Юлин Григорий Афанасьевич, 27 лет
16. Данилов Иван Семенович, 56 лет
17. Данилов Михаил Леонтьевич, 68 лет
18. Данилов Козьма Леонтьевич, 61 год
19. Данилов Андрей Григорьевич, 37 лет
20. Вдова Сергея Данилова — Марфа Михайловна, 59 лет
21. Вдова Федора Сорванова — Фекла Трифоновна, 69 лет
22. Захаров Антон Прокопьевич, 13 лет.
23. Захаров Гаврил Романович, 79 лет
24. Сорванов Александр Фадеевич, 32 года
25. Сорванов Егор Михайлович, 68 лет
26. Сорванов Василий Михайлович, 65 лет
27. Сорванов Филипп Михайлович, 55 лет
28. Терентьев Яков Иванович, 48 лет
29. Терентьев Андрей Иванович, 45 лет
30. Терентьев Константин Иванович, 38 лет
31. Терентьев Михаил Иванович, 42 года
32. Канев Федор Васильевич, 64 года

33. Филиппов Илья Степанович, 42 года

34. Рочев Поликарп Иванович, 58 лет

35. Вокуев Егор Дмитриевич, 40 лет

Первые 27 дворовладельцев — саамы, остальные — коми. Среди тех и других встречаются большесемейные (саам В. Н. Кириллов имел в семье 8 человек мужского и 10 женского пола, саам П. Ф. Юрьев — 6 человек мужского и 10 женского пола; коми П. И. Рочев — 10 мужского и 9 женского пола, коми И. С. Филиппов — 7 мужского и 10 женского пола).

По духовной росписи 1914 года, в Ловозере насчитывалось 27 саамских дворов (184 жителя) и 7 ижемских домов, именовавшихся «чумами»; еще 13 чумов ловозерских ижемцев находилось за пределами селения. Всего оленеводов коми в Кольско-Лопарской волости числилось 509 человек, ненцев — 61. В Ловозере действовало два замшевых предприятия, на которых в 1914 году 10 наемных рабочих изготовили продукции на 25 200 рублей. Саамы никаких торговых и промышленных заведений не имели. Коми и их работники ненцы жили на левом берегу реки Вирма, а саамы — на правом.

В Понойской волости по учету уездной полиции к началу 1914 года числилось 734 человека крестьянского сословия; скота имелось: крупного рогатого — 22 головы, овец — 158, оленей — 5022; строений: жилых — 283, амбаров — 297, 1 церковноприходская школа, 1 фельдшерский пункт, 6 церквей, 2 колокольни, 4 часовни.

В 1913 году в Александровском уезде насчитывалось домашних оленей 79 531. Почти половина из них принадлежала коми-ижемцам. По характеристике ученого Г. М. Крепса, «предприимчивые и работающие, смекалистые, хорошие торговцы, сильные, рослые, многосемейные, дружные между собою и культурные ижемцы» превратили Ловозеро в главный центр оленеводства в Лапландии. Они поставили в Ловозере большие, иногда в два этажа, прочные и светлые дома, которые отличались чистотой и комфортом. Ижемцы впервые завели небольшие огороды и стали выращивать картофель, репу и редьку.

Коми и ненцы создали рациональную систему движения стад по определенным маршрутам. Рабочие быки паслись близ селения, остальные животные кочевали вдали от мест жительства: с октября до конца марта олени находились в южных лесистых окраинах Ловозерской тундры, где происходил их выборочный убой, затем стада перегонялись на север, к морю, где они меньше страдали от кровососущих насекомых и лучше росли.

Мирную жизнь тундрового края летом 1914 года нарушила начавшаяся мировая империалистическая война. Уже в июле

прошла мобилизация военнообязанных запаса в действующую армию и флот. 4 октября 1915 года совет министров увеличил промысловый налог на 50 процентов, повысил акциз (наценку) на товары первой необходимости. Вводился военный налог в размере 6 рублей на домохозяйство (при годовом доходе до 1000 рублей). Семьям мобилизованных, оставшимся без кормильцев, стали выдавать казенное пособие: в Кольско-Лопарской волости — 4 рубля на взрослого и по 2 рубля на детей в месяц, в Понойской волости соответственно 3 рубля 85 копеек и 1 рубль 93 копейки. Однако действия германского флота крайне затруднили подвоз товаров, все страшно подорожало. Казенного пособия хватало только на скудное питание, а чтобы как-то удовлетворить остальные нужды, приходилось продавать оленей и имущество, наниматься к богачам. В селениях ускорился процесс поляризации крестьян: большинство нищало, а крупные промышленники, скупщики и спекулянты богатели.

Повсеместно росло недовольство существующими порядками и политикой властей. Яркой иллюстрацией может служить протест обрусевшего лопаря в селе Поной Киприана Гавриловича Харлина, который 6 ноября 1914 года в присутствии местных крестьян «произносил оскорбительные выражения против царствующего государя императора». Свидетели на следствии показали: «20-летний парень... был трезвый... хотел сорвать со стены портрет государя», но крестьяне не позволили ему это сделать, и он «при всех тут бывших обругал государя императора площадной бранью, а также и вместе с сим Бога».

Как мог молодой саам прийти к такому умонастроению, что выступил против не только царя, но и самого бога? Биография Киприана Харлина обычная: со дня рождения проживал в Поное, занимался промыслами, иногда «скандалил» (с кем не бывает?). И лишь одна деталь немного проясняет его поведение — его отец часто сидел под арестом по приговорам волостного суда; по-видимому, не ладил с притеснителями-богачами. Из показаний свидетеля А. А. Андрианова узнаём, что оскорбление государя произошло в доме понойца Никандра Сидорова. Собравшиеся к нему люди вели разговоры «о крестьянстве, о ловле рыбы и о войне». Когда крестьянка Евдокия Александровна Совкина «начала вспоминать своего сына, находящегося на войне, то Киприан Харлин стал ругать государя... сказал, что ее сын ушел служить... (непечатное выражение), и вместе с сим такой же бранью ругал и Бога».

После июльской мобилизации 1914 года, когда в армию и на флот брали запасных нижних чинов призывов 1906—1913 годов, последовали новые наборы: в 1915 году досрочно взяли мужчин, родившихся в 1896 году, и ратников государственного опол-

чения 1-го разряда («не проходивших ряды войск», но обучавшихся на военных сборах), не имевших права на льготу по семейному положению. 7 августа на пароходе «Николай II» на сборный пункт в город Архангельск отправились новобранцы из Ловозера коми М. В. и М. А. Терентьевы, саамы Л. Е. Гаврилов, Е. И. Данилов и Д. Л. Матрехин и ратники коми А. П. Рочев и П. А. Терентьев. В 1916 году прошло пять призывов ратников и запасных, родившихся начиная с 1 октября 1879 года, и взяли досрочно новобранцев 1897 года рождения. В армию уходили и ратники 2-го разряда — не проходившие никакой военной подготовки.

Война, которой не видно было конца, поглощала массу людей и материальных средств. Она лишила жителей Севера возможности вести промыслы на Мурмане, нарушила привычный ход торговых дел и сношений. В селения приходили официальные извещения о гибели людей на фронте. Почти все разговоры вращались вокруг войны и ее горестных последствий. Возрос интерес к политическим событиям. Не имея газет, крестьяне расспрашивали о новостях разных чиновников и проезжих. Каждое письмо с фронта читали и обсуждали коллективно. Ходило множество нелепых слухов (о появлении «звезды с хвостом», о налетах германских аэропланов и т. п.). В селениях не справляли свадеб, не слышалось песен, закрылись казенки (винные лавки).

В годы первой мировой войны Мурман приобрел важное государственное значение — сюда поступали военные грузы (оружие, боеприпасы, разное снаряжение и медикаменты) от союзников России. Царское правительство ассигновало многие миллионы рублей на сооружение железной дороги от Петрозаводска до Кольского залива, на строительство военно-морских баз, укреплений, радиостанций, постов наблюдения. Из Англии в город Александровск проложили подводный кабель международного телеграфа, который затем продлили до Иоканги, где начали строить базу «для обороны морского пути в Архангельск». Необходимость в Иокангской базе была вызвана тем, что немцы, стремясь помешать доставке военных грузов из Англии и Франции в Архангельский порт, ставили в Горле Белого моря мины, германские корабли обстреливали русские торговые суда и береговые объекты. Ввиду этого 5 июня 1916 года правительство объявило Александровский и Кемский уезды «театром военных действий».

На Кольский полуостров прибыли тысячи рабочих и военнослужащих. Развернулись небывалые в истории края строительные работы. В конечном пункте железной дороги возник город, названный приближенными царя по имени правящей династии — Романов-на-Мурмане (с 3 апреля 1917 года — Мурманск). Его торжественное открытие состоялось 21 сентября 1916 года.

Ловозеро отстояло от железнодорожной станции Пулозеро в 92 километрах, а от нее до Колы — 77 километров. Большой, динамичный мир — огромная стройка с тысячами рабочих и служащих — вторгся в тундру, где веками почти ничего не происходило. Вместо службы в армии саамов и коми с оленьими упряжками брали по мобилизации, с согласия военного министра, на перевозку строительных и военных грузов на линии Кандалакша — Кола.

Медленно и с большими трудностями шло сооружение Иокангской базы. Недостаток рабочей силы и материалов не позволил закончить строительство в намеченный срок — к концу 1916 года. О положении дел в Иоканге регулярно информировал правительство контролер, инженер-технолог Лев Максимович Иоэльсон. Его сообщения ярко характеризуют условия труда и быта строителей. «Работы не двигаются, — доносил он радиограммой 9 августа 1916 года. — Рабочие и ратники находятся в крайне бедственном положении, болеют, заражены паразитами вследствие отсутствия теплых одеял, шапок, брюк, рукавиц, набитых матрацев, подушек, недостатка сапог, теплых дождевиков, кипяtilьников. При холодном северном ветре и дожде ходят полуголые, спят в мокрой одежде в холодном трюме и палатках».

В Иоканге находилось около 500 вольнонаемных рабочих и ратников морского ополчения. В сообщении от 11 августа 1916 года Л. М. Иоэльсон пишет, что им «вместо расчета выдаются мелкие авансы, заработок рассеивается и никто не знает, сколько ему следует получить... Острое недовольство условиями работы началось забастовками 1—5 июля с. г. и в настоящее время выражается почти в ежедневных частичных и общих перерывах работы на 2—3 часа с вызовом производителей работ для изложения претензий... Недовольство и ропот приняли одно время такой обостренный характер, что вызвали необходимость прибегнуть к содействию властей стоявших в то время на Иокангском рейде военных судов».

Только 22 сентября 1916 года, в разгар штормов и снежных метелей, в Иокангу прибыл пароход «Синеус» с теплой одеждой и продовольствием. Экипаж «Синеуса» при этом рисковал жизнью: германские подводные лодки с 11 сентября по 1 октября потопили у берегов Мурмана, главным образом близ острова Кильдин, 31 судно. Иокангская стройка была вполне обеспечена ржаной мукой и овсом, но испытывала острый недостаток мяса и масла. Существенную помощь в снабжении строителей мясом оказали ловозерские коми. 23 сентября 1916 года Иван Артеев доставил в Иокангу 22 оленьих туши весом 78 пудов 30 фунтов, 7 октября — еще 18 туш весом 77 пудов 26 фунтов и 2 ноября — 110 туш весом 194 с половиной пуда общей стоимостью 3158 рублей 9 копеек. Как извещал начальник Иокангской базы инженер

П. Н. Павлов, оленина, проданная по 9 рублей за пуд, «оказалась свежей, вполне доброкачественной».

В обстановке войны и ведомственной неразберихи на стройках и пароходах процветало воровство и надувательство рабочих. Осенью в Иоканге произошло несколько забастовок. 2 октября 1916 года Л. М. Иоэльсон доносил: «Рабочим на словах повышается плата, а затем по табелям, без всякого извещения и без занесения в заработные книжки, проводится низшая... Один и тот же взятый в кладовой предмет заносится в книжки два, а иногда и три раза, вследствие чего в конце месяца у рабочих оказывается не заработок, а «перебор». Продаются рабочим предметы обмундирования часто совершенно негодные для носки — сапоги и пиджаки, которые расползаются через два-три дня... Уплата заработка за июль производится в сентябре, а за август в октябре, и то не полностью по табелям, а приближенно по платежным ведомостям... При крайнем недостатке сапог прислана большая партия чуть ли не детского размера, а затем партия ношенной обуви, совершенно не могущей быть использованной при местных условиях... Все изложенное вызывает острое недовольство рабочих и брожение между ними, усугубляемое оторванностью от родины, тяжелыми условиями работы и отсутствием религиозного утешения, и часто переходит в открытое возмущение с полным прекращением работ».

Лазарет был переполнен больными. Около 100 человек жили в бараках, остальные в палатках и холодном трюме корабля. 8 ноября Л. М. Иоэльсон телеграфировал своему начальству: «Недостает необходимейших продуктов: гороху, капусты, моркови, свеклы, сахару, белой муки, молока. Рабочие не рассчитаны за сентябрь... Настроение служащих и рабочих подавленное. Отношение с Базой сильно обострено на почве питания и помещений».

Вскоре большинство вольнонаемных, у которых срок контракта истек, отправили в Архангельск, а 133 ратника вывезли в Романов-на-Мурмане. На зиму в Иоканге осталось 80 рабочих и служащих, а также небольшой технический и медицинский персонал.

К 28 ноября 1916 года в Иоканге были построены следующие объекты: на базе — 4 жилых здания постоянного типа общей площадью 1138 квадратных метров (12,3 процента плана), 2 постоянных склада и 28 временных сооружений (5 бревенчатых и 3 земляных барака, дощатые лазарет, дезинфекционный барак, баня, конюшня, кузница, столярная мастерская, хлебопекарня, 4 кухни, кладовые, отхожие места), проложена дорога длиной полтора километра от базы к плавучей пристани; на центральной телеграфной станции — постоянное здание площадью 130 квадратных метров («Английский дом») и 2 радиомачты высотой 75 метров. Достаточно прочными и долговременными были признаны только

шесть зданий базы — те самые бараки, которые стали в годы интервенции и контрреволюции печально знаменитой Иокангской каторжной тюрьмой, где томились и гибли лучшие люди Севера, борцы за Советскую власть.

В декабре 1916 года персонал, оставленный в Иоканге, во главе с инженером П. П. Лустом закончил оборудование радиостанции мощностью 10 киловатт и продолжал строительство базы. В январе 1917 года Иокангу посетил начальник I отряда дивизии траления Флотилии Северного Ледовитого океана, который в донесении командующему сообщал: «Бараки в Иоканге построены так, что жить в них зимой — величайший подвиг. Стены пробиваются ветром насквозь, и снег попадает на койки... В лазарете при всех стараниях температура не поднимается выше 3°».

...Война сильно изменила облик Мурмана. Прокладка железной дороги, сооружение Мурманского порта, двух военно-морских баз и военных укреплений, развитие службы связи и постов наблюдения привели к возникновению в крае значительного контингента рабочего класса — строителей, железнодорожников, грузчиков, технического персонала. Пришлый люд по численности превосходил местное население и играл в общественной жизни главную роль. К февралю 1917 года в Романове-на-Мурмане находилось не менее 12,5 тысячи человек, в том числе до 4,5 тысячи солдат и ратников морского ополчения, которых использовали преимущественно в качестве рабочих. Кроме того, на боевых кораблях Мурманского отряда Флотилии Северного Ледовитого океана служило около 3 тысяч моряков, среди которых находилось немало революционно настроенных людей.

Царизм при поддержке реакционной буржуазии подавил революцию 1905—1907 годов, но остались причины, породившие ее. Затянувшаяся мировая война до крайности обострила социальные противоречия в России. Партия большевиков развернула революционную работу в массах. В конце февраля 1917 года рабочие и солдаты свергли ненавистное народу царское самодержавие. 2 марта Николай II отрекся от престола. Два дня местные власти на Мурмане скрывали от населения телеграммы о событиях в Петрограде. Как только известие о победе революции проникло в народ, все население Романова-на-Мурмане вышло на улицы и радостно приветствовало падение царизма. Всюду стали возникать демократические организации — Советы, революционные комитеты, профессиональные союзы и т. п.

В России после Февральской революции сложилось двоевластие: наряду с буржуазным Временным правительством действовал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

На Мурмане власть Временного правительства осуществляло военное командование. Но рабочие и матросы сами ввели ряд мер

по облегчению положения трудящихся (8-часовой рабочий день, отпуск продовольствия). Представители Мурманского Совета рабочих и солдатских депутатов, избранного 4—7 марта, совместно с Межведомственной комиссией выработали «Положение об улучшении быта рабочих как вольнонаемных, так и военных команд, а также ратников армии и флота», которое устанавливало единые и обязательные для всех ведомств и учреждений Мурмана нормы выдачи продуктов и предметов первой необходимости, твердые цены на них и размер заработной платы для всех категорий работающих.

Весть о свержении царя удивительно быстро проникла в самые глухие места Лапландии. Трудовое население с нетерпением ждало перемен к лучшему и прежде всего — прекращения войны. В погостах ощущался острый недостаток сельскохозяйственных продуктов и промышленных изделий. Поступали сведения об «анархии» в некоторых селениях. Распоряжения властей не выполнялись. Колонисты Териберки и Гаврилова разделили имущество кулаков и купцов.

Материальное снабжение населения Мурмана все более ухудшалось. Малопригодные для жилья бараки Мурманстройки были переполнены больными. Многие не имели необходимой одежды и обуви. Рабочие голодали. Из 10 755 человек на работу выходило не более трети. Сообщая об этом, местный корреспондент в статье «Мурманские ужасы», помещенной в газете «Известия Архангельского Совета» за 14 октября 1917 года, писал: «Рабочие озлоблены... целыми толпами вваливаются в помещение Совета рабочих и солдатских депутатов и просят помощи».

Среди рабочих и военнослужащих вращались и вели пропаганду большевики: на железной дороге (Кандалакшский участок) — Николай Дмитриевич Курасов, на Мурмане в службе связи — Владимир Федорович Полухин, в Иоканге — Степан Леонтьевич Самохин и другие.

На Кольском Севере, как и в остальной России, зрели условия для социалистической революции.

часть

22

ВОЛОСТЬ И РАЙОН

В 1917 году на территории нынешнего Ловозерского района находилось всего несколько населенных пунктов: Ловозеро, Семиостровье, погосты Лявозеро и Воронье. Проживало в них 707 человек: 167 саамов, 493 коми и 47 представителей других народов, в основном ненцев, финнов и карелов.

Огромные безлюдные расстояния отделяли от внешнего мира тундровые селения. От Ловозера до Мурманска — 180 километров сопок и болот, от села Воронье — более 230, от Семиостровья — свыше 300 километров! Ближайший телеграф — на железнодорожной станции Пулозеро, в 92 километрах. Единственное учреждение в Ловозере — метеостанция, действовавшая с 1899 года.

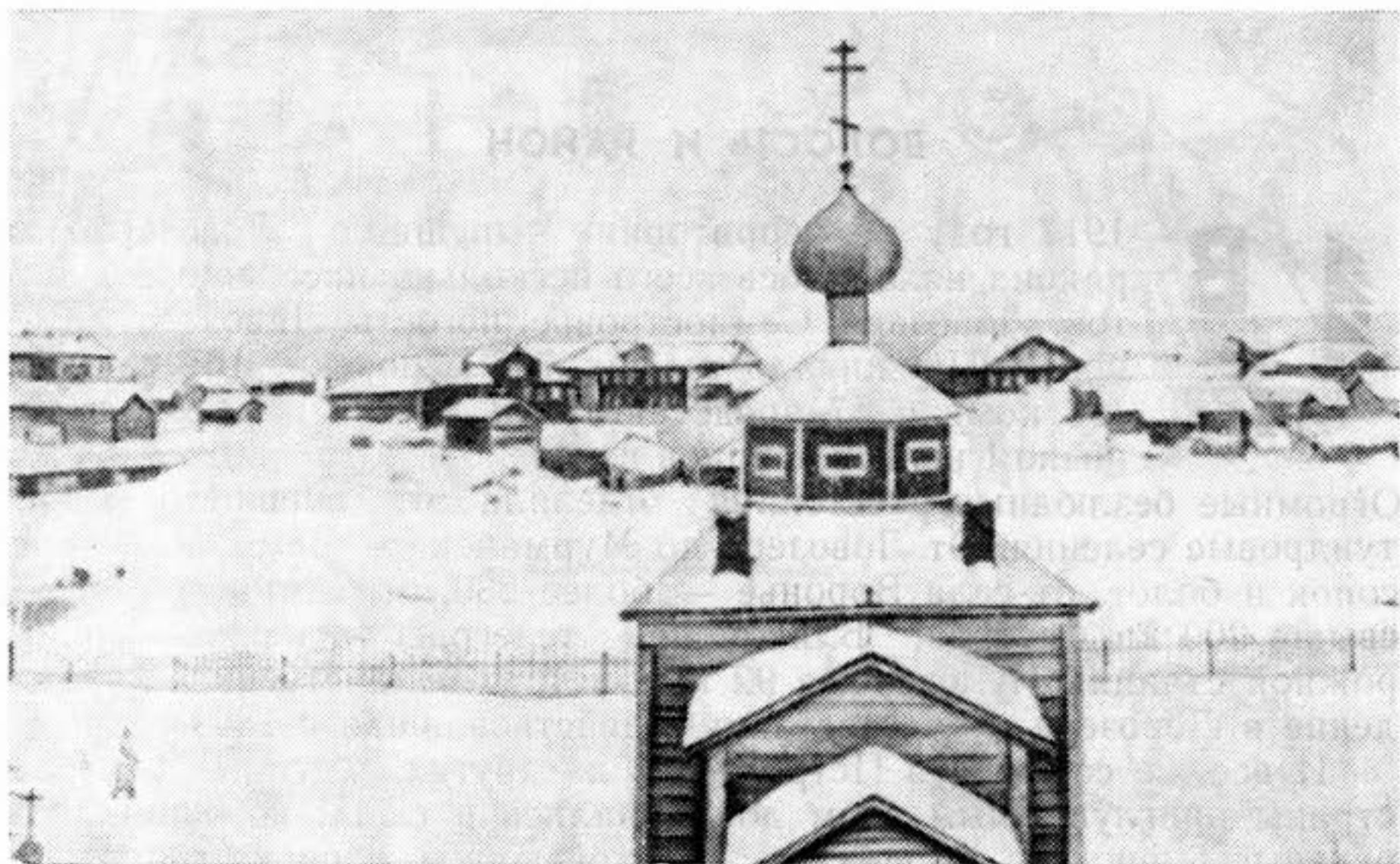
И все же события в Петрограде и других крупных центрах страны приглушенным эхом докатывались и сюда: возвращались раненые с фронтов империалистической войны, изредка с оказией кому-то привозили письмо, то у одного, то у другого жителя появлялась большой давности газета.

Февральскую весть 1917 года о том, что царя сбросили, и сообщение об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде жители тундры встретили по-разному. Местные богатеи, ловозерский священник да церковный староста — настороженно и выжидательно: портрет Николая в приходской школе они то снимали, то снова выставляли на прежнем месте. Бедняки — саамы, коми, ненцы — с волнением и надеждой: добрые перемены не могли обойти их стороной.

Вскоре на одной из низких, покосившихся изб, из которых сплошь состояло селение на правом берегу речушки Вирма, затрепетал на ветру кусок кумача. Здесь разместился первый в Ловозерской тундре местный Совет, орган новой власти. Возглавил его молодой тогда человек, прилежный пастух, отзывчивый на чужое горе, Семен Макарович Рочев, по национальности коми. Он хорошо понимал нужды земляков: батрачил с ранних лет — пас чужие стада, выделывал оленьи шкуры; многому научила служба в царской армии.

Не удалось отыскать в архивах решений первого Ловозерского Совета. Затерялись где-то или совсем пропали клочки бумаги с неровными карандашными записями. Но старожилы вспоминали, как дружно взялся Совет за работу, пытаясь изменить устоявшийся нескладный быт пастухов.

Многое из задуманного осталось в мечтах и планах: началась

оккупация Мурмана интервентами. Ловозерский Совет был разогнан. Самозванные хозяева заставляли оленеводов отрабатывать гужевую повинность, сдавать им мясо и рыбу, реквизировали оленей и упряжь «для военных надобностей». Подчиняясь насилию, жители тундры несли свой тяжкий крест, но когда в середине 1919 года интервенты и их пособники вознамерились создать так называемое «национальное ополчение», тут пастухи — коми, саамы и ненцы — проявили полное единодушие: с поредевшими стадами так далеко ушли в тундру, что ни одному вербовщику до них было не добраться.

Жители тундры радостно встретили изгнание интервентов и белогвардейцев с Севера. Снова заалел кумач над далеким Ловозером. В новый состав Совета вошли самые уважаемые люди: оленевод Филипп Архипович Рочев, работница метеостанции Павла Никифоровна Чупрова и другие. Теперь уже никакие бури и ураганы не могли сбить людей с открывшейся перед ними прямой дороги к новой жизни. Но трудностей ожидало их немало.

4 марта 1920 года выделилась из Кольско-Лопарской самостоятельная Ловозерская волость с центром в Ловозере, как подчеркивалось в решении Мурманского Совета, «для более целесообразного

внутреннего самоуправления». В обращении исполкома Мурманского Совета к жителям волости говорилось: «Находя действительную необходимость вашего, товарищи, выделения, мы просим вас эти принципы (автономии. — *Авт.*) возможно полнее провести в жизнь. И тогда мы действительно встанем... безраздельно все под Красное знамя труда, где все представляют собой одну коммуны, одну ячейку, одно общество, именуемое человечеством». На заседании Совета присутствовали и ходоки из Ловозера: Михаил Ануфриев, Василий Канев, Михаил Распутин и Петр Терентьев.

Что собой представляла волость в том далеком 1920 году? Огромная территория в 25 тысяч квадратных километров. Больше многих европейских государств. И всего несколько более или менее обжитых уголков. Вот они, отмеченные в «Списке населенных мест Архангельской губернии»:

Селения	Дворов	Мужчин	Женщин	Всего жителей, чел.
Ловозеро	71	206	289	495
Семиостровье	29	46	40	86
Вороненский погост	19	47	49	96
Лявозерский погост	16	16	14	30
Всего...	135	315	392	707

Состав населения отличался неоднородностью. Почти 70 хозяйств составляли коми: Ануфриевы, Артиевы, Вокуевы, Рочевы, Терентьевы, Филипповы и другие. Саамских хозяйств насчитывалось 41, фамилий — около полутора десятков. Наиболее распространенными были: Антоновы, Гавриловы, Галкины, Герасимовы, Даниловы, Захаровы, Кобелевы, Кайковы, Матрехины, Селивановы, Собакины, Сорвановы, Фефеловы, Юрьевы, Яковлевы. Ненцы представляли 24 хозяйства, 8 фамилий: Хатанзеи, Маягины, Выучей*, Явтысые, Ванюта, Ванеевы, Ноготысьевы, Хочейковы. Многие из ненцев имели оленей, в то время как почти все коми и саамы владели ими.

Экономика волости была очень слабой. Основную ее отрасль — оленеводство подорвали империалистическая война и интервенция. Многие пастухи погибли на фронтах. К упадку оленеводство привели также реквизиции, тяжелые работы по найму на транспортных животных в районе железной дороги, где не имелось в достатке ягеля. К тому же в тундре развелось огромное количество волков. Из 94-тысячного стада, насчитывавшегося на полуостро-

* Позднее фамилия стала произноситься иначе: Выучейские.

ве в 1915 году, к 1920 году осталось только 37 600 оленей. В следующем году число животных снизилось до 31 075, а в 1922-м — до 27 968.

В июле 1921 года образовался Ловозерский волостной исполнительный комитет (волком), председателем его избрали комсомольца — коми Филиппа Архиповича Рочева. Затем волком обновлялся ежегодно. Руководили им Василий Михайлович Канев, Василий Кононович Вокуев, Владимир Александрович Шарупич.

Помещения своего долгое время у волкома не было, и он арендовал комнату в жилом доме кого-нибудь из жителей. Кому пустить на постой волком — решалось на общем собрании. Последнее его частное месторасположение — у семьи Ильи Степановича Филиппова. Когда освободился уголок в школе, волостной исполнительный комитет переехал в казенное помещение.

Волком собирался почти ежедневно. Трудно даже в общих чертах назвать вопросы, которые не рассматривались бы им. Все, что хоть в малейшей мере касалось жизни и быта оленеводов, становилось важным и для волостного комитета.

Многие принятые им решения носили весьма принципиальный характер.

Как-то направили из Мурманска в Ловозеро для укрепления кадров «проверенного» товарища. Свою деятельность на новом месте тот начал с окриков. В волкоме сошлись на таком решении: «Не принять на место назначенной ему должности... ввиду пылкого характера».

На чердаке старой школы обнаружили много церковных книг. Горячие головы предлагали сжечь их и таким образом уничтожить религиозный дурман. В волкоме поступили иначе: книги продали местной церкви, а на вырученные деньги купили учебники для школы.

Каждое лето в 1924—1927 годах в волости бушевали лесные пожары. Иногда они подбирались к самому селу, угрожая строениям. Волком в такие времена работал чуть ли не круглосуточно: в районы стихийного бедствия направлялись люди, заслушивались нарочные о положении дел. После ликвидации пожаров волком обращался в Мурманск с просьбой отметить отличившихся.

Ловозерский волостной комитет некоторое время являлся единственным органом Советской власти в тундре. Вскоре стали создаваться другие, подчиненные ему Советы. 24 января 1924 года образовался Ловозерский сельский Совет, как он тогда назывался — рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов. Затем стали действовать Вороненский, Семиостровский и другие Советы. Связь с ними осуществлялась через посыльных, пешим ходом. А с апреля по ноябрь вообще прекращалась из-за бездорожья.

Хватало и других трудностей. Сохранялся еще кочевой образ жизни, и летом в Воронье и Семиостровье никого из жителей не оказывалось. Сельсоветы в этих селениях, чтобы не отстать от жизни, тоже становились кочующими. Волком рассматривал вопросы о выделении их работникам специальной одежды — малиц, совиков, тобурок.

Преобразования в тундре невозможно было начать, не связав Ловозеро с административным и другими центрами края. Пока же единственная дорога из Пулозера в центр Лапландии представляла собой пешеходную тропу. Она петляла по сопкам, терялась в болотах и на берегах бесчисленных рек и речушек. Если зимой по насту да по льду на оленях люди относительно уверенно добирались до «железки», то летом пешеходы тратили в пути несколько суток. Любопытные свидетельства того, как шли в Ловозеро, оставили нам многие путешественники тех лет.

В 1924 году молодой ленинградский этнограф Елена Орлова проделала путь из Пулозера в Ловозеро и обратно. На привалах она записывала: «...часто попадались ручьи, которые мы переходили или по камням, или по жердочкам, ручьи горные, быстрые. Попался широкий, сажений в пять, ручей Жемчужный, через который не лежало никаких жердей, а глубина была большая и течение страшно быстрое...».

Писателю В. В. Лебедеву, автору книги «К северным народам», путешествие по этому же маршруту и тем же способом запомнилось не менее остро: «Иногда жердь сворачивала в сторону. Мне надо было прыгать через болото, тонуть среди кочек. Иногда жерди пропадали, начиналось пустое место, и я едва догадывался, где идет дорожка». Но Всеволод Владимирович не терял оптимизма и выражал уверенность, что пулозерский тракт в будущем сыграет огромную роль в жизни Лапландии, соединит лопарей и ижемцев со станцией железной дороги.

Вот таким почти стокилометровым путем приходилось добираться в Пулозеро по служебным и собственным делам. Приезжим давали проводников, так как немудрено было заблудиться. Иные из них корыстно пользовались знанием местности и драли с путешественников «три шкуры». Некий Дмитрий Кобелев за одну проводку выторговал как-то 16 с половиной аршин материи, что равнялось в то время стоимости не одного пуда муки.

Когда в 1925 году Мурманской губернии впервые отпустили на дорожное строительство средства, 18 тысяч рублей губисполком направил на строительство дороги Пулозеро—Ловозеро. Ее быстро спроектировали, спрямили на картах извилистые тропы, и работа закипела. Сначала соорудили накатник, берега рек и ручьев соединили мостками. Затем начали отсыпку полотна. Дружно помогали ловозерцы: на оленях подвозили лес, песок, камни, про-

кладывали вдоль поднимавшейся над болотами насыпи глубокие канавы.

Мурманский губплан, исполком изучали возможности восстановления и развития оленеводства, привлекая для разработки конкретных решений и самих жителей тундры, и видных специалистов того времени. С обстоятельным докладом на одном из заседаний губисполкома выступил мурманский краевед В. К. Алымов. Он убедительно доказывал, что эта отрасль экономики весьма перспективна, что существующие на Кольском полуострове ягельники, если их равномерно и рационально использовать, способны прокормить не 20—30 тысяч оленей, а во много раз больше.

В поисках новых пастбищ в 1924 году ненец Митрофан Максимович Выучей, коми Петр Иванович Терентьев, Федор Ефимович Филиппов отправились к берегам Поноя, самой длинной и полноводной реки Кольского полуострова. Они не раз пасли стада богачей в тех местах и видели нетронутые ягельные места. Решили основать там новое селение. В среднем течении Поноя, на левом его берегу, поставили первую избу. Вскоре к ним присоединились Яков Ионикиевич Рочев, Демьян Григорьевич Терентьев, Серапион Константинович Филиппов, потом еще несколько батраков и малооленных пастухов, которые собрали все пожитки, чтобы купить оленей и поселиться на новом месте. Первой коренной жительницей Красной Щели (позднее — Краснощелье) стала Настя Терентьева, дочь Петра Ивановича, родившаяся здесь.

Еще раньше, в 1917 году, ушли вниз по Поною из зимней Каменки и Варзино оленеводы Артиевы — Иван Григорьевич и Иван Иванович. За ними потянулись Александр Иванович, Викентий Иванович и Петр Иванович Артиевы и на скалистом островке Чальмн-Варр, который по весне глубоко заливали талые воды, близ устья реки Кинемур начали ставить избы. Переселенцев привлекали широкие тундровые просторы, привольные пастбища для оленей, обилие рыбы в реках и озерах. По фамилиям и именам основателей селение долгое время называли то Артиевкой, то Ивановкой, и только с 1932 года за ним закрепилось название Чальмны-Варрэ, что в переводе с саамского означает «глаза леса», или, в более широком смысле, — «красивый бор». В переписи 1920 года селение еще не числилось. Артиевы считались жителями Каменки и Варзино.

В окрестностях Краснощелья в 20-е годы появились еще два крохотных населенных пункта: в 17 километрах северо-восточнее, на берегу озера — Макаровка и в трех километрах, на левом берегу Поноя — Оксина. Там обосновались несколько семей ижемцев.

Новые селения многое значили. Осваивались глубинные районы Кольского полуострова. Вовлекались в хозяйственный оборот

новые пастбищные территории, реки и озера. Выгадывали и сами переселенцы: семьи их жили независимо, все добытое полностью оставляли у себя.

В 1926 году в Ловозере для ведения традиционной отрасли на научной основе открыли первый в стране оленеводческий ветеринарно-зоотехнический опорный пункт. На первых порах штат учреждения состоял всего из двух человек: ветеринарного врача А. Д. Головина и зоотехника И. В. Друри. Но и вдвоем они делали немало: изучали и рекомендовали пастухам лучшие ягельники, помогали бороться с болезнями животных и особенно с насекомыми, которые становились страшным бичом оленей в летнее время.

Губисполком внимательно следил за деятельностью опорного пункта, заслушивал его отчеты и сообщения.

Укреплению и развитию оленеводства способствовало действовавшее в волости с 1926 года кредитное товарищество. В сфере его влияния находилось большинство домохозяйств оленеводов и рыбаков. Кредит оказывался в основном в денежной форме. Размер ссуд колебался от 20 до 500 рублей на срок от трех месяцев до трех лет. Выдавались и более крупные суммы. Например, первые пайщики Ф. С. Артиев, В. М. Канев, А. М. Панов, С. М. Рочев получили по 1000 рублей. Располагало кредитное товарищество и специальным фондом бедноты, где ссуды предоставлялись с пониженным процентом.

Ежегодно забивалось немало животных, но шкуры использовались не все. Решили восстановить замшевый завод. Он начал работать в 1925 году, принадлежал местному кооперативу, занимал большое деревянное здание в центре Ловозера. Помещение состояло из четырех цехов-комнат. Первая, неотопливаемая, — кожемяльня, механизмы здесь приводились в движение конной тягой. Во второй комнате размещалось дубильное отделение с большими чанами; третья служила для очистки размоченных кож и для их просушки; четвертую приспособили рабочие (их было восемь человек) для отдыха.

В 20-е годы заводом руководил Михаил Васильевич Ануфриев, заместителем у него стал Сергей Алексеевич Канев, мастером — Петр Ефимович Филиппов, рабочими были Диомид Петрович Филиппов, Федор Семенович Артиев, Герасим Степанович Коргин, Петр Филиппович Терентьев.

Действовал завод только зимой. В 1925 году здесь переработали 2500 шкур, в следующем — 2274, в 1927-м — 2627, в 1928-м — около 5000. Окраска и окончательная отделка шкур не выполнялись, замша-полуфабрикат направлялась на завод «Красный Октябрь» в Тверь (нынешний город Калинин).

Заинтересованность пастухов в росте производства оленины увеличилась после того, как в 1927 году начался ее экспорт. Уже в 1928 году хозяйства Кольского полуострова, в том числе и ловозерские, отправили в Норвегию 12315 килограммов мяса. В 1929 году вывезли 57330 килограммов. Экспортная продукция шла и в Данию. В норвежские города Вардё, Вадсё дары кольской тундры доставлял пароход «Николай Книпович», позднее для этой цели зафрахтовали пароход торгового флота «Азимут».

Использование новых пастбищ, государственная помощь пастухам, повышение их заинтересованности в увеличении производства мяса, рациональное использование всей продукции — эти и другие меры не только остановили сокращение поголовья оленей на Кольском полуострове и в Ловозерской тундре, — стада быстро увеличивались. К концу 20-х годов на Мурмане насчитывалось уже около 50 тысяч животных.

Таким образом, главную экономическую задачу, которая стояла на этом этапе, — укрепить и развить оленеводство — выполнили. Традиционное занятие кочевых жителей становилось важным хозяйственным делом, а труд пастуха — почетным и уважаемым. Об этом свидетельствуют и традиционные праздники оленеводов в Ловозере и Мурманске. «Лопарское население, — писал в 1928 году об одном таком массовом гулянье журнал «Карело-Мурманский край», — приехало как на парад: олени в праздничной сбруе, люди в праздничных одеждах — целыми семьями». Пастухи соревновались в ловкости управления упряжкой. Дистанция — 2700 метров — проходила по улицам Мурманска. Победителям торжественно вручали призы: за первое и второе места — пятизарядные винтовки и по 100 патронов к каждой, за третье — никелированный самовар, зеркало и кусок туалетного мыла.

В пейзаж тундры все отчетливее вписывалась, превращаясь из пешеходной тропы, дорога Пулозеро—Ловозеро. Прорубили просеку длиной 87,5 километра и шириной 3—4 метра, выкорчевали на ней пни, положили из жердей или тонких бревен настилы на болотах и топких местах, общая протяженность которых составила 13 километров. Берега рек и речушек соединили пешеходными переправами на козлах. Построили четыре рубленых избушки с нарами, где могли заночевать сразу несколько человек. Избушки поставили примерно на одинаковом расстоянии одна от другой: первая стояла в 17 километрах от Пулозера, вторая — в 40, третья — в 33 километрах от Ловозера и последняя — в 15 километрах.

15—23 октября 1925 года дорогу приняли в эксплуатацию. Документ об этом подписали заведующий Мурманским коммунальным отделом П. Ф. Моисеев, производитель работ Ленинградского окружного управления местного транспорта А. Е. Назаренко

и председатель Ловозерского волисполкома В. А. Шарупич.

Дорога была еще далека от совершенства. Но зимой по ней лихо мчались олени упряжки, а летом путнику не грозила опасность на каждом шагу провалиться в болото. Отпадала надобность в проводниках. Люди могли отдохнуть и переночевать под крышей. Движение в обе стороны теперь осуществлялось круглый год.

Во всех добрых делах и переменах первыми шли, показывая пример жителям тундры, коммунисты и комсомольцы, убежденные сторонники и активные проводники новой жизни.

Первая партиячейка образовалась в Ловозере в 1924 году.

Документы, к сожалению, не сохранили имен первых ловозерских коммунистов, но фамилия руководителя и организатора ячейки известна — избач Андрей Иванович Михайлов.

Летом 1925 года ячейка насчитывала 2 члена ВКП(б) и 3 кандидата. 17 ноября 1927 года состоялось первое районное партийное собрание. Этот день и следует считать датой рождения Ловозерской районной партийной организации.

В следующем году партийная организация значительно пополнилась. В ее состав входили члены и кандидаты в члены партии Михаил Александрович Забродин, Георгий Степанович Пономарев, Алексей Петрович Травин, Николай Сергеевич Шилин, Павла Никифоровна Чупрова и другие. Не было ни одного более или менее важного события или дела, на которое не откликнулись бы коммунисты. Они заслушивали отчеты руководителей, проводили большую разъяснительную работу, боролись за дисциплину и организованность.

Руководил ячейкой в те годы Яков Иванович Абуев.

Комсомольская ячейка заявила о своем существовании осенью того же, 1924 года. Сохранился протокол первого собрания от 2 декабря. Присутствовали 4 человека: трое комсомольцев — учительница Софья Редрухина, милиционер Михаил Трифонов и Александр Чернышев (должность неизвестна) и один кандидат в члены партии — фельдшер Сергей Окатов. Секретарем избрали Александра Чернышева. К началу 1925 года в ряды ВЛКСМ вступили секретарь волисполкома Петр Хлопотов, лесник Василий Рязанов, работник кооператива Сергей Заборщиков. Приходили в молодежный союз дети оленеводов, охотников и рыбаков. Комсомольцами стали Василий и Сергей Артиевы, Михаил и Филипп Терентьевы. Среди девушек первыми получили комсомольские билеты Домна Будылева, Меланья Заборщикова, Анастасия Чупрова; возглавлял районный комсомол Николай Александрович Начинков.

Перемены и в народном образовании начались с первых лет Советской власти на Мурмане. Созданный при Мурманском Сове-

те отдел Наркомнаца* повсюду на Кольском Севере открывал школы и медпункты, направлял в отдаленные селения учителей, избачей, фельдшеров.

Социалистические преобразования были невозможны без ликвидации неграмотности и малограмотности жителей тундры, их религиозности. Многие по-прежнему жили в тупах, вежах, питались только рыбой, олениной и дичью, лечились у знахарей. Селения оставались отрезанными одно от другого, жители — разрозненными расстояниями, национальными предрассудками, языковым барьером. Ловозерцы говорили на саамском, коми, ненецком, русском и других языках. Многие вели кочевой образ жизни. На II Чрезвычайном съезде Советов Мурманского уезда отмечалось, что неграмотных в уезде около 80 процентов, а среди национальных меньшинств — еще больше.

Еще в 1920 году в Ловозеро приехал учитель Петр Алексеевич Красовский. Днем занимался с ребятами в школе второй ступени, вечером учил грамоте их родителей.

«В погост Каменка приезжает матрос — первая ласточка, принесшая зачатки грамоты, — писала «Полярная правда» 23 июля 1921 года. — Стал учить детей и взрослых, организовал школу, для которой сам сделал парты, доску, деревянные кубики — азбуку». Это был Иван Иванович Артиев, коми по национальности. Он родился в Усть-Цильме в 1880 году, с восемнадцати лет жил на Севере, затем служил на крейсере «Минин» Балтийского флота. Выкраивал минуты свободного времени для учебы в воскресной школе. За участие в Кронштадтском восстании 1905 года три года провел в тюрьме, а потом еще несколько лет в ссылке. В Каневку Артиев приехал много повидавшим и пережившим человеком. В одном помещении, которое предоставил под класс оленевод Василий Федорович Данилов, учил детей саамов, коми, ненцев**.

Эти первые учебные заведения работали всего четыре—пять месяцев в году, пока люди оставались в зимних погостах; весной они уезжали в тундру и занятия прекращались. Многие учителя, стараясь не прерывать учебный процесс, тоже кочевали по тундре. Так появились школы-передвижки и такие же пункты ликвидации неграмотности. Они действовали вплоть до перехода всех жителей тундры на оседлый образ жизни.

Наиболее крупной из стационарных школ являлась Ловозерская. Помещение состояло из двух больших светлых комнат, в которых занимались 69 ребят. Занятия вели учительницы С. В. Мар-

* Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР.

** И. И. Артиев позднее работал председателем Каменского сельского Совета. Умер в 1940 году. У него было 11 детей. Дочь Мария и сын Григорий живут в Ловозере. Они сохранили и передали в местный музей документ об открытии Каменской школы 17 февраля 1921 года и список ее первых учеников.

тынова и А. А. Пьянкова. «Большая часть учеников — ижемцы, меньшая — лопари, — писал посетивший школу в 1928 году врач Ф. Г. Иванов-Дятлов. — Ижемцы, по словам учительницы, юрки и энергичны, лопари застенчивы, малоподвижны... сидят обособленно... Уроки идут с девяти с половиной до четырех часов вечера с часовым перерывом на обед. В школе из-за отсутствия часов перемены делаются по усмотрению учащихся, когда они заметят, что дети к занятиям менее внимательны».

В это время в Ивановской школе занимались уже 24 ученика, в Краснощелье — почти столько же.

Центрами борьбы с неграмотностью среди взрослых стали избы-читальни. Первая из них открылась в Ловозере еще в 1920 году. Руководил ею Андрей Иванович Михайлов*, затем Михаил Александрович Забродин, одновременно возглавивший комсомольскую организацию. Более четырех десятилетий спустя он вспоминал те дни: «В избе-читальне мы делали все, чтобы к нам приходила прежде всего молодежь. Вслух громко читали газеты и книги, энергично обсуждали прочитанное, спорили до хрипоты. Говорили о XIV съезде партии, о зарождении фашизма в Италии, о забастовке английских горняков. С пеной у рта доказывали, что бога нет, а религия — опиум для народа. Потом стали разучивать и ставить спектакли. Высмеивали капиталистов, буржуев и других классовых врагов. Была у нас и волшебная лампа, мы показывали диафильмы. Многие юноши и девушки прочитывали у нас первые в жизни слова...».

Организаторами ликбеза среди домохозяек и других категорий населения были женсоветы. С 1926 года готовились кадры учителей из местных жителей в Ленинграде: на рабфаках государственного университета, Института живых восточных языков, Северного факультета Ленинградского восточного института.

Результаты этой настойчивой и напряженной работы не могли не сказаться. К концу 1927 года грамотность среди жителей волости составляла уже 25,7 процента (33,1 процента среди мужчин и 18,3 процента — среди женщин). Самой высокой она была у коми — 45 процентов, меньше у ненцев — 29 процентов и самой низкой у саамов — 3,1 процента. Медленно приобщались к грамоте женщины. Очень немногие из них умели читать и писать. Помехой оставался тот же кочевой образ жизни — только 23 процента жителей волости имели постоянное жилье**.

Крепко потеснила знахарей медицина.

Первый медпункт открылся в Ловозере в 1922 году. При нем

* Впоследствии — секретарь Ловозерского районного комитета партии.

** См.: *Похозяйственная перепись Приполярного Севера 1926—1927 гг.* М., 1929.

организовали стационар, стали проводить упорядоченные медицинские обследования населения. Состояние заболеваемости на территории волости и меры борьбы с болезнями в качестве первоочередных проблем рассматривались в губернском исполкоме. Вскоре в Ловозере построили больницу на 12 коек с приемным покоем, операционной, родильным отделением, амбулаторией. Назвали ее именем 10-й годовщины Российского Общества Красного Креста.

Еще свирепствовали эпидемии гриппа, скарлатины, но они уже не могли принести таких бед, как прежде.

Снижалась смертность жителей тундры. Возрастала рождаемость. Среднегодовой естественный прирост населения увеличился с 5—7 человек на 1000 жителей в 1912—1917 годах до 10—11 человек к началу 30-х годов.

К этому времени в 9 населенных пунктах Ловозерской волости проживало уже 1307 человек — 652 мужчины и 655 женщин. Количество жителей по селениям и по национальному составу выглядело так:

Населенные пункты	Хозяйства, кол-во	Жителей, чел.	В том числе			
			саамов	коми	нен- цев	русских
Ловозеро	134	749	205	436	70	37
Воронье	31	145	105	35	4	1
Семнострове	29	139	139	—	—	—
Ивановка	27	113	3	75	19	16
Краснощелье	14	78	—	62	16	—
Каменка	15	58	48	—	10	—
Оксино	2	11	3	8	—	—
Лявозеро	2	8	8	—	—	—
Макаровка	1	6	—	—	6	—
Всего...	265	1307 *	511	616	125	54

* В Мурманской губернии в это время проживало 9617 человек.

Почти половину населения волости составляли коми — 47,1 процента, вторыми по численности шли саамы — 39 процентов, значительно меньше насчитывалось ненцев — 10 процентов и лишь 4 процента — русских. Коми почти все обосновались в Ловозерской волости и только 42 человека — в Понойской, 6 — в Кольско-Лопарской, 3 — в Териберской, 1 — в Терской. Саамы жили довольно разрозненно: в Кольско-Лопарской волости 723 человека (на 212 больше, чем в Ловозерской), в Понойской — 275, в Александровской — 178, в Териберской — 18. Из ненцев несколько человек поселились на Поное, остальные облюбовали Ловозерскую тундру.

Какими же были тундровые селения в это время? К сожалению, выразительных снимков, да еще крупным планом, не сохранилось. Но есть иные свидетельства.

В 1927 году в Ловозере и других местах побывала экспедиция Государственного Русского географического общества. Профессор Д. А. Золотарев, врач Ф. Г. Иванов-Дятлов и молодой этнограф В. В. Чарнолуский оставили нам довольно точные описания почти каждого населенного пункта волости.

Семиостровье они увидели таким: «Маленькие уютные избы и тупы... расположены по обе стороны широкой улицы. Часть построек имеет лишь одну комнату с камельком, без сеней... В избах сравнительно чисто. Почти везде есть деревянная кровать с полом. У состоятельных крашеные полы. На столах клеенки». Жилищные условия показались им здесь намного лучшими, чем во многих центральных губерниях страны. В посемейном списке жителей села этого времени, хранящемся в архиве, мы находим и такую запись: Юрьев Николай Иванович, жена его Евдокия, дети — Анна (1906 года рождения), Елизавета (1907 года рождения), Доминика (1911 года рождения), Василий (1918 года рождения), Николай (1921 года рождения). Это семья, в которой родился и рос будущий Герой Социалистического Труда, первый среди самского народа, Василий Николаевич Юрьев.

О Каменке — тоже зарисовка с натуры: «Удивительно хорош самый погост, расположенный на... отлогом склоне довольно высокой вараки, покрытой лесом. Маленький поселок — 15 дворов, образующих узкую улицу, закрытую с одного конца поперек поставленной избой».

В Ивановке их поразили громадные светлые постройки северного русского типа, скотные дворы с водогрейками и полом, бани, которых не имели саамы, молочный скот, овощи с собственных огородов. У местного учителя И. И. Рочева увидели они на столе газеты и журналы «Огонек».

Лявозеро (в 65 километрах от Ловозера) представляло собой всего три избы. В одной из них участники экспедиции ночевали. «...Комната отапливалась русской печью с причудливо сложенным устьем. Во второй комнате был обычный у лопарей камелек в углу».

И, конечно, не обошли они вниманием волостной центр — Ловозеро: «Село беспорядочно разбросано по обоим берегам Вирмы. На правом берегу находятся постройки лопарей и самоедов... На этой же стороне школа, кооператив, исполком, изба-читальня, замшевый завод и врачебно-амбулаторный пункт. Постройки расположены в некотором беспорядке, в два ряда разделенные улицей. Дома большей частью обращены друг к другу фасадами...».

Картина почти та же, которую увидел годом раньше врач Н. В. Халапсин, приезжавший в Ловозеро по поручению губздравотдела. Ни улиц, ни дворов, дома не огораживались заборами и стояли далеко один от другого. Но дома коми выделялись солидностью и прочностью. В их семьях он обратил внимание на швейные машинки, самовары, умывальники, индивидуальные полотенца...

Это соседство старого и нового, порой терпимого, часто — неуживчивого, выразила одной короткой фразой побывавшая в Ловозере известная советская писательница и журналистка Зинаида Рихтер: «Старый и новый быт сшиблись лбами, как наскочившие друг на друга олени». Для иллюстрации своей мысли она приводила выразительный пример: ловозерский священник М. И. Распутин получал с граждан мзду как служитель церкви; в исполкоме он регистрировал гражданские браки и ежемесячно расписывался за государственное жалованье; ко всему этому был еще и председателем местного кооператива...

Столкновение старого и нового охватывало все сферы экономики и общественной жизни.

Но по-прежнему главным хозяйственным занятием жителей тундры оставалось оленеводство. В Ловозерской волости было сосредоточено 65 процентов оленей Кольского полуострова — 29 769 голов. Из них коми имели 16 140, саамы — 11 403, ненцы — 2110, русские — 116 оленей. На одно хозяйство в среднем приходилось: у коми — 161, у саамов — 111, у ненцев — 92, у русских — 29 оленей. Ловозерцы в 1927 году владели стадом в 11 800 животных, в том числе коми имели 7500 оленей, саамы — 3200, ненцы — 1000 и другие жители — 100.

Каждое хозяйство волости располагало в среднем 130 домашними животными. Чтобы прожить только оленеводством, следовало владеть большим стадом. Многие же пасли всего 15, 20, 25 оленей, реже — 50, 100. Семейный бюджет пополнялся извозом на железной дороге, лесоразработках, рыбной ловлей, охотой и другими занятиями. Из 134 ловозерских хозяйств 102 были оленеводческими, 13 — рыбацко-олeneводческими, 19 занимались различными промыслами. Рыбы ежегодно добывалось более 3000 пудов (без учета использования для личного потребления), на извозе ловозерцы зарабатывали свыше 30 000 рублей. Там постоянно работали 20—25 саамских семей и 40—45 семей коми.

В 1927 году, в ходе проводившегося в стране районирования, вместо прежней волости образовался Ловозерский район, включавший четыре прежних сельских Совета: Ловозерский, Вороненский, Семиостровский, Ивановский. Сосновка, Поной, Варзуга, Иоканга по-прежнему, как и при волостном делении, относились к другим районам.

Первое заседание исполкома состоялось 10 октября 1927 года. Минувший десятилетний этап в жизни района завершал первый районный съезд Советов, открывшийся 21 января 1928 года. 29 его делегатов, собравшихся со всех самых дальних уголков района, обсуждали пути дальнейшего развития оленеводства, рыболовства и земледелия, утвердили бюджет района, который составил небывалую до того сумму — 23 877 рублей.

Первым председателем райисполкома стал 25-летний комсомолец Михаил Филиппович Терентьев, бывший председатель Ловозерского сельского Совета. В состав исполкома вошли 14 человек, в том числе секретарь партячейки Герасим Иванович Ерин, местные жители — саамы и коми — Павел Васильевич Канев, Василий Васильевич Терентьев, русский Георгий Степанович Пономарев.

За первое десятилетие после Великого Октября многое изменилось в окраинном уголке России. Впервые за всю историю он стал самостоятельной административно-территориальной единицей — сначала волостью, а затем районом.

Советская власть, придя в тундру, позаботилась о главном хозяйственном занятии ее жителей. Дала им основы грамоты, открыв новый мир. Начала строить школы и больницы, прокладывать дороги. Меняла неуютный быт.

Во всех этих добрых делах рядом с жителями тундры были русские люди. Они помогали саамам, коми и ненцам строить жизнь.

Еще больше предстояло сделать.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Развивая ленинский кооперативный план, XV съезд ВКП(б) принял решение о постепенном добровольном объединении и преобразовании мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективные. На Кольском полуострове, как и повсюду в стране, стали возникать промысловые, потребительские и другие общества, товарищества и артели. Малочисленные, порой в пять-шесть крестьянских дворов, экономически слабые, они, как правило, вскоре прекращали свою деятельность.

Тогда же в Ловозерском районе образовались первые совместные оленеводческие товарищества и артели в погосте Каменском и в Ловозере. И они распались, как только пастухи весной выехали в тундру. Каждый стал пасти, как и прежде, свое небольшое стадо.

Первый колхоз в районе — «Оленевод» — организован 10 марта 1929 года в погосте Семиостровье. Для совместного труда объединились 28 семей, в основном саамов. Объединились без принуждения, действительно добровольно, потому что в небольшом, затерянном в тундре селе, отрезанном от крупных центров, люди практически ежедневно трудились сообща, иначе выжить было невозможно. Да и по уровню благосостояния в селе почти никто не выделялся ни в ту, ни в другую сторону.

В Ловозере первую попытку трудиться сообща предприняли 27 марта того же года. На общем собрании избрали бюро учредителей (правление колхоза), в состав которого вошли Г. Д. Канев, М. В. Кириллов, Ф. И. Сорванов, В. В., Ф. П. и Ф. Ф. Терентьевы, А. А. Филиппов и П. Н. Чупрова. Они обратились в Мурманский окружной земельный отдел с просьбой зарегистрировать колхоз, что вскоре и было сделано.

Сохранился протокол общего собрания, председательствовал на котором бедняк Максим Васильевич Кириллов.

Архивы сберегли заявления будущих колхозников, датированные тем же днем. Вот одно из них. П. С. Галкина писала: «Прошу принять меня в ловозерский колхоз «Лопарь». Семья моя из семи человек, из них двое трудоспособных. Оленей имею 100 штук».

Отыскивается и список первых колхозников. В нем более двадцати фамилий: Галкины, Захаровы, Каневы, Кирилловы, Матрехины, Сорвановы, Терентьевы, Филипповы, Хочейковы, Юлины, Юрьевы и другие. Это саамы и коми. Есть и русские: Г. В. Короленко и А. П. Травин.

Колхоз «Лопарь» просуществовал недолго. По весне, выехав в тундру, все опять стали пасти только свои, пусть и крохотные, стада.

10 января 1930 года на базе артели «Опыт», которая существовала с июля предыдущего года, организован колхоз «Тундра»*. Вскоре в нем состояло 58 семей: 10 батрацких, 29 бедняцких и 19 середняцких; 46 из них были семьями коми, 9 — ненецкими, 3 — саамскими; коренные жители тундры — саамы — проявляли большую осторожность, чем их соседи по селу — коми и ненцы. Первыми написали заявления с просьбой принять в колхоз участ-

* Признанная сегодня дата основания «Тундры» — 8 февраля 1930 года — неверна. В архиве есть протокол общего колхозного собрания, помеченный этим днем, но он — третий по счету. Вопросы в этот день решались не организационные, а обычные, повседневные: о производственном плане, смете расходов, приеме новых членов. Имеется протокол № 2 от 29 января. И на этом собрании говорили о текущих делах. Собрание, на котором жители села проголосовали за колхоз и приняли его Устав, состоялось 10 января 1930 года и помечено протоколом № 1. (См.: Кировский филиал ГАМО, ф. 137, оп. 1, д. 1, л. 1—2).

ник первой мировой войны Сергей Евпсихиевич Артиев, Анна Ивановна и Иван Семенович Рочевы, Константин Александрович Сорванов, Иван Андреевич и Филипп Петрович Терентьевы, Павел Егорович Филиппов, Екатерина Ивановна и Павла Никифоровна Чупровы.

Всего в это время числилось в Ловозере 140 хозяйств, по имущественному положению довольно разных: 31 семья имела до 30 оленей каждая (бедняки), в 46 насчитывалось до 100 животных (середняки) и 12 зажиточных граждан располагали стадами от 250 до 1500 и более голов. Отдельные богачи владели огромными стадами — от 500—600 до 3000 оленей.

Батраки оставались безоленными (так их называли).

Бедняцкие семьи, вступая в колхоз, передавали в общее пользование 30—40 животных. Основное стадо привели за собой середняки. Так образовался колхозный косяк в 3412 голов; да еще 300 животных купили у единоличников; 2100 оленей предоставило в качестве долгосрочного кредита промыслово-потребительское общество. Начинали не на пустом месте: 5812 оленей — по 100 на каждую колхозную семью! Промысловое общество выделило новому хозяйству и денежный кредит в 10 260 рублей. Далеко не везде на полуострове колхозная жизнь начиналась в столь благоприятных экономических условиях.

Создали три бригады, подобрав 15 лучших пастухов. Впервые за животными ухаживали не все жители, а специально выделенные люди. Кроме общественного значения, новшество сулило и экономические выгоды. Если бы за этим огромным стадом глядело по-прежнему каждое единоличное хозяйство в одиночку, потребовалось бы во много раз больше пастухов, чумов, собак-лаек. Все жители от мала до велика кочевали бы по тундре. А теперь за стадами передвигались только 15 человек, семьи же их переходили на оседлый образ жизни.

Однако и сложностей перед людьми, вступавшими в новую жизнь, оставалось немало. Тянули в прошлое предрассудки. Многие, особенно женщины и дети, навсегда отрывались от тундры.

Но люди верили в новую жизнь. Обратимся к протоколу собрания колхозников «Тундры» за 24 марта 1930 года. Говорит бывший батрак С. А. Хатанзей:

«Я пас стадо кулака девятнадцать лет и за все это время заработал только двадцать оленей. Надеюсь и верю, что теперь буду жить лучше».

Опыта работы в оленеводческом колхозе, естественно, никто не имел: ни рядовые труженики, ни их руководители. На собраниях, после споров и сомнений, сообща определяли, что и как делать. Договорились оплачивать труд пастухов не только деньгами, которых в колхозной кассе насчитывалось еще мало, но и выдавать

олений в качестве натуральной оплаты, что позволяло иметь собственное небольшое стадо.

Важное решение! Разве мог житель тундры остаться без привычной с детства упряжки и пусть крохотного, но своего стада оленей? Там, где этого вовремя не поняли, колхозы создавались труднее, часто — с принуждением, набирали силу медленнее.

По многим проблемам, большим и малым, возникали и разногласия, и споры, например: стоит ли обобществлять рабочих быков, сбрую, рыболовные снасти? Решение (обобществлять!) приняли на том собрании далеко за полночь двадцатью девятью голосами против пятнадцати. Остро обсуждали, что делать с кулаками: выселять их из села, района или оставить на месте; с одной стороны, они мироеды, конечно, а с другой — соседи по селу, много лет жили рядом. Уточнили: считать кулаками лишь тех зажиточных граждан, которые богатели за счет чужого, наемного, а не собственного труда. Это позволило в будущем избежать хотя и не всех, но многих несправедливых действий в отношении добросовестных тружеников, уберечь некоторые хозяйства и семьи от разорения. Выселенных из тундровых хозяйств были единицы.

Коллективное хозяйство «Красная тундра» создали в марте 1930 года жители селений Ивановка, Каменка и Краснощелье, затерявшихся в среднем течении Поноя. Сообща стали трудиться 20 семей. Общественное стадо оказалось небольшим, как и у семи-островцев, всего 340 голов, но вело людей к новой жизни огромное желание выбиться из беспросветной нужды. Спустя некоторое время с помощью ссуд кредитного товарищества колхозники купили еще 510 оленей.

В апреле 1933 года краснощельцы отделились и повели хозяйство самостоятельно, назвав его именем села, в котором к тому времени имелось 6 домов, проживало 17 семей (13 коми, 2 саамских и 2 ненецких), располагавших 1887 оленями. Председателем избрали одного из основателей села Петра Ивановича Терентьева*.

На базе товарищества «Саам» 10 марта 1930 года в селе Воронье образовался колхоз «Доброволец». Первыми там написали заявления бедняки Павел Павлов, Евлампий Хатанзей, Михаил Терентьев, середняки Павел Селиванов, Егор Юшков, Иван Фелов. Продолжать совместно хозяйствовать решили 27 семей из 35, входивших в товарищество. Здесь развивать коллективное оленеводство начинали с небольшого стада, в несколько сот оле-

* 15 лет возглавлял колхоз Петр Иванович Терентьев. Он прожил большую и интересную жизнь, имел много детей, внуков и правнуков. 8 апреля 1940 года стал членом партии.

ней. Через год число их намного прибавилось — вступали в колхоз и другие семьи.

В сентябре 1931 года неподалеку от краснощельского колхоза, в маленьком селении Оксина, создается первое государственное оленеводческое хозяйство Кольского полуострова — совхоз. Он принял от различных государственных организаций, владевших оленями, в том числе от Ленгосторга, 10 320 животных. К середине 1932 года стадо увеличили, закупая оленей у единоличников, до 15 300 голов. Создали отделения совхоза в Восточной Лице и Каневке, располагавшейся на берегу Кольского залива, вблизи нынешнего поселка Междуречье.

Райисполком утверждал уставы колхозов, рассматривал и координировал их годовые производственные планы, оказывал финансовую помощь, посылал в села зоотехников и ветеринарных работников.

К лету 1931 года колхозы района объединяли 252 хозяйства (более половины бедняцких и середняцких), в том числе 187 оленеводческих семей, 42 рыбацких. Было обобществлено несколько тысяч оленей, но в единоличном пользовании и в хозяйствах колхозников насчитывалось намного больше — 38 000.

Хорошо закончили первый хозяйственный год в «Тундре»: прибыль составила 21 000 рублей; годовой заработок колхозника — 692 рубля — намного превышал доходы единоличника.

Недалеко от Мурманска, в Кольско-Лопарском районе, находился небольшой Кильдинский саамский погост. Пастбищ вокруг него оставалось мало, рыбы в близких озерах водилось немного, и в 1934 году жители села решили переехать на новое место. Но куда? Об этом долго спорили. Одни предлагали район реки Кица, другие — озеро Чудзьявр. Остановились на последнем. Здесь в больших озерах, соединенных протоками, можно рыбачить круглый год. А вокруг на десятки и сотни километров простирались ягельники, совсем не тронутые, не перечеркнутые ни одной дорогой или пешеходной тропой. Ловозерский райисполком согласился принять переселенцев, и 21 семья (90 человек) тронулась в путь.

Мурманский окружной земельный отдел отпустил им на устройство на новом месте 30 тысяч рублей. Кроме этого, выделили часть средств Кольско-Лопарский и Ловозерский районы.

Чудзьяврцы организовали колхоз, который называли просто и выразительно: «Одтсййд» («Новое селение»)*. Обобществили большую часть оленей. Стадо в 800 голов поручили пасти опытным оленеводам А. И. Антонову, И. А. Пьянову, И. М. и Л. Я. Яковлевым. Возглавил бригаду Ф. П. Лукин.

* В марте 1940 года переименован в колхоз «Вперед».

На берегу красивого озера вырастали большие рубленые избы, праздновались новоселья. Первыми в новые дома въезжали самые уважаемые люди. К 1936 году здесь жили 23 семьи — 101 человек. С переездом чуждзяврцы сразу решили и еще одну важную задачу: перешли на оседлый образ жизни. До этого они, как и их сородичи, значительную часть года кочевали по тундре.

Но многие противились коллективизации. В первую очередь, конечно, те, кто использовал наемный труд. В погосте Семиостровье, например, И. В. Мелентьев. Он имел 1700 оленей и постоянно держал батраков. «Советы в центре уже пали», — нашептывал он своему работнику. «Общественные стада уйдут в казну», — доверительно сообщал пастуху, вступившему в колхоз. «Одежду вашу заберут и вам же продадут», — угрожал третьему. К середнякам Мелентьев подходил с другой стороны: «Долги в кооперацию за неимущих вы платить будете».

Воспользовавшись тем, что председатель сельсовета Михаил Федорович Мазуров уехал по делам в Мурманск, Мелентьев, лишенный избирательных прав, решил «восстановить» себя в них. Но колхозники отказались поддержать его домогательства.

В Ивановке местный житель Ануфриев имел до 3000 оленей, но батраков кормил впроголодь. А у него обнаружили 360 пудов (около 6 тонн) припрятанной ржаной муки, 36 пудов (576 килограммов) сахара, 25 фунтов китайского чая! Он выдавал по мешку муки тем, кто возвращался к единоличной жизни.

Вредили делу торопливость, стремление быстрее отрапортовать. Нередко уполномоченные по коллективизации прибегали к угрозам и насилию. Были случаи неправильного обложения середняков налогами, некоторое время обобществлялись все олени. Не всегда учитывалась политическая и культурная отсталость жителей тундры, вековая зависимость бедноты от богачей и середняков. Не было ясности в оплате труда. В «Тундре», например, некоторое время пастухи получали меньше, чем их товарищи на извозе или охотничьем промысле, а в Ивановке ввели одинаковую оплату всем колхозникам за все виды работ. Нерегулярно проводились кое-где общие собрания, заседания правлений колхозов. Никто не имел опыта управления коллективными хозяйствами. Тормозил дело оставшийся в наследство бюрократизм.

Перегибы приводили к тому, что стада стали сокращаться. Количество колхозных хозяйств и обобществленных оленей уменьшалось.

Партийные, советские, хозяйственные органы исправляли ошибки. Работа эта усилилась после постановления ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 года «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Во всех колхозах из общественных стад выделялись олени в личное пользование: на хозяйство до 5 членов

семьи — 15 животных; если семья оказывалась большей, на каждого едока добавляли еще по два оленя. Многим середнякам возвращалось имущество.

Привлекались к ответственности виновники перегибов. От работы отстранили секретаря Ловозерского райкома партии И. М. Карандеева, председателя райисполкома П. И. Ильина, некоторых работников сельских Советов и колхозов, объявили им строгие взыскания по партийной линии.

Усиливалась разъяснительная работа. Вели ее, прежде всего, коммунисты и комсомольцы. К этому времени в районе действовали три ячейки ВКП(б) * и кандидатская группа, насчитывавшие 22 коммуниста. С апреля 1930 года работало бюро райпартячейки. С 18 мая следующего года оно фактически выполняло обязанности бюро райкома партии (да так и называлось), хотя райком партии образовался позднее — 26 апреля 1932 года.

26—28 ноября 1931 года проходила первая районная партийная конференция. Присутствовало 13 членов партии, 10 кандидатов и около 100 беспартийных. Одним из основных вопросов был ход коллективизации в районе.

Еще раньше организационно оформился райком комсомола. С 1930 года в районе насчитывалось 33 комсомольца (из них 30 — в Ловозере **). Среди членов ВЛКСМ 20 были коми, 5 — ненцы и столько же русских, 3 саама; более половины комсомольской организации (18 человек из 33) составляли девушки.

Действовали три ударных комсомольских бригады — оленеводческая (выпасала в тундре одно из самых крупных стад), рыбацкая (постоянно промышляла на озерах) и транспортная (перевозила грузы из Пулозера в Ловозеро). 25 из 33 членов ВЛКСМ уже состояли в колхозах.

Ошибки, допущенные в ходе коллективизации, коммунисты района глубоко проанализировали на бюро райкома партии 21 июля 1932 года совместно с руководителями советских учреждений и хозяйственных организаций. В те дни люди приносили в правления колхозов самые противоречивые заявления: «В прошлую зиму мой сын Прокопий Павлович записался в члены колхоза без моего согласия. Прошу вычесть его из колхоза и выдать причитающихся ему оленей. П. И. Терентьев»; «Только через коллективное хозяйство я вижу выход к более лучшему с семейством существованию. С. В. Чупров».

Эти документы периода коллективизации бережно хранят ар-

* Территориальная — Ловозера, при райисполкоме и в колхозе «Тундра» (создана 4 апреля 1931 года). В других местах созданы позднее (например, в Чальмны-Варрэ — 6 февраля 1933 года).

** По одному комсомольцу было в Ивановке, Семнострове и Вороньем.

хивы. Вот еще один — сообщение Ловозерского райисполкома Мурманскому окружному исполнительному комитету: «Настроение колхозников удовлетворительное. Неустойчивый элемент выбыл, идет медленное пополнение колхозов вновь поступающими гражданами».

В 1932 году в районе насчитывалось около 40 000 оленей*, в том числе колхозных — 16 559, совхозных — 12 973, принадлежало различным организациям и учреждениям — 238, единоличники имели 7838, из них трудовое население — 6009 и кулаки — 1829**. Успехи коллективизации, как видим, становились все ощутимее, но и частный сектор имел довольно сильные позиции.

В 1932 году в «Тундре» получили 179 360 рублей дохода, в «Красной тундре» — 69 834 рубля. По отраслям в этих хозяйствах он распределялся соответственно: от оленеводства — 28 и 56,6 процента, от рыболовства — 12 и 12,9, от извоза — 13 и 10,7 процента. Нетрудно заметить, что снижались поступления от извоза и увеличивались от основных колхозных отраслей экономики.

Люди жили с каждым годом лучше.

Вот как выглядели доходы трех рядовых, ничем не примечательных ловозерских семей до вступления в колхоз (домашнее оленеводство, извоз) и после (коллективное оленеводство и рыболовство):

Глава семьи	Социальное положение	Доходы, руб.		
		до вступления в колхоз	в 1931 г.	в 1932 г.
Рочев И. А.	Батрак	50	2135	1660
Хатанзей Г. С.	Бедняк	330	Не сост.	1937
Канев Е. Н.	Середняк	910	1895	2477

Уходили в прошлое примитивные, «дедовские» методы ведения тундрового хозяйства — вольный и полувольный выпас оленей. Стада окарауливались во все времена года и значительную часть суток.

В 1931 году ветеринарно-зоотехнический пункт переехал из Ловозера в Краснощелье, где на обширных ягельниках открывалась перспектива увеличения поголовья. Научные исследования велись круглый год. Ветврач, зоотехники, научные работники по долгу жили и работали в тундре.

* Во всех других районах Кольского полуострова — 15 465 оленей.

** В разных источниках эти цифры существенно разнятся. Здесь и в дальнейшем сведения о количестве оленей в колхозах и у колхозников приводятся по отчетам Ловозерского райсельхозуправления.

В том же году в Ленинграде организовался научно-исследовательский институт оленеводства. Опорный пункт в Краснощелье передали в его ведение и стали называть Мурманским опытным хозяйством (с 1934 года — Мурманская зональная станция). Станция располагала собственным стадом в 4 800 голов. Возможности научной работы расширились. Трудились здесь опытные научные сотрудники Л. А. Луценко, А. А. Покровский, П. П. Королев. В эти годы специалисты станции и института подсчитали емкость пастбищ района. Она составляла: осенне-летних — на 52 000 оленей, весенне-осенних — на 34 000 и зимних — на 39 000. Провели землеустроительные работы: ягельники, озерно-речные водоемы, охотничьи, лесные и сельскохозяйственные угодья приписали к постоянным пользователям — к колхозам, совхозам, единоличникам. «Тундре», например, досталась территория более чем в 2 миллиона гектаров, в том числе пастбищ — 1 миллион 800 тысяч гектаров. Несколько позднее, к 1939 году, закончили внутрихозяйственное устройство во всех колхозах. Угодья разделили на сезонные территории. Под зимние пастбища выделялись участки лесной зоны, богатые ягелем; под весенние отводились лесотундровые участки, где рано появлялась зелень; под летние — смешанные тундровые и лесотундровые; под осенние — лесотундровые, где в эту пору много грибов и ягод.

В начале 30-х годов колхозы стали применять для выпаса оленей «огороды» — территории, ограниченные деревянными или проволочными изгородями. Единоличники заимствовали этот опыт у колхозов; крупнейший «огород» имел, например, ловозерский саам В. Ф. Мелентьев между реками Рында и Харловка.

Для каждого стада на все сезоны года правления колхозов разрабатывали маршруты движения. Заранее определяли время и места для сбора и переучета оленей, для выполнения профилактических ветеринарных мероприятий и других работ. Транспортных хирвасов, чтобы всегда находились под рукой, стали пасти отдельно, вблизи населенных пунктов. В тундре для пастухов строились промежуточные базы отдыха с банями, складами продовольствия.

В Ловозере работали курсы оленеводов. Сюда съезжались пастухи-колхозники со всего полуострова, усаживались за неприличные для них столы, изучали историю СССР и Конституцию страны, русский язык и математику, основы ветеринарии и устройство оленеводческих сооружений. С удивлением обнаруживали недавние кочевники, как много им было недоступно ранее.

В 1935 году в районе произошли некоторые административные изменения. В апреле Семиостровский зимний погост и летний Варзинский, а также Чальмны-Варрэ и Каменку передали Саамскому району, центром которого являлось село Поной. Передача не была достаточно обоснованной экономически и географически,

и местные жители не поняли ее. Транспортные пути в сторону Ловозера (ездили пока только на оленях) выглядели предпочтительнее — проходили по лесной и лесотундровой зоне, где имелось много ягеля. К Поною же добираться было труднее, ехать приходилось по безлюдной тундре, безъягельной и открытой всем ветрам.

Жители Чальмны-Варрского сельсовета настойчиво обращались в различные органы с просьбой вернуть их в Ловозерский район, куда село и передали летом 1937 года*.

С середины 30-х годов коллективизация идет более быстрыми темпами. Если в 1935 году в колхозах района находилось около одной трети всех хозяйств, то на 1 января 1938 года — уже 53 процента. Конечно, на эти темпы накладывало свой отпечаток стремление местных, окружных, да и областных руководителей искусственно ускорить коллективизацию, быстрее рапортовать о ее полном завершении. Но, с другой стороны, те, кто еще не был в колхозе, не могли не видеть и преимуществ, которые получали соседи по селу, работавшие в коллективном хозяйстве. Они убеждались, что в условиях тундры индивидуальное хозяйство к лучшей жизни их не выведет.

В том же Ловозере состоялось необычное собрание — единоличников. 15 человек тут же подали заявления о вступлении в колхоз.

С 1 января до 15 марта — до начала весенних сезонных работ в тундре — вступили в колхоз 55 семей: 27 саамских, 23 — коми, 4 — ненецких, 1 — русская. К 20 апреля в колхозе состояло уже 98 процентов хозяйств местных жителей.

Укреплялась материальная база коллективных хозяйств. Если в 1937 году в «Тундре» постоянное стадо оленей насчитывало 5476 голов, то уже в следующем — 6436, в 1939-м — 10 850, в 1940-м — более 11 000.

Государственные ссуды колхозам района в 1937 году составили около 50 000 рублей, а в следующем уже 109 000. За счет этих средств приобретали домашних животных у единоличников и у различных организаций. Например, ивановский колхоз «Красная тундра» купил целое стадо у Ловозерского комитета взаимопомощи**. Но все еще остро сталкивались между собой общественные и личные интересы людей. Если в «Тундре» в 1938 году, как уже отмечалось, было 6436 общественных оленей, то личных —

* Семиостровье слилось с зимним Варзинским погостом и в 1940 году перестало существовать.

** В Ловозере еще до революции было общественное стадо оленей — церковное. Доходы от него поступали церковному приходу и незначительная часть — школе, больнице. С началом коллективизации этих оленей передали созданному в селе комитету взаимопомощи.

8033; в «Добровольце» соответственно 958 и 2363. Некоторые семьи располагали довольно крупными стадами. В Ловозере 80 семей имели свыше 100 оленей каждая, 30 семей — более 200. При таком количестве животных семьи подражались выполнять транспортные работы в лесном хозяйстве, на железной дороге и неплохо там зарабатывали. В районе в это время насчитывалось 14 805 колхозных и 16 155 личных оленей.

В связи с этим на общих собраниях в Ловозере и Чудзьявре решили, что нецелесообразно иметь в личном пользовании на семью более 30—40 оленей. Для удовлетворения личных нужд в мясе, меховой одежде и обуви такого количества животных было достаточно. Этому примеру последовали в Краснощелье, Ивановке и Чальмны-Варрэ.

Коллективная работа, социалистическое соревнование выявляли лучшие хозяйства, передовиков труда. В 1939 году открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, а уже в следующем ее участниками стали колхозы «Тундра» и «Краснощелье», в которых оленеводство достигло высокого уровня развития. Золотых, серебряных или бронзовых наград ВСХВ удостоились пастухи Иван Гаврилович Артиев, Гавриил Федорович Кириллов, Демьян Григорьевич Терентьев, Ефим Григорьевич Хатанзей, а также председатель «Тундры» Иван Семенович Рочев. Руководимому им хозяйству вручили диплом I степени, 10 000 рублей премии и автомобиль.

Колхозы развивали еще одну отрасль экономики, тоже традиционную для коренных жителей, — рыболовство. Площади озер в районе превышали 200 000 гектаров и могли давать ежегодно до 10 000 центнеров пищевой продукции, но вылавливали рыбы пока в десять раз меньше. Главными орудиями лова все еще оставались сети и тягловые невода. Но росли доходы колхозов. Хозяйства покупали моторные лодки, катера, на берегах озер строили домики для рыбаков. И в 1931 году в районе выловили уже 1610 центнеров рыбы, а к концу 30-х годов промысел ее достиг 2300 центнеров. На 1940 год план составлял 2660 центнеров, на 1941-й — 3370, на 1942-й — 3830. В каждом колхозе создавались специальные и промысловые бригады. Хорошими, опытными рыбаками зарекомендовали себя П. В. Кириллов, Я. Ф. Юрьев, П. Ф. Юрьев.

Не оказался забытым охотничий промысел. Ежегодно за осенне-зимний сезон в районе добывали 1—2 медведей, 10 волков, 20 росомех, 40 горностаев, 100 лисиц и столько же белых и голубых песцов, около 2000 белок. Но возможности и здесь использовались не все. Специалисты-охотоведы из Мурманска, Ленинграда подсчитали и доложили райисполкому в январе 1939 года, что при соблюдении правил охоты и некоторых других природоохранных

мероприятий, подкормке обитателей тундры в суровые зимы можно было добывать ежегодно до 10 медведей, 40 росомых, столько же куниц, 40—50 волков, 150 белых песцов, 180—200 лисиц, 500 горностаев, 1000 ондатр, около 10 000 белок, 50 000 куропаток. Такие задачи и ставились перед охотниками-промысловиками, которые все лучше обеспечивались снаряжением.

Создавались и другие отрасли экономики: молочное животноводство, полеводство, свиноводство.

Первые 15 коров восточнофинской породы колхоз «Тундра» приобрел в 1935 году, потом купил 12 холмогорских нетелей. К 1940 году ловозерцы имели уже около 70 голов крупного рогатого скота, большую свиноферму.

Животноводство требовало развития еще одной отрасли — растениеводства. В 1935 году в районе едва набиралось 2 гектара распаханых земель, в следующем уже имели 9 гектаров, еще через год — 16, в 1938-м — 18, в 1939-м — 26, в 1940-м — 47, в 1941-м — 87 гектаров. Сеяли озимую рожь, вместе вику и овес, горох и овес — на силос и на зеленую подкормку скоту. Оценили жители и овощи, выращенные собственными руками: по вкусу они нисколько не уступали завозным. Больше стало огородов не только у коми, которые и раньше занимались земледелием, но и у саамов, ненцев. Приусадебные участки имели к концу 30-х годов почти все местные жители.

Увеличивались доходы колхозов. Если в 1932 году в «Тундре» они составили 179 360 рублей, то в 1937-м — 299 613, в 1938-м — 700 000, в 1939-м — более миллиона. «Тундра» стала первым колхозом-миллионером в образовавшейся в 1938 году Мурманской области.

Состоятельнее, чем десять — двенадцать лет назад, стали люди. Уже не 4—5 рублей полагалось на трудовень, как в начале 30-х годов, а 8—10, в некоторых колхозах и больше: в Краснощелье, Чудзьявре, например, по 12—15 рублей. Многие семьи только деньгами получали от 12 000 до 15 000 рублей. А еще на трудовень выдавали мясо, рыбу, молоко и другие продукты.

Экономические достижения коллективизации в тундре отрицать невозможно. Они несомненны. Но, как уже отмечалось, они могли быть, вероятно, еще значительнее и весомее, если бы одновременно поощрялись другие формы ведения хозяйства.

В 1936 году привезли в Ловозеро из Ленинграда небольшую дизельную электростанцию. Установили диковинную машину, опутали проводами, протянули их в школу, в райисполком, в дома. Что-то застучало глухо, загрохотало в ее железном чреве, и в тундре, знавшей только камелек да лучину, в лучшем случае — керосиновую лампу, вспыхнул ослепительный, без копоти и дыма, свет.

Специалисты-энергетики разработали для Ловозера проект

и стационарной гидроэлектростанции. Выбрали водохранилище неподалеку от села — Пальгозеро. Сооружение ГЭС на 1000 киловатт включили в народнохозяйственный план района на 1941 год. Полным ходом шли подготовительные работы...

В апреле 1934 года в Ловозере затарахтел первый трактор, проделав путь из далекой Колы, где располагалась Мурманская МТС, первая на Кольском полуострове. Привели его первый ловозерский тракторист Степан Григорьевич Канев, закончивший курсы в Коле, и его напарник Михаил Александрович Забродин. Необычную машину сопровождали толпы любопытных.

Еще раньше по Пулозерскому тракту пришла в село первая автомашина-полуторка. Эта техника, как на параде, прошла по улицам села на первомайской демонстрации.

Вскоре регулярно ходили, подпрыгивая на ухабах, три грузовика: два геологоразведочной экспедиции, которая обосновалась в селе, и один — райисполкома. Да еще легковая машина. Установлены были даже цены за перевозку пассажиров: на грузовике — 20 рублей в один конец, на легковушке — 30.

Каждое утро в Ловозере стали продавать хлеб из местной пекарни. Промтоварный магазин предлагал мануфактуру и трикотаж, готовое платье и обувь, книги и культтовары, хозяйственную посуду и железоскобяные изделия. Днем можно было пообедать в столовой.

Сколько необычных и непривычных услуг населению!

С 1932 года Ловозеро соединили телеграфно-телефонной связью с Мурманском, а через него — с Хибинами и Ленинградом.

Похорошели села. В Краснощелье, например, к 1940 году светлые окна сорока больших домов смотрели с пригорка в зеркало Поноя. По утрам наполнялись ребячьими толосами школа, детские ясли. Принимал посетителей фельдшерско-акушерский пункт. Работала библиотека. В домах говорило радио.

Новые строения появились в Чудзьявре. И здесь учились дети, медицинские работники лечили больных, различные товары предлагал населению кооперативный магазин.

Все это выглядело бы менее заметным и не таким существенным в обжитых районах страны. А тут было по-настоящему значительным, потому что делалось, строилось, появлялось впервые. Потому что ничего этого прежде здесь, на далекой окраине страны, не ведали.

Коллективизация меняла не только облик тундры. Менялись веками сложившиеся устои ее обитателей. Кочевые люди привыкали к оседлости. Раньше и старые, и больные, и дети шли и ехали за стадами. Теперь они жили в теплых и уютных избах и государство заботилось о них. Недавние кочевники впервые почувствовали себя хозяевами своей судьбы.

ирв! *

На короткое приветствие учителя дружно отзываются детские голоса:

— Тирв!!!

Так начинался учебный день не только в Ловозерской школе, но и в Вороненской, Семиостровской.

К началу первой советской пятилетки грамотность жителей Ловозерской тундры составляла уже 34 процента, в том числе среди мужчин — 44 и среди женщин — 24 процента. И здесь, на окраине России, как и повсюду в стране, все дети школьного возраста учились. Вводилось всеобщее обязательное и бесплатное обучение в объеме не менее четырех классов начальной школы. В Ловозере работала школа-четырёхлетка. Бежали по утрам ребята в школы в Семиостровье, Краснощелье, Каменке. Учебный год длился с 1 марта по 15 декабря. Затем, в самый морозный и вьюжный период, наступали каникулы.

Предпринимались попытки создать письменность для маленького саамского народа, численность которого не достигала тогда 2000 человек. Такая задача была определена в постановлении Мурманского окружного комитета ВКП(б) от 9 июля 1933 года «О саамской школе». 11 сентября секретариат окружкома создает Комитет содействия развитию языка и письменности малых народов края (его вскоре стали называть Комитетом нового алфавита, точно выражая функции и задачи). Практическую работу здесь вели научные сотрудники Института народов Севера А. Г. Эндюковский и З. Е. Черняков. Они объехали и обошли все саамские селения Кольского полуострова, записывая и сравнивая диалекты языка. А их было много. В каждом селе, в каждом погосте — свой характерный говор, свое произношение, нередко — свои слова. Порой говоры настолько различались, что люди одного маленького народа не понимали друг друга. Это объяснялось изолированностью селений из-за бездорожья, огромных расстояний.

Несмотря на трудности, ученые, используя большинство диалектов, в 1933 году создали на латинской основе саамский алфавит (он включал 38 букв), подготовили буквари: один из них появился в 1934 году, другой — в 1936-м. Перевели на национальный язык и издали в Ленинграде «Книгу для чтения», «Арифметику» для 1—2 классов. Там же вышли брошюры «Что дала Октябрьская революция трудящимся саамам?» и «Как люди ездят».

* Здравствуйте! (саамск.).

Одновременно продолжалась и расширялась подготовка кадров для национальных, в том числе саамских, школ. Северный рабфак при Ленинградском университете в 1930 году преобразовали в Институт народов Севера. В город на Неве поехали учиться Алексей Явтысов из Чальмны-Варрэ, Андрей и Василий Антоновы и Александр Матрехин из Семиостровья, Домна Кириллова, Яков Юрьев из Ловозера.

1 сентября 1931 года открылось саамское отделение в Мурманском педагогическом техникуме. В первый год там занималось 11 человек, в следующем — 29, еще через год — 32. В основном это были дети батраков, бедняков, колхозников.

Юноши и девушки из Ловозерской тундры учились также в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена, в Мурманской совпартшколе и в других учебных заведениях.

Не сразу и не легко привыкали они к городской жизни. Сказывался и возраст: как правило, студенты и учащиеся из тундры оказывались старше своих однокурсников. Но они преодолевали все трудности и, закончив учебу, возвращались в родные места.

В Ловозеро приехала из Института народов Севера Татьяна Филипповна Матрехина, в Воронье — выпускник Мурманского педагогического техникума Лазарь Дмитриевич Яковлев. Прибавлялось и школьников. В Ловозере в 1933—1935 годах каждую зиму занимались 160—170 детей.

Шла подготовка к созданию газеты на саамском языке. В типографию областной газеты «Полярная правда» для этой цели завезли около тонны саамского (латинского) шрифта тринадцати кеглей: его хватило бы для выпуска газеты небольшого формата на четырех страницах. Поскольку среди саамов не имелось еще ни одного журналиста, ни одного наборщика, корректора, редактора, стали публиковать сначала небольшие заметки, затем более крупные статьи на саамском языке в «Полярной правде».

Саамы, коми, ненцы — дети и взрослые — с большим старанием изучали русский язык. Многие из них уже неплохо владели им, так как постоянно общались с русскими людьми. Язык великого народа обогащал их новыми знаниями, открывал доступ к культуре, вовлекал в общественную жизнь.

Овладевать этим богатством саамам, коми, ненцам помогали русские учителя.

В 1930 году в Ловозеро приехал и стал заниматься с первоклассниками Николай Дмитриевич Юшкевич, одновременно в старших классах он преподавал русский язык и литературу. Организовал в клубе театр (ставили «Женитьбу» Н. В. Гоголя), струнный и духовой оркестры. Сам делал эскизы для костюмов, наброски декораций. Получив в награду за общественную работу простенький фотоаппарат, стал первым в селе фотографом. Мно-

гие ловозерцы и сегодня, как дорогие реликвии, берегут фотографии тех лет, сделанные Юшкевичем. Откуда-то издалека он привез маленькую теплолюбивую иву и посадил ее под окнами своего дома. И первая в Ловозере ива не только прижилась, но и пустила крепкие корни, как и сам Николай Юшкевич, женившись на местной саамской девушке.

Он долго изучал нежные и протяжные саамские песни, создал саамский хор — творческий коллектив, который спустя годы стал большим и прославленным музыкальным ансамблем, хорошо известным не только в области, но и в стране*. Но вначале это была маленькая хоровая группа семиклассниц. Девочки изучали музыкальную грамоту, пробовали свои голоса. Днем рождения художественного коллектива можно считать 1936 год, когда он впервые выступил в местном клубе, которым в то время руководил Петр Нифантьевич Бекренев.

Многих юных саамов, коми, ненцев, да и их родителей, учили в те годы читать и писать Софья Васильевна Андреева, Пávла Петровна Борисова, Петр Сергеевич Герасимов, Татьяна Ивановна Крок, Петр Яковлевич Куксенюк, Иван Михайлович Ладоскин, Анна Яковлевна Пожарская, Дмитрий Иванович Сечко, Петр Иванович Цыпышев и другие.

В мае 1939 года государственными наградами отметила страна труд лучших педагогов сельских школ. В Указе Президиума Верховного Совета СССР называлась фамилия и директора Ловозерской средней школы Ивана Алексеевича Павлова. Начиная он учительствовал в селе Вороньем, потом его, как лучшего педагога, направили в райцентр. Здесь он стал директором школы, самой крупной в районе — в ней работали 14 учителей, в том числе трое с высшим образованием, четверо с незаконченным высшим, остальные со средним.

Осенью 1936 года в районе сели за парты 217 ребят. А еще через год ловозерскую семилетку преобразовали в среднюю школу. К этому времени построили двухэтажную рубленую школу с просторными классами, с огромными окнами, с двумя крылечками. Старую же приспособили под интернат, и теперь в этом шумном многоязыком доме жили и готовили по вечерам уроки 80 детей оленеводов и рыбаков со всех уголков района.

Но становилось все очевидней, что букварь на латинской основе оказался не лучшей находкой при создании саамской письменности. А литературный язык, базировавшийся не на одном диалекте, а на всех основных говорах, стал во многом искусствен-

* Позднее саамским национальным хором руководил директор школы Сергей Сергеевич Соколов. Приняла у него эстафету выпускница Вологодского музыкального училища Л. Бессонова.

ным, дети с трудом понимали и усваивали его. В то же время успешно учились юные саамы на русском языке, знали который (в разной степени, конечно) теперь все. И с 1936 года по многочисленным просьбам педагогических коллективов, родителей и в целях успешного дальнейшего развития народного образования в национальном районе местные школы стали вести обучение детей на русском языке. Таким образом, похвальное стремление дать письменность маленькому народу в 30-е годы окончилось неудачей. Причин оказалось немало.

Во-первых, саамы, особенно ловозерские, жили не изолированно от других народов, а среди них, повседневно и интенсивно общались с коми, ненцами, русскими и в большинстве своем, чтобы понимать друг друга, прибегали к помощи русского языка; родной язык употребляли главным образом в домашней обстановке.

Во-вторых, представляло серьезную трудность для 1800 человек населения (детей и подростков было всего 216 и учились они в 17 школах) перевести на саамский язык учебную, политическую, техническую, художественную литературу, издавать на нем газеты, журналы, книги, а главное — некому: таких кадров еще не существовало.

В эти годы проявляется необычайный интерес к устному народному творчеству саамов. Маленький народ, не имея письменности, сумел сохранить свои сказки, легенды, были, песни, пронести их через столетия, обогащая и наполняя новым смыслом и содержанием.

В 1927 году в составе экспедиции Русского географического общества первый раз приехал на Кольский полуостров молодой этнограф Владимир Владимирович Чарнолуский. Его товарищей — профессора Д. А. Золотарева и врача Ф. Г. Иванова-Дятлова — интересовал главным образом быт жителей тундры, а он в дымных чумах заслушивался сказками и песнями, пытаясь понять через них душу народа. Особенно его поразила легенда об олене-человеке, которую саамы считают не сказкой, а древней былью. Осенью того же года он приехал снова, уже с экспедицией Академии наук. Подолгу задерживался в ловозерской, кольской тундрах и в последующие годы. Владел в совершенстве саамским языком, будто всю жизнь прожил в тундре. Собранные им произведения устного народного творчества не раз выходили отдельными книгами в центральных издательствах.

Много сил, энергии отдает собиранию фольклора неутомимый краевед, разносторонний исследователь Кольского края Василий Кондратьевич Алымов. В 1927—1937 годах он проехал на лодках, обошел пешком все саамские селения Кольского полуострова — от Колы до Нотозера и от Пулозера до Ивановки и Каменки. Записал много сказок, готовил сборник, рукопись которого и по-

ныне хранится в музее-архиве Северного филиала Географического общества СССР. Сказки «Охотник», «Песцовая охота», «Семилетний стрелок из лука», «Чахкли», «Красивая Катерина и норвежец Кривые Ноги», записанные им в 20-е годы, а также «Окаменевший человек», «Сын Солнца и его жена», «Как человек и черт охотились», «Два брата», «Дочь жителей скал», «Девичья гора», услышанные им в 30-е годы, и многие другие являются ныне золотым фондом саамского устного народного творчества, вошли в книги.

Немало подобных произведений записали в те годы Я. А. Комшилов, З. Е. Черняков.

Несмотря на то, что с созданием письменности энтузиастов постигла неудача, народное образование и саамов, и коми, и ненцев успешно развивалось, шло дальше. В 1939 году в районе уже учились 419 детей, в 1940-м — 515. Большинство из них — в райцентре. Создавались дошкольные учреждения. Юные граждане Ловозера в 1939 году поселились в просторном доме, специально выстроенном на улице Колхозной. Это был один из лучших яслей-садов того времени в области.

Развивалось здравоохранение. В 1930 году построили большое двухэтажное здание больницы в райцентре (оно сохранилось и поныне). Открылась больница в Краснощелье. В других селах работали фельдшерско-акушерские пункты, амбулатории, аптеки. Все больше средств отпускалось на охрану здоровья людей. Если в 1934 году в районе на эти цели выделялось 40 000 рублей, то к концу 30-х годов эта сумма увеличилась в десять раз. Работали в районе 5 врачей, фармацевт, 9 фельдшеров, 4 акушерки, 5 медицинских сестер. 22 февраля 1938 года образовалась районная организация Красного Креста.

С мая 1939 года заведовал районной больницей и многое сделал для здоровья северян выпускник 1-го Ленинградского медицинского института Василий Архипович Гусев.

19 марта 1930 года в домах жителей Ловозера заговорило радио. Сколько толков и пересудов вызвал голос, доносившийся из эфира! Старики не верили, что передача транслируется из Москвы. И тогда комсомолец Иван Попов, чтобы убедить их, а заодно и других сомневающихся, написал письмо в Москву, в радиокомитет, на имя артистки Ольги Ковалевой. Та всерьез отнеслась к необычной просьбе, быстро откликнулась, написала, что поет она по радио действительно в столице и без какой-либо помощи нечистой силы.

Менее чем через год после этого эфирные приемники БИ-234 на батарейках приобрел колхоз «Тундра» для оленеводческих бригад, и пастухи в далекой тундре слышали голос Москвы.

Радио попытались использовать и для улучшения связи с са-

мими пастухами, которые со стадами оленей находились далеко в тундре. Купили приемно-передающие радиоустановки, смонтировали их в Мурманске и в Краснощелье. Первый сеанс двусторонней радиосвязи прошел 26 января 1933 года. Теперь пастухи имели возможность регулярно сообщать в родные села о том, где они находятся, о самочувствии людей, передавать различные хозяйственные сведения и наблюдения.

В 1935 году вышел первый номер районной газеты «Ловозерская правда». Редактировать ее стал Николай Дмитриевич Рыбкин, человек основательный и серьезный. Работал он секретарем окружного комитета комсомола в Горном Алтае. Учился в Коммунистическом институте журналистики в Ленинграде. Создавал и редактировал газету политотдела МТС в одном из районов Ленинградской области. Добросовестно трудился везде, куда направляла его партия.

Вначале тираж «Ловозерской правды» был невелик — всего 150 экземпляров, выходила она два-три раза в месяц. Но газета несла большевистское слово, которому жители тундры верили горячо и искренне. Через год периодичность выросла до шести раз в месяц, тираж увеличился до 350 экземпляров. В 1940 году «Ловозерская правда» издавалась уже на четырех страницах пять раз в неделю и стала надежным помощником районной партийной организации в хозяйственной и идеологической работе. Первыми ее журналистами были также Семен Иванович Полетаев, Андрей Прокопьевич Судаков, Альберт Петрович Витол*.

Предполагалось одновременно издавать районную газету и на саамском языке. Заготовили даже клише ее названий: «Саамская правда», «Голос тундры». Но мешала та же причина, что и выпуску специальной саамской газеты в Мурманске: не было нужных специалистов, не только владеющих саамским языком, но и русским. Директора Ловозерской типографии упрекали в Мурманске, что не заполняется в отчетах графа «Количество рабочих», а он объяснял: «Не знаю, кого причислять к рабочим, — набирают и печатают газету директор типографии, ученики и даже сам редактор».

Газета имела немало рабселькоров и во многом делалась руками своих внештатных авторов.

Получали жители тундры мурманские и столичные газеты и журналы: почта стала ходить регулярно, летом из Пулозера ее доставляли на автомашине, а зимой на оленях. Почтовые тракты протянулись в отдаленные села.

* А. П. Витол долгое время был редактором районной газеты, в том числе все годы Великой Отечественной войны.

Все большее место в жизни саамов, коми, ненцев занимали книги. Районная библиотека располагала уже десятую тысячами томов. И в домах жителей книги перестали быть редкостью, в селе работал книжный киоск.

В праздничный день 7 ноября 1937 года ловозерцы впервые смотрели звуковой фильм: дивились «живым картинкам». Вскоре привыкли, и кино стало обычным явлением в Вороньем, Краснощелье, Чальмны-Варрэ, куда вскоре завезли такие же звуковые аппараты. Старожилы и сейчас помнят те первые фильмы, глубоко взволновавшие их, запавшие в душу: «Балтийцы», «Богатая невеста», «Великий гражданин», «Глубокий рейд», «Ленин в Октябре»; талантливых актеров, исполнявших главные роли, М. Ладнину, Б. Щукина, Н. Охлопкова.

Разнообразнее становились интересы людей, особенно молодежи. В январе 1939 года лыжники Ловозера прошли до села Воронье и обратно, 150 километров. Не испугали их ни расстояние, ни январские морозы и метели, ни труднейший рельеф местности. В том же году в декабре они совершили еще более дальний поход — в Мурманск.

Население освобождалось от религиозного дурмана. Особенно решительно выступали против него юноши и девушки. В дни церковных праздников устраивались антирелигиозные шествия, митинги. Любопытная заметка появилась в «Ловозерской правде» 10 мая 1936 года «С трактором против религии». В ней рассказывалось, что комсомольцы в один из религиозных праздников установили на тракторе флаг, вывели на нем крупными буквами слова «Долой религию!» и разъезжали по селу.

Но Богоявленская церковь, построенная в Ловозере еще в 1897 году и тогда же освященная епископом Архангельским и Холмогорским, продолжала действовать. Звонили все семь ее колоколов — от 43-пудового до 23-фунтового.

13 июля 1938 года на общем собрании ловозерцы высказались за то, чтобы прекратить дальнейшее ее существование.

— Я была религиозной до революции, — говорила старейшая жительница П. Н. Чупрова. — Посещала ее каждый день, молила бога вернуть мужа с империалистической войны, помочь прокормить семерых детей. И ничего не вымолила.

О. В. Юлина, рыбачка, мать десятирех детей, сказала:

— Советская власть помогает мне не чудесами. Дети мои в школе, одеты, обуты, накормлены. Я против церкви.

Многие члены церковной «двадцатки», которые управляли делами церкви, заявили, что покидают ее, и она распалась. На собрании приняли постановление: «Мы, граждане Ловозера, не хотим больше иметь в нашем селе церковь, которая напоминает нам

о прежней безотрадной жизни, полной нужды и лишений». На этом документе поставили свои подписи 512 из 539 взрослых жителей села. Таким образом, не нарушая советских законов и не ущемляя чувств верующих (а они были в селе), в конце года церковь закрыли.

Регулярно проводились партийные собрания. Коллективно обсуждались проблемы развития экономики и культуры. Многие собрания были открытыми, присутствовали комсомольцы и беспартийные. Они не только слушали, о чем и как говорили коммунисты, но и сами активно включались в обсуждение стоявших в повестке дня вопросов. В 1938 году партийные билеты получили колхозницы «Тундры» Анна Ивановна Рочева и Ксения Александровна Канева. Рекомендации им дали старейшие коммунисты Ф. Д. Канев и С. Е. Артиев. На учете в районной парторганизации в том году состояло 22 коммуниста.

Партийцы помогали комсомольской организации, которую в то время возглавил сын оленевода Артемий Петрович Терентьев. Выросший в тундре, он хорошо знал жизнь своих земляков, и молодежь потянулась к нему.

Родители Терентьева, коми по национальности, приехали в Ловозеро на оленях в конце прошлого века с Печоры. В тундре поставили чум, и 12 старших братьев и сестер Артемия родились в этом жилище пастуха. Он, тринадцатый по счету ребенок, был первым, родившимся в доме, — отец поставил деревянную избу незадолго до революции.

Русскому языку Артемий учился в школе. Окончив семилетку, пошел работать. Тогда же вступил в комсомол. Комсомольский билет получал в Мурманске, в окружке ВЛКСМ, и до железнодорожной станции Пулозеро — двое суток туда, двое назад — шел пешком. Уже в следующем году его избрали членом райкома

А. П. Терентьев, первый секретарь Ловозерского райкома ВЛКСМ

30-е годы

ВЛКСМ, а в 1936 году доверили возглавить районную комсомольскую организацию. Тогда большинство комсомольцев жило в Ловозере, несоюзной оставалась молодежь в тундре, в отдаленных селах, и в первую свою командировку комсомольский секретарь отправился в Краснощелье, за 150 километров. Пять суток шли с молодым веттехником Пименом Лоскутовым. Июнь, комаров тучи. Потом по Поною, на лодке, добрался в Чальмны-Варрэ. На собрания приходили все жители — и взрослые, и старики, и дети. Приход секретаря райкома комсомола для них был весьма значительным. В обратную дорогу Артемий Терентьев отправился уже с целым отрядом молодежи, юноши и девушки шли получать комсомольские билеты.

Если в 1936 году комсомольская организация района насчитывала 51 члена ВЛКСМ, то уже в 1938-м — 184. Секретаря райкома комсомола Артемия Терентьева по-прежнему можно было видеть и в самом далеком селе, и на рыбацкой тоне, и в чуме пастуха. Он везде успевал. Он хорошо понимал своих сверстников, говоривших по-русски, по-саамски, по-коми, по-ненецки.

В мае 1939 года проходил обмен комсомольских документов. Новые билеты получили большинство юношей и девушек района, 159 человек, и это говорило о прочности комсомольских рядов. А секретарь райкома ВЛКСМ Артемий Петрович Терентьев в том году стал членом партии.

С 1940 года в Союзе молодежи вместо отчетно-выборных собраний стали проводиться районные конференции. Первая из них в Ловозере состоялась 14—15 сентября. К этому времени действовали 14 первичных организаций. В состав первого райкома ВЛКСМ вошло 9 человек, секретарем избрали Е. М. Сидорову, ее заместителями — Б. А. Смирнова и Т. П. Минаеву.

Артемий Петрович Терентьев перешел на партийную работу.

Важным политическим событием 30-х годов явилось обсуждение проекта новой Конституции СССР. 18 июня 1936 года его опубликовали в печати. Когда почта доставила в Ловозеро газеты, отсюда их с нарочными, как самые срочные и важные документы, отправили в Чудзьявр, Воронье, Краснощелье и другие селения района. Итоги обсуждения проекта Конституции СССР подвел районный съезд Советов, который проходил в Ловозере 30 октября. О политической активности трудящихся района в ходе обсуждения проекта Конституции свидетельствует то, что они внесли много дополнений, поправок, предложений.

12 декабря 1937 года состоялись первые после принятия новой Конституции выборы в Верховный Совет СССР. В районе накануне образовали 7 избирательных участков. Два из них появи-

лись впервые — в Ильме и Умбозере (там начиналось сооружение первых промышленных предприятий района).

Подготовили 60 агитаторов. Они разъехались и разошлись по всему району, вели разъяснительную работу среди оленеводов, рыбаков, геологов в 57 созданных для этого кружках. Состоялось более 300 таких занятий. Во время выборов в Краснощелье прилетел первый самолет, положивший начало регулярным воздушным рейсам в отдаленное село. А через полгода с таким же подъемом и энтузиазмом проходили выборы в Верховный Совет Российской Федерации. В декабре 1938 года состоялись выборы местных органов власти: жители района голосовали за кандидатов в депутаты Мурманского областного, Ловозерского районного и сельских Советов. Из 1414 избирателей, внесенных в списки, в выборах участвовали 1401, то есть 99,08 процента.

В Ловозерский районный Совет вошли 25 депутатов, в том числе оленеводы колхоза «Тундра» Иван Гаврилович Артиев, Николай Павлович Галкин, рыбака этого хозяйства Макрида Лаврентьевна Матрехина, пастух из села Воронье Иван Игнатьевич Фефелов — известные всему району, трудолюбивые, уважае-

мые люди. 14 депутатов были коммунистами, 2 — комсомольцами, 9 — беспартийными.

Районный Совет отражал многонациональный состав населения. В него входили 11 русских, 6 саамов, 3 коми и 5 представителей других национальностей.

К участию в работе советских органов активно привлекались женщины. Только в районном Совете из 25 депутатов их было 7.

Председателем райисполкома на первой сессии избрали Ивана Алексеевича Павлова, бывшего директора Ловозерской средней школы, спокойного, уважительного человека, хорошо понимавшего нужды и заботы жителей тундры. Заместителем его стал Александр Павлович Егоров, секретарем — Андрей Прокопьевич Чураков.

Местные органы Советской власти на выборной основе были также сформированы в селах Воронье, Чудзьярв, Краснощелье, Чальмны-Варрэ.

Не обошли стороной сталинские репрессии и жителей тундры. Некоторых руководителей района и колхозов осудили «тройки», и они сгинули неведомо где, других арестовывали, с пристрастием допрашивали, но выпускали, третьи, после обысков, ходили все время под угрозой ареста.

В конце 30-х годов в Ловозерской тундре начало создаваться первое промышленное предприятие.

...Своеобразный и неповторимый горный массив поднимается между двумя крупнейшими водоемами Кольского полуострова — озерами Умбозеро и Ловозеро. Площадь его около 650 квадратных километров, и уступает он по размерам только Хибинам. Глубокие речные долины рассекают его на платообразные горы, возвышающиеся на 500—1000 метров над уровнем моря. Названия их звучат романтически и загадочно-таинственно: Айвундасчорр, Сенигисчорр, Аллуайв, Пункаруайв, Суолуайв. Это — Ловозерские тундры.

Геологи давно пытались заглянуть в их недра. Они предполагали, что здесь скрывается немало богатств.

Еще в 1922 году здесь вели исследования научные работники Петроградского геофизического института С. А. Советов, Г. Д. Рихтер, Е. П. Орлова, Г. М. Крепс («гражданин Лапландии», как называли его за преданность Ловозерскому краю). В том же полевом сезоне в северных отрогах Хибин, которые спускаются к Ловозерским тундрам, работал Александр Евгеньевич Ферсман. Ему помогали многие местные жители: Петр и Григорий Галкины, Александр Данилов, Алексей Кобелев.

В последующие пять лет академик А. Е. Ферсман со своими помощниками Н. Н. Гудковой, А. Н. Лабунцовым, Е. Е. Костылевой, В. И. Крыжановским, Б. М. Куплетским исходил Ловозер-

ские тундры вдоль и поперек. Он был уверен, что ближайшие «родственники» и соседи Хибин не менее богаты полезными ископаемыми. И не ошибся. Уже тогда были научно обоснованы и точно предсказаны многие открытия, которые не заставили себя ждать в последующие годы.

В 1932 году на западных склонах Ловозерских тундр геологи обнаружили запасы циркониевой руды — эвдиалита.

В недрах гор, обступивших озера Ловозеро и Сейдозеро, нашли и подсчитали залежи диатомита (соответственно 6,1 и 5,8 миллиона тонн), который можно было использовать для производства не только традиционного строительного кирпича, но и термоблоков, изоляционных материалов, наполнителей, всевозможных фильтров.

Торфа, образовавшегося на огромных болотистых пространствах, тоже оказалось немало — около миллиона кубометров.

Интересовал геологов обширный горный район в восточной части Кольского полуострова. Уже первая геологическая съемка в Кейвах показала, что здесь весьма значительны запасы кианитов. Полоса породы 3—7-километровой ширины тянулась на 140—150 километров. Мощность пластов достигала 80 метров. Горизонты только богатых руд составляли громадный массив протяженностью до 85 километров.

Дальнейшие, более детальные исследования подтвердили все это. К лету 1942 года сюда намечалось проложить дорогу, построить горно-обогатительный комбинат и получать до миллиона тонн кианита в год.

Геолог С. Д. Покровский нашел на горе Ньялкинморр силиманит. Этот минерал, силикат алюминия, как и кианит, применяется для изготовления высокоогнеупорных керамических изделий. На горе установили двенадцатиметровую вышку, подняли туда бурильный станок и проверили залегание пород на глубине до 80 метров. Природная кладовая оказалась весьма вместительной.

В различных уголках района были открыты и подсчитаны залежи железа, слюды. С. Д. Покровский со своими помощниками в горах Аллуайв и Карнасурт, на восточных склонах Ловозерских тундр, заметил кристаллики черного цвета с металлическим блеском. С 1921 года этот редкоземельный минерал называли лопаритом. В его состав входят ниобий, тантал, церий, лантан и другие не часто встречающиеся и в нашей стране, и за рубежом металлы.

Над определением запасов лопарита несколько полевых сезонов работала еще студенткой Ленинградского горного института будущий талантливый геолог Мария Тимофеевна Щеколдина. Позднее, защитив диплом по запасам Аллуайва, она получила на-

значение на строящийся комбинат и продолжала начатую работу.

Все эти открытия полезных ископаемых дали основания Александру Евгеньевичу Ферсману, который в 1935 году встретился в Мурманске, на IX съезде Советов округа, с делегатами из Ловозера, говорить о большом будущем их района. Участники того съезда вспоминали позднее: Ферсман очень убежденно и уверенно говорил, что этот благодатный уголок со временем станет, как Хибины и Монче-тундра, еще одним крупным центром промышленности Кольского полуострова. Предсказания ученого скоро стали сбываться. Приказом народного комиссара цветной металлургии СССР от 3 февраля 1939 года создавалось строительное управление «Аллуайвстрой»*, которому предстояло возвести горно-обогатительный комбинат: рудник, экспериментальную обогатительную фабрику для отработки процессов извлечения лопарита, вспомогательные цехи и производства, жилой поселок.

На стройку, которой руководили начальник — 36-летний инженер, член партии с 1926 года Лев Евгеньевич Эгель и главный инженер Евгений Иванович Шапинский, стали завозить оборудование, механизмы, материалы. Поступили первые 8 автомашин, 4 трактора, 3 компрессора, аэросани.

Помогали местные жители. В иные дни на промышленную площадку тянулись длиннющие санные поезда — до 80—100 оленьих упряжек.

Для жилья строители приспособили на первых порах утепленные палатки, надежно закрепив их неподалеку от горы Карнасурт, вершина которой служила своеобразным барометром: цепляются за нее рваные облака — жди ненастья; загудит, завоет в ущелье ветер — пойдет дождь или мокрый снег.

В 1939 году «Аллуайвстрою» отпустили 2 миллиона рублей, на 1940 год — еще больше, 2 миллиона 800 тысяч, в том числе на строительство жилья — 400 тысяч, объектов соцкультбыта — 200 тысяч.

Работали дружно, старательно. Внутри Вороньей горы (так переводится название горы Карнасурт с саамского) пролегли прямые и ровные штреки рудника. Наверху, у подножия ее, поднимался корпус обогатительной фабрики с наклонными галереями для транспортерных лент, с закрытыми переходами из одного помещения в другое. Еще не возвели над фабрикой крышу, а уже монтировали оборудование.

У озера Ильма поставили несколько приземистых, крепких домов.

* Первоначально предполагалось рудник заложить у горы Аллуайв, отсюда и название строительной организации. Потом решение изменили и строили шахту и фабрику у горы Карнасурт.

Рабочих рук прибавлялось. Летом 1939 года здесь трудились 190 человек.

В конце апреля 1940 года испытали под нагрузкой оборудование. Все механизмы и технологическая линия от рудника до склада готовой продукции действовали нормально.

18 августа 1940 года — дата официального рождения предприятия. Включили главный рубильник. Завертелись дробильные барабаны обогатительной фабрики, наполняя цехи гулом и грохотом. Задвигались решета. Потекла темная густая пульпа. Из сушилок посыпался серый с фиолетовым оттенком порошок — исходный материал для редкоземельных металлов.

Задание партии и правительства по сооружению еще одного горно-обогатительного предприятия на Кольском полуострове было выполнено успешно и в установленные сроки.

Стройка продолжалась: сооружались подсобные помещения, вспомогательные цехи.

20 августа 1940 года создается партийная организация «Аллуайвстроя». Она объединяла коммунистов как работающих на стройке, так и рудника, обогатительной фабрики. Руководство ею доверили работавшему ранее в райисполкоме Михаилу Павловичу Марашову. 15 декабря парторганизацию реорганизовали (в связи с небольшой численностью коммунистов) в партийно-комсомольскую группу, но 6 января 1941 года восстановили вновь. С этого времени коммунисты горно-обогатительного комбината представляют один из самых многочисленных и боевых отрядов Ловозерской районной партийной организации.

Поначалу не все шло гладко на новом предприятии. Случалось, останавливали из-за нехватки электроэнергии рудник. И тогда наступала тишина и на обогатительной фабрике, потому что запасов сырья еще не научились создавать. Бывало и наоборот: руды хватало, а вывезти ее на фабрику не могли, переметало и заносило снегом дорогу. Но постепенно все отлаживалось.

С пуском комбината район становился не только сельскохозяйственным, но и промышленным. Появился рабочий класс. Причем ряды его пополнялись не только за счет приезжих. Некоторые молодые жители из Ловозера и других сел переходили на новый комбинат. Саамы, коми, ненцы осваивали профессии, неведомые их отцам — пастухам: каменщиков, плотников, электриков, проходчиков, бурильщиков, крепыльщиков, концентраторщиков...

Рос первый в районе рабочий поселок.

Прибавлялось население: на комбинате теперь работали русские, украинцы, белорусы, было несколько карелов, грузин, армян.

Район становился многонациональным.

Так существенно изменило его социальную структуру уже первое промышленное предприятие.

В полдень 22 июня 1941 года радио донесло тревожную весть до самых дальних тундровых сел и погостов. Война...

В тот же день в ловозерском клубе, едва вмещавшем в обычные дни полторы сотни человек, собралось почти все взрослое население — около 500 человек.

С напряженным вниманием вслушивались колхозники в речи ораторов, сами поднимались на трибуну. А утром следующего дня жители села провожали на фронт первую группу своих земляков: колхозные машины повезли их на станцию Пулозеро.

Из многих семей сразу уходили по несколько человек.

Прасковья Степановна Данилова проводила шестерых своих сыновей: Герасима, Григория, Степана, Тимофея, Ивана 1900 года рождения и Ивана 1902 года рождения (в саамских семьях нередко одинаковыми именами называли двух детей).

Один за другим надели солдатские шинели четверо братьев Семяшковых: Аким, Климентий, Максим, Федор; старшего, Афанасия, еще до войны возглавившего оленеводческую бригаду, по просьбе райисполкома долго не призывали, но и он добился своего, стал партизаном отряда «Большевик Заполярья».

Яков Маркович Филиппов давал наказы мужественно защищать Родину четверым своим сыновьям.

В июньские дни 1941 года из района ушли на фронт свыше 200 человек, а всего за годы войны — более 800 его жителей. Только из колхоза «Тундра» воевали 210 человек.

Со всех фронтов приносила почта солдатские треугольники. В Полярной дивизии, сформированной из коммунистов и комсомольцев Кольского полуострова, защищали Мурманск ловозерцы Василий Алексеевич Галкин, Митрофан Васильевич Терентьев, краснощелец Степан Васильевич Окатов. Бывший председатель чудзьяврского колхоза «Вперед» Степан Гаврилович Канев из снайперской винтовки метко уничтожал гитлеровцев на Западном фронте. Сергей Тимофеевич Филиппов воевал под Одессой, Керчью, Новороссийском, а Дмитрий Федорович Артиев в составе десантной части бил врага под Киевом.

Бывшие оленеводы, рыбаки становились пехотинцами, артиллеристами, связистами, саперами, скромно и честно выполняли свой долг. Красноармеец Иван Мелехов писал в Ловозеро: «Со мной вместе, в одной части, служат ваши земляки Н. Д. Юшкевич, А. П. Орлов, К. И. Мацелевич... Это замечательные товарищи и хорошие бойцы... Со своим грозным оружием выходят они на передовую линию, подбираются к врагу на расстояние 150—200 метров и подавляют огневые точки противника. На днях

после их метких выстрелов замолчали навсегда несколько фашистских огневых точек. В ответ на боевые дела своих земляков ловозерцы должны ответить новыми успехами в труде».

Медсестрами и санитарками стали Ксения Ильина, Зинаида Лагунова, Анастасия и Марина Рочевы, Марина и Павла Терентьевы, Домна Филиппова.

Многие пастухи уходили на фронт с оленями.

В заснеженных сопках и горных ущельях Кольского полуострова, который стал зоной боевых действий, на передовых позициях и в близком от них тылу в условиях бездорожья оказался незаменимым традиционный транспорт тундры — олени. Легкая упряжка промчится по крепкому насту 50—80 километров за сутки. Олень сам себя прокормит в тундре и в лесу. Он не боится холода и вьюги. Не нарушит тишины, даже раненый не издаст звука.

В финскую кампанию 1939/40 года ловозерский колхоз «Тундра» передал фронту 210 упряжек с 662 оленями. 26 июня 1941 года председатель этого колхоза, бывший пастух Иван Семенович Рочев писал в «Полярной правде»: «Теперь мы вновь готовы по первому зову партии и правительства дать нашей армии достаточное количество транспортных оленей».

В ноябре 1941 года для 14-й армии Карельского фронта, действовавшей на Мурманском направлении, сформировали первые три оленьих транспорта. Каждый из них обслуживали 154 человека, в том числе 77 солдат-оленеводов. Потом появились еще четыре.

Одним из инициаторов создания этих подразделений был начальник ветеринарного отдела 14-й армии полковник Дмитрий Николаевич Тульчинский. Он определил их оптимальные размеры, цели и основные боевые задачи.

Животных для подвижных, легких соединений поставляли первое время только колхозы Ловозерского района: «Тундра», «Красная тундра», «Доброволец», «Вперед», «Краснощелье». Потом на Кольский полуостров стали прибывать райды с Печоры, Ижмы, из-под Нарьян-Мара.

Когда в марте 1942 года образовалась 19-я армия Карельского фронта, один из отрядов передали ей.

Использовали этот вид транспорта и североморцы. Об одном таком эпизоде, связанном с крупной десантной операцией 12-й бригады морской пехоты на острове Пикшуев, вспоминал после войны ветеран этой бригады Б. Косач: «Враг усиливал натиск. Увеличивалось количество раненых и обмороженных... Помощь пришла неожиданно в виде оленьих упряжек, которые впервые в практике морских десантов Военный совет флота решил использовать для эвакуации раненых... Погонщики коми, саамы и ненцы... без слов понимали, что им нужно делать».

Оленетранспортным взводом в этой операции командовал мурманчанин, зоотехник по оленеводству областного управления сельского хозяйства Семен Петрович Шерстобитов*, как и полковник Д. Н. Тульчинский, много сделавший для организации специальных подразделений.

Без воинов-погонщиков не обходилась ни одна боевая операция заполярных партизан, которые уходили во вражеские тылы на глубину до 500 километров.

По достоинству оценили помощь солдат-каюров северные пограничники.

Штабы полков, дивизий, корпусов использовали олений транспорт для переброски офицеров связи, доставки срочных донесений, рекогносцировки на местности.

Устраивала оленья упряжка с легкой нартой фронтовых медиков: быстрая, повсюду проходимая...

В таких подразделениях воевали многие жители Советского Севера: карелы, ханты, манси, вепсы, нагайцы. Около половины бойцов составляли саамы, коми, ненцы и абсолютное большинство из них — жители Ловозерского района.

Бойцов-олeneводоу уважали на фронте за их доброту и отзывчивость, за ловкость и умение ориентироваться на местности, за то, что они не терялись в самых сложных ситуациях. За то, что умели воевать.

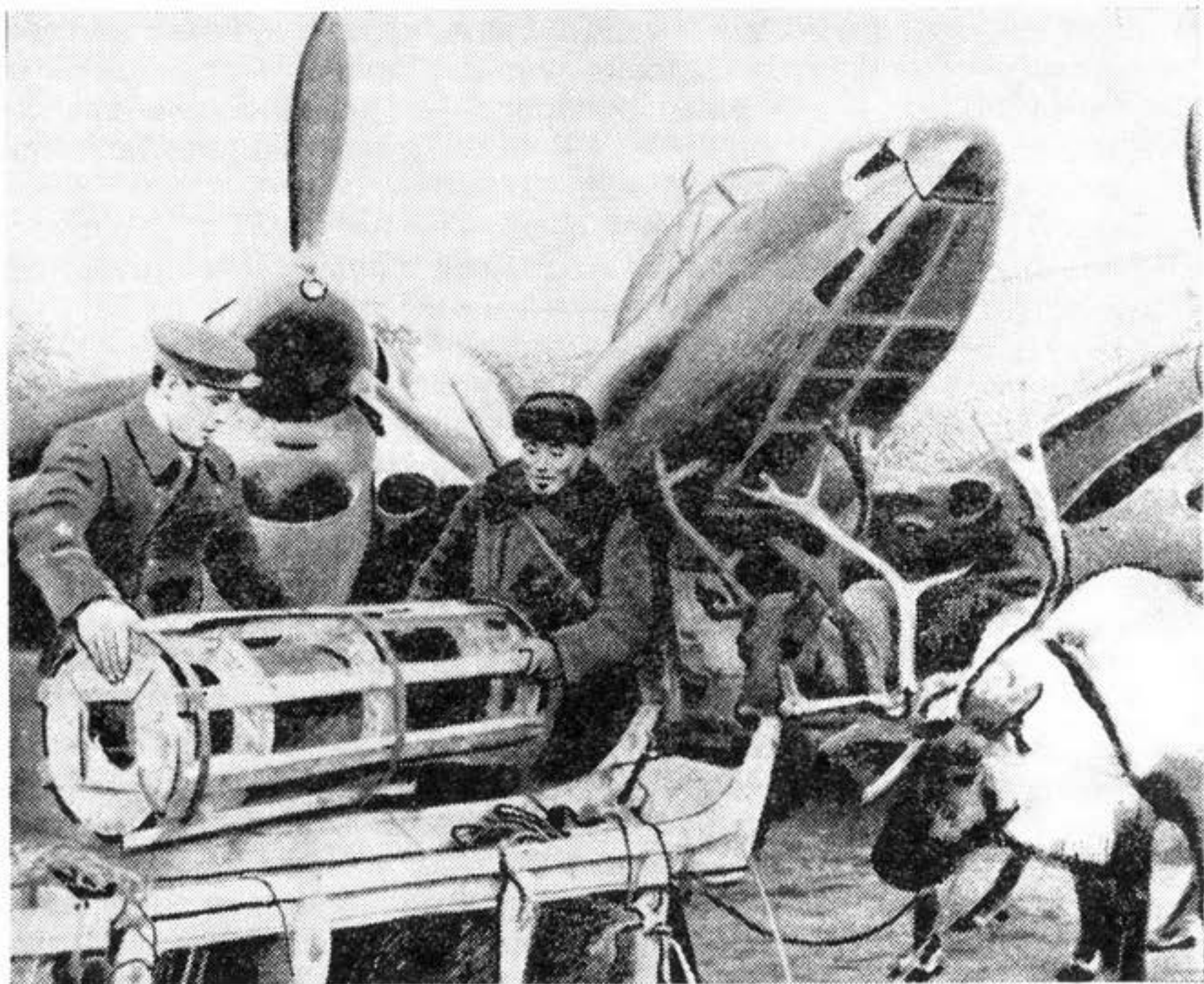
Фронтовые газеты, ветераны в своей памяти сохранили много ярких эпизодов их боевой жизни. Вот лишь несколько из них.

...Комсомолец Гавриил Хатанзей переправлял через линию фронта боеприпасы и снаряжение партизанам. Немцы обнаружили его и открыли огонь. Двенадцать оленей упали, сраженные пулеметными очередями. Но Гавриил быстро обрезал построики, освободил уцелевших животных, и райда продолжала путь. Груз он доставил по назначению и вовремя.

...К месту падения фашистского самолета послали с упряжкой Михаила Терентьева. Не доехав еще до чадящих обломков, он заметил притаившегося фашистского летчика. Сдернул с плеча карабин, но фашист успел дать длинную очередь из автомата. Переодевшись в малицу убитого солдата-погонщика, немецкий летчик считал себя в безопасности. Но уйти ему не удалось. К месту схватки уже мчалась упряжка Алексея Хатанзейского. Веревоочный аркан, которым ловят оленей, накрепко обвил гитлеровца, не дав ему возможности сделать ни одного шага.

Искусно набрасывал арканы на немецких часовых оленевод из Ловозера Иван Пьянов. В декабре 1941 года, одним из первых

* После войны С. П. Шерстобитов долгое время возглавлял колхоз «Тундра».

среди своих товарищей, он был награжден медалью «За боевые заслуги».

Бойцы-оленоводы мужественно сражались с врагом до заключительных боев в Заполярье. В феврале 1944 года совершила дерзкий поход по тылам противника, громя его опорные пункты, 31-я отдельная лыжная бригада 14-й армии. И ей придавался олений транспорт и весьма внушительный: 1370 животных, 127 легких и 248 грузовых нарт. Упряжки везли пушки и минометы, пулеметы и средства связи, патроны и гранаты.

Участвовали оленетранспортные подразделения в Петсамо-Киркенесской операции и в освобождении Северной Норвегии.

Бойцов необычных воинских подразделений видел в деле Константин Симонов, не раз приезжавший на Кольский полуостров в годы войны в качестве военного корреспондента. «С горы

Олений транспорт доставил бомбы к самолету

на гору, по свирепым отвесным спускам, через глубокие котловины, наполненные снегом, словно чашка, доверху залитая молоком, летят олени — северный экспресс — самое быстрое средство передвижения в этих широтах...» — писал он в очерке, опубликованном в «Красной звезде» 24 мая 1942 года.

Тепло рассказывал писатель о саамах Алексее и Афанасии Захаровых, Иване Матрехине, Евдокиме Юрьеве, ненце Алексее Ледкове. Но назвал он, конечно, далеко не всех даже из тех, кого видел, кого знал.

В составе оленетранспортных подразделений воевали многие пастухи ловозерских колхозов: Емельян Федорович Антонов, Григорий Андреевич Данилов, Данила Николаевич Дмитриев, Максим Антонович Захаров, Василий Васильевич Канев, Александр Семенович Рочев, Иван Андреевич и Федор Петрович Терентьевы, Борис Степанович Юлин, Яков Иванович Юрьев, Семен Иванович Юшков. Командовали взводами, ротами Виктор Иванович Маягин*, Филипп Яковлевич Чупров, Леонтий Ефимович Юрьев.

Медалями «За боевые заслуги» были награждены бойцы-оленоводы Константин Степанович Валеев, Петр Егорович Вокуев, Кондрат Павлович Галкин, Егор Назарович Матрехин, Елисей Николаевич Рочев, Яков Егорович Филиппов, Николай Ильич Хатанзей, Иван Павлович Шаршин. Другими боевыми наградами отмечены Василий Алексеевич и Лука Ильич Галкины, Тимофей Андреевич Данилов, Ефим Иванович Канев, Егор Игнатьевич Кузьмин, Петр Павлович Юрьев, а также девушки-погонщицы, служившие в 100-м пограничном отряде: Клавдия Галкина, Мария Канева, Марфа Кобелева, Клавдия Матрехина, Клавдия Юлина, Клавдия Юшкова.

В минуты короткого отдыха бойцы-оленоводы собирались вместе, вспоминали Ловозеро, родные места. Как там дела?

Хотя боевые действия шли в стороне от Ловозера, близость фронта чувствовалась и здесь. Поэтому вывезли из райцентра наиболее ценное оборудование (людей было эвакуировано немного, около 300 человек, в то время как из области — более 114 тысяч).

С первых дней войны создали истребительную роту из 120 человек. Командовал ею комсомолец Анатолий Николаевич Меркурьев, замполитом назначили коммуниста Александра Александровича Жукова. Выдали бойцам 100 немецких винтовок, 6 — русского образца, 15 автоматов ППШ, 3 револьвера. Организовали отряд самообороны, его возглавил бывший управляющий район-

* В. И. Маягин в послевоенное время работал председателем колхозов в Чальмны-Варрэ и Краснощелье. Умер в 1979 году.

ным отделением Госбанка Алексей Михайлович Абакумов, заместителем у него стал секретарь райкома партии по кадрам Петр Васильевич Ивановский. В отряде числилось 54 человека. Бойцы его круглые сутки дежурили на наблюдательных пунктах, контролировали дорогу Ловозеро — Пулозеро.

С 1 октября 1941 года в стране вводилось всеобщее военное обучение. И в Ловозере в этот день начались занятия по 110-часовой программе. Подростки, старики, женщины учились владеть винтовкой, пулеметом, минометом, гранатой, познавали основы противохимической защиты, способы маскировки. Всего за годы войны из 885 мужчин — рабочих, служащих, колхозников, оставшихся в районе, военную подготовку прошли 625 человек.

Фронт требовал продовольствия, одежды, вооружения. И жители тундры, как и все советские люди, старались помочь ему всем, чем могли, хотя трудоспособных оставалось мало. Например, из 69 жителей Чудзьявра было только 29 (6 мужчин и 23 женщины).

Организовали нормальную работу сильно поредевших пастушеских бригад. Ушедших на фронт мужчин заменяли женщины, подростки, старики. Первой девушкой-пастухом стала комсомолка Зина Артиева из Краснощелья. Ее примеру последовали Клавдия Галкина, Клавдия Матрехина, Ульяна Юрьева из Ловозера, Анна Дмитриева из Вороньего. Заменяла мужа Устинья Ивановна Юрьева. Неделями, месяцами они кочевали за стадами, в зимнюю стужу и в осеннюю непогоду жили в чумах, берегли каждого оленя.

Подросток Константин Сорванов со своим помощником сторожил стадо, с которым раньше управлялась бригада из семи человек.

805 трудодней выработал в 1941 году пастух колхоза «Тундра» Гавриил Федорович Кириллов, соответственно 778 и 725 — его товарищи Николай Павлович Галкин и Павел Фомич Данилов. А каждому из них было уже под семьдесят лет.

На областную Доску почета в 1941—1942 годах заносили имена оленевода из колхоза «Доброволец» Анисьи Андреевны Селивановой, учеников пастухов Василия Голых, Василия Селиванова, Федора Шаршина.

К 1943 году потери в оленеводстве, которые стали недопустимыми в военное время, сократились до минимума.

Девушки создали бригаду райдников*, которую возглавила Марфа Валеева. Длинный санный поезд каждый месяц отправлялся из Краснощелья и, преодолев 250 километров большей

* Райда — сцепка из нескольких оленьих упряжек с нартами для перевозки грузов.

частью бездорожья, доставлял мясо-оленину, пушнину на станцию Пулозеро. Загрузив нарты товарами для сельских магазинов, различным оборудованием для колхозов, погонщицы отправлялись в обратный труднейший двухнедельный путь. В метели и морозы. В снег и в слякоть.

В других транспортных бригадах (на вывозке леса, различных хозяйственных работах) хорошо управлялись Макрида и Федора Артиевы, Валентина Канева.

Трактористами стали Анна Ануфриева и Галина Канева, шоферами — Анна Рыжова, Екатерина Мишичева, Мария Рочева. Колхоз «Вперед» возглавила двадцатилетняя комсомолка Ульяна Карпова, заместителем председателя в «Тундре» работала Евдокия Рочева.

Все вместе героическими усилиями выполняли главную задачу: поставки продукции фронту увеличивались. Если в 1940 году в районе на мясо забили 1735 оленей, то в 1941-м — 3227, в 1942-м — 4727. Женщины и девушки, старики и дети, на плечи которых легла основная тяжесть работы в тылу, сами при этом питались скудно, жили впроголодь.

В летние дни напряженно и старательно работали полеводы.

В колхозе «Тундра» высоких урожаев добивались Клавдия Семяшкина, Дарья, Елизавета и Прасковья Терентьевы, Прасковья и Ольга Филипповы. Они выращивали картофель, капусту, турнепс. В 1943 году за успехи в труде Грамотами ЦК ВЛКСМ отметили молодых полеводов этого хозяйства Клавдию Матрехину и Анастасию Чупрову.

Посевы овощей и картофеля увеличились здесь с 49 гектаров в 1940 году до 113 в 1943-м и 126 в 1945-м. Более 15 гектаров к этому времени освоили огородники, лучшим среди которых считался Дмитрий Мартынович Терентьев. В Ловозере огороды имели 396 семей, в Чальмны-Варрэ — 122, в Вороньем — 30, в Чудзьявре — 25. В 1944 году огородников в районе насчитывалось еще больше.

До войны овощи и картофель завозились в район, теперь немало их выращивалось на месте и поставлялось фронту.

В любую погоду, зимой и летом, уходили на близкие и дальние озера рыбаки. За годы войны они выловили 3985 центнеров рыбы — сига, щуки, окуня, хариуса.

Охотники-промысловики в первую военную зиму добыли 77 лосей, 18 диких оленей, 3 медведя, много дичи. И здесь показывали пример трудолюбия пенсионеры, как 80-летний охотник из «Красной тундры» Ион Алексеевич Коварнин.

Жители района в фонд обороны отчисляли часть личных средств, переводили заработок в трудоднях, премии, деньги, заработанные на субботниках и воскресниках.

Подписка на военные займы превышала в два-три раза месячную заработную плату.

Помогали взрослым и школьники. Летом работали в трудовых комсомольских и пионерских отрядах. Ребята строили дорогу на дальнее поле колхоза «Тундра», собирали металлолом и макулатуру, косили сено и убирали урожай. Заработанные деньги тоже передавали в фонд обороны — на танковую колонну «Пионер». А зимой продолжали учиться. Все трудные военные годы рядом с ними были учителя Анна Алексеевна Бушуева, Раиса Исаковна и Ефим Прохорович Игнатовы, Татьяна Аксентьевна Кучерова-Пантелеева, Вера Семеновна Перегудова, Валентина Ивановна Прозорова, воспитатель детского сада Эльза Адамовна Рюзиляйнен. Десятки тысяч рублей внесли они вместе с ребятами на счет № 160187 — в помощь детям фронтовиков, потерявшим родителей.

Обком партии и облисполком в октябре 1941 года приняли постановление об изготовлении меховой обуви для воинов армии и флота. Надо было сшить 1323 пары тобурок и столько же липтов к ним, выделать 2338 оленьих шкур. Половину заказа предстояло выполнить ловозерцам. Во всех колхозах они организовали бригады, в которых трудились лучшие мастерицы, такие как Марина Собакина, Федора и Феофания Юрьевы, Ульяна Яковлева. И почетное задание выполнили! На фронт отправили 750 пар тобурок, 744 пары липтов, 1500 обработанных оленьих шкур, которые использовались в качестве постелей в полевых госпиталях, лазаретах, на нартах, предназначенных для перевозки раненых.

В апреле 1943 года в Ловозере на митинге торжественно читали телеграмму Верховного Главнокомандующего на имя председателя колхоза «Тундра» Ивана Семеновича Рочева, секретаря парторганизации Алексея Леонидовича Черемисина, оленеводов Константина Александровича Сорванова и Гавриила Федоровича Кириллова, полевода Анны Федоровны Чупровой: «Передайте колхозникам и колхозницам колхоза «Тундра», собравшим 130 тысяч рублей на строительство авиаэскадрильи «Советский Мурман», мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин». Всего же на строительство этой эскадрильи было собрано 398 000 рублей.

Сельские Советы, правления колхозов заботились о семьях фронтовиков, которых в районе насчитывалось около 400. Их дети бесплатно питались в школах-интернатах, содержались в яслях и садах. Нуждающимся семьям выдавали различные пособия.

Организаторами патриотического движения помощи фронту в районе, как и повсюду в стране, были коммунисты и комсомольцы. К началу войны районная партийная организация насчитыва-

ла 93 человека (59 членов и 34 кандидата). Только в 1941 году ушли на фронт 25 из них. Многих призвали в последующие годы. Но парторганизация пополняла свои ряды. В 1941 году кандидатами в члены партии стали 32 человека, в 1942-м — 6, в 1943-м — 25, в 1944-м — 21. На 1 января 1945 года в 8 первичных парторганизациях и кандидатской группе насчитывалось 85 коммунистов (63 члена и 22 кандидата). Таким образом, ее состав почти полностью обновился.

В годы Великой Отечественной войны связали свою жизнь с партией лучшие труженики района: оленеводы Иван Гаврилович Артиев, Николай Павлович Галкин, Гавриил Федорович и Евдоким Гаврилович Кирилловы, Константин Александрович Сорванов, Серапион Константинович Филиппов, зоотехник опытной оленеводческой станции Илья Митрофанович Чупров, научный сотрудник Эмилия Митрофановна Спигул и директор этой станции Александр Алексеевич Покровский.

Умелыми организаторами, настоящими вожаками людей проявили себя работавшие в годы войны секретарями райкома партии П. Ф. Горшков, А. М. Долматов, И. И. Лунев, В. Д. Никонов, Н. А. Шестериков, А. П. Шумилов. Оргинструкторский отдел возглавляли в эти трудные годы А. П. Терентьев и А. П. Кривоногов, отдел пропаганды — П. В. Куваев и Т. Т. Деревнин. Бессменным заведующим военным отделом был М. В. Правдин.

Неутомимо трудился на посту уполномоченного Наркомзага* по Ловозерскому району старейший коммунист Иван Матвеевич Веревкин. Он добивался, чтобы сельхозпродукция, предназначенная армии и флоту, поставлялась по назначению в установленные сроки. В этом ему помогал большой опыт организаторской работы. Член ленинской партии с 1918 года, Иван Матвеевич с момента пуска Волховской ГЭС работал ее директором. Затем несколько лет руководил Мурманской ТЭЦ. В конце 30-х годов его направили в Ловозеро. Здесь он трудился в исполкоме районного Совета депутатов трудящихся, налаживал работу управления сельским хозяйством.

Твердый общественный порядок решительно поддерживал маленький коллектив милиции во главе с коммунистом А. И. Ладыгиным.

Комсомольцы военной поры и сегодня помнят своих вожakov тех лет — Евгению Сидорову (Островскую), Клавдию Агееву, Марию Копырину (Цветкову), Марию Филиппову.

23—24 апреля 1944 года в Ловозере районная партийная конференция подвела итоги работы коммунистов и трудящихся района в период войны. Район передал армии и флоту 5900 тран-

* Народный комиссариат заготовок СССР.

спортных оленей, 1613 комплектов упряжи к ним, 1119 нарт, на фронт отправлено около 750 тонн мяса-оленины и 300 тонн озерной рыбы, сотни тонн картофеля, капусты. Подписка на военные займы составила 1 миллион 200 тысяч рублей. В фонд обороны передано почти столько же средств.

С радостью и гордостью встретили жители древнего Ловозера День Победы. 9 мая 1945 года состоялся в селе массовый митинг. Пришли все — и стар и млад, никто не остался дома. Здесь же, на митинге, многим колхозникам вручили медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Этой наградой было отмечено 365 жителей района, 172 человека награждены медалью «За оборону Советского Заполярья». В их числе были пастухи отец и сын Кирилловы — Гавриил Федорович и Евдоким Гавриилович, отец и сын Юрьевы — Поликарп Иванович и Гавриил Поликарпович, тракторист Михаил Александрович Забродин, председатель колхоза «Тундра» Иван Семенович Рочев, женщины-пастухи Анфиса Егоровна Кириллова, Марина Васильевна Терентьева, Устинья Ивановна Юрьева.

Более двухсот жителей района из 800 воевавших не вернулись домой с полей сражений.

Алексей Григорьевич Агафонов и Степан Сергеевич Чупров сложили головы недалеко от родного дома, в Карелии; у Петсамо погибла Клавдия Кирилловна Гаврилова; Василий Алексеевич Шаршин навсегда остался под Ленинградом; Иван Андреевич Данилов и Иван Федорович Терентьев пали на Волге; Василий Филиппович Рочев героически погиб на Смоленской земле; могила Виктора Сергеевича Чупрова в Латвии, которую он освобождал...

2 февраля 1945 года умер от ран ловозерский учитель, один из создателей саамского национального хора Николай Дмитриевич Юшкевич. Похоронили его в братской могиле венгерского города Бая, на берегу Дуная. Сиротливо стоит у его дома в Ловозере разросшаяся ива, которую сберегла жена Галина Гавриловна.

В Германии погиб Григорий Акимович Хатанзей...

Только из маленького, в несколько дворов, села Чудзьявр не вернулись домой Александр Макарович Антонов, Константин Васильевич Терентьев, Степан Сергеевич Чупров, Яков Осипович Юлин, Алексей Трифонович и Захар Дмитриевич Яковлевы и бывший председатель сельсовета Иван Маркович Яковлев.

Много семей без мужчин, детей без отцов осталось в Вороньем, Чальмны-Варрэ, Краснощелье.

Отдали свои жизни за Родину 111 ловозерцев, в их числе Василий Павлович Антонов, Алексей Герасимович, Пегасий Сергеевич и Стратоник Николаевич Каневы, Максим Андреевич Попов, Се-

мен Иванович и Степан Иванович Рочевы, Степан Сергеевич Чупров, Федор Николаевич Юрьев, Иван Маркович и Трифон Александрович Яковлевы.

У Александры Даниловны Хатанзей самых близких людей отняла война: мужа Акима Васильевича, брата Федора Даниловича Канева и сына Григория Акимовича.

Жители района помнят о земляках, не вернувшихся с войны. По заданию райкома комсомола юные следопыты не один год дом за домом обходили в каждом селе, рассылали письма по стране, чтобы установить имена всех погибших земляков, разыскать их могилы. Этим важным патриотическим делом все послевоенные годы занимались военкомат, районная газета и другие учреждения и организации.

И теперь имена всех жителей Ловозера, не вернувшихся с войны, высечены на обелиске, кото-

рый поднялся в центре саамского села.

В тундре и спустя много лет после войны находили сбитые советские военные самолеты. Останки летчиков переносили в населенные пункты, хоронили с воинскими почестями. Над братскими могилами вставляли памятники и обелиски.

Но они оставались молчаливыми и безымянными. И тогда снова начинали поиски следопыты. Писали в архивы и музеи, связывались с советами ветеранов войны. Благодаря следопытам, а также настойчивым поискам журналистов районной газеты было установлено, что в Ловозере похоронены погибшие при выполнении боевого задания летчики одного из полков 7-й воздушной армии подполковник Анатолий Леонтьевич Базилевский, младший лейтенант Константин Иосифович Бердникович, капитан Виктор Васильевич Полтавцев. Один из майских праздников, в 1967 году,

был в Ловозере особенно торжественным: на открытие мемориальной доски с именами героев-летчиков приехали их родные и близкие. Более двадцати лет они не знали, как погибли и где похоронены их мужья, отцы, братья.

В Краснощелье перенесли останки другого экипажа и вскоре установили, что числившиеся безымянными летчики — это лейтенант Степан Федорович Лудцев, техник-лейтенант Иван Николаевич Бойцов, техник-лейтенант Василий Александрович Грудин, старшина Иван Ермолаевич Свириденко. А вокруг обелиска, на котором высечены имена шестнадцати погибших за Родину односельчан, школьники посадили 16 рябинок.

В Ревде перезахоронен экипаж самолета, которым командовал капитан Георгий Иванович Кузин.

Именами героев-летчиков названы улицы сел и поселков, пионерские отряды, дружины, школы.

А над домами ветеранов войны алеют звезды — знаки памяти и благодарности юного поколения.

БУДНИ

 еще в декабре 1944 года Мурманский областной комитет партии обратился к командованию Красной Армии с просьбой демобилизовать находившихся на фронте оленеводов, чтобы приступить к восстановлению главной отрасли экономики коренных жителей Кольского полуострова, не дожидаясь окончания войны. Большинство из них — около ста человек — пастухи из Ловозерского района.

Первыми прибыли Федор Григорьевич Канев, Александр Семенович и Макис Поликарпович Рочевы, Ефим Григорьевич Хатанзей, Петр Павлович Юрьев — они воевали на Карельском фронте, недалеко от родных мест. Потом одну за другой сельчане встретили еще несколько групп.

Бывшим воинам полагался отпуск, но они сразу же выехали в тундру, где паслись сильно поредевшие за время войны стада (на 1 января 1941 года в районе насчитывалось 29 880 оленей, а в начале 1945 года — 19 600; в два раза уменьшилось прежнее пятитысячное стадо оленей, насчитывавшихся в личных хозяйствах колхозников).

Фронтовики взялись за дело засучив рукава. Перво-наперво собрали всех животных — отколовшихся, потерянных, прибывших к стадам других хозяйств. Много хлопот доставляли олени,

долгое время остававшиеся без присмотра. Полудикие, они боялись человека и оленегонных собак-лаек. Многие животные становились добычей расплодившихся медведей, волков, росомых. Много погибало неокрепшего молодняка весной, когда подтаявший за день снег ночью покрывался прочной ледяной коркой и животные не могли достать ягель.

Правления колхозов засиживались до поздней ночи. Как и до войны, определяли маршруты движения стад на каждую пору года: весну, лето, осень, зиму, — выбирая для каждого сезона наиболее удобные и богатые ягелем участки тундры. С помощью специалистов — землеустроителей, ботаников, биологов, прибывших из Москвы, Ленинграда, Мурманска, уточнили оленеемкости пастбищ. В тех местах, где ягельники пострадали больше всего, поставили деревянные и проволочные изгороди. Эти нехитрые приспособления не позволяли оленям разбредаться далеко по тундре. Почти полностью прекращался вольный и резко сокращался полувольный выпас. Теперь один-два человека постоянно находились на дежурстве, следили за стадом, направляли его движение, оберегали от хищников. На зимних и летних маршрутах строили избы с подсобными помещениями: банями, навесами, складами. В тундру чаще выезжали врачи, ветеринарные работники, зоотехники. В штаты районного отдела культуры вводились должности работников красных чумов, эти специалисты призваны были организовать культурное обслуживание пастухов в тундре.

Вскоре сложились крепкие, работающие бригады, которые возглавили опытные пастухи Г. П. Галкин, Е. Т. Кириллов, К. А. Сорванов, И. П. Филиппов, П. И. Юлин.

За год в каждом колхозе хотя не намного, но стада увеличились: в «Тундре» с 9856 до 10 617 оленей, в «Красной тундре» — с 3470 до 3849, в «Краснощелье» — с 2676 до 2849, в «Добровольце» — с 2057 до 2256, в колхозе «Вперед» — с 864 до 900. А в целом по району стадо выросло с 19 600 до 21 150 голов.

Страна еще залечивала раны, нанесенные войной, но саамы, коми, ненцы и в то труднейшее время чувствовали заботу государства о них, малых народах Севера. Из Кольской МТС в Ловозеро приходили тракторы: осушали болота, вывозили камни с полей, пахали землю. По зимнику тракторы добирались в Краснощелье. Проложив нелегкий 150-километровый путь по безлюдной тундре, доставляли жителям этого отдаленного села промышленные и продовольственные товары. Увеличивалась финансовая помощь колхозам и колхозникам, они освобождались от налогов.

Эта большая помощь, напряженный труд колхозников, и прежде всего пастухов, позволили добиться к концу первой послевоенной пятилетки многого. Общественное стадо оленей превысило довоенное. В тундре выпасались 30 987 колхозных оленей. Больше

стало животных и в личных хозяйствах (3134), хотя здесь довоенный уровень еще не был превзойден (в 1941 году колхозники района в личном пользовании имели 4953 оленя).

Таким образом, была создана база для дальнейшего развития отрасли, и на ее основе были достигнуты успехи в следующей пятилетке, о чем свидетельствует таблица. Количество оленей по колхозам и в целом по району здесь приводится в сравнении с 1940 предвоенным годом.

Колхозы	Количество оленей, гол.			
	Годы			
	1940	1953	1954	1955
«Тундра»	11685	17706	18486	20016
«Красная тундра»	5160	5384	5524	5574
«Краснощелье»	3547	4370	4856	5177
«Доброволец»	2339	3672	4100	4400
«Вперед»	1183	1422	1427	1470
Всего ...	23914	32554	34393	36637

Увеличивался выход мяса. В «Краснощелье» его, например, получили: в 1954 году — 259 центнеров, в 1955-м — 328, в 1956-м — 460.

Опытную оленеводческую станцию, которая со дня образования находилась неподалеку от Краснощелья, в 1955 году перевели в Кольский район, где для нее построили специальную базу у железнодорожной станции Лопарская. Улучшились ее связи с другими научными учреждениями страны, особенно Европейского Севера. Расширялась тематика исследований. В те годы научные сотрудники станции Т. П. Соловьев, О. А. Федорова, Э. М. Смигул, А. С. Салазкин экспериментальным путем установили потребности оленей в поддерживающем и продуктивном корме, перевариваемость пастбищных кормов в разные сезоны года, разработали предложения о подкормке транспортных животных рыбной мукой, комбикормом и сеном. Изучали возможности разведения и выпаса оленей в лесной зоне, результативность минеральной подкормки. Впервые в стране на опытной станции получили гибрид тофаларских животных (до 280 килограммов весом) и местных, в два раза меньших по весу. Производственной базой этих исследований по-прежнему оставались оленеводческие хозяйства Ловозерского района, и внедрялись они там в первую очередь.

Еще одной важной разработкой ученых МООС стали научно обоснованные рекомендации о маршрутах движения оленьих стад в разные сезоны года.

Таким образом, оленеводы района с первых послевоенных лет внедряли в своей отрасли все новое, передовое, и это в немалой степени сказалось на быстром ее развитии. Что касается другой отрасли — молочного животноводства, то поголовье крупного рогатого скота, несмотря на трудные военные годы, в районе не сократилось. В 1940 году насчитывалось 132 коровы, а в 1945-м — 190, в 1946-м — 205. К 1950 году район располагал стадом в 300 голов крупного рогатого скота.

Коров саамские семьи завели сравнительно недавно, но научились ухаживать за ними, и надой молока, хотя и медленно, увеличивались. Если в 1944 году от коровы получали 872 килограмма (надой низкие главным образом из-за нехватки кормов), то в 1950 году уже 1500 килограммов.

К концу первой послевоенной пятилетки в районе производилось более 230 тонн молока. Перерабатывающих заводов на месте не было, и вся молочная продукция потреблялась жителями в натуральном виде. Молоко ежедневно выдавалось колхозникам после утренних и вечерних доек и засчитывалось в оплату по трудодням.

Замечательно трудились в послевоенные годы ловозерские доярки Клавдия Ивановна Филиппова и Пелагея Васильевна Ладошкина. Любовью к делу, старанием они доказали, что молочное животноводство и в условиях тундровых колхозов может успешно существовать, давать ценный продукт, приносить доходы хозяйствам.

1 августа 1954 года снова открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Один из ее стендов в павильоне «Ленинград и Северо-Запад» посвящался колхозу «Тундра». Участниками выставки наряду с оленеводами стали названные выше труженицы-доярки. В среднем по району надой от коровы еще не достигал 2000 килограммов, а они получали от своих коров свыше 2500 килограммов.

Больше рыбы стали добывать рыбаки. В 1944 году на внутренних водоемах они добыли всего 50 центнеров щуки, сига, хариуса, кумжи, а в 1950-м — в четыре раза больше.

В те послевоенные годы у жителей тундры появилось еще одно хозяйственное занятие. Они стали разводить пушных зверей в неволе. В 1952 году колхоз «Тундра» приобрел у совхоза «Кольский», который специализировался на пушном звероводстве, 62 норки да 2 диких поймали в лесу, в следующем году купили еще 15 песцов. Первым звероводом стал комсомолец Андрей Филиппов. Потом у него появились помощники: Нина Галкина, Павла Дергунова, Мария Сорванова, Таисия Юрьева. Так родилась колхозная звероферма. Руководил ею коммунист Степан Ильич

Филиппов. Когда Андрей Филиппов ушел служить в армию, его заменил младший брат Петя.

Звероферма быстро оправдала себя, приносила хорошие доходы.

По примеру «Тундры» обзавелись фермами и в других селах. Энтузиастами новой отрасли стала молодежь: в Краснощелье — сын оленевода Василий Филиппов, в Чальмны-Варрэ — Павла Матрехина.

Еще до войны ловозерцы и жители других сел научились выращивать на полях картофель, капусту, репу и другие культуры. Теперь участки расширились. Все понимали: чтобы достичь предвоенного, высокого уровня жизни и превзойти его, нужно работать не покладая рук. И старались. По 800—900 трудодней в год вырабатывали многие колхозники, а иные и по 1000—1200. Дружная и старательная работа приносила хорошие результаты. Увеличивались доходы колхозов. К концу первой послевоенной пятилетки, несмотря на большие государственные поставки продукции, на трудодни повсеместно распределялось уже не по 4—5 рублей, как сразу после войны, а по 8—10, в некоторых хозяйствах — по 12—15. Кроме того, выдавалось много мяса, молока, рыбы, других продуктов.

Доходы колхозников значительно увеличились в 50-е годы. Так, к примеру, семья оленевода Афанасия Яковлевича Семяшкина в 1954 году получила на трудодни 15 047 рублей деньгами, 637 килограммов мяса, 470 килограммов молока, 275 килограммов рыбы. (Семья состояла из четырех человек.)

В 1957 году были расширены льготы народам, населяющим приполярные зоны страны. Государство брало на себя все расходы по содержанию детей малых народностей Севера в дошкольных учреждениях и школах-интернатах, в том числе детей саамов, коми, ненцев, проживающих в Мурманской области. Каждое лето большинство воспитанников детских садов и яслей, учащихся общеобразовательных школ стали проводить на юге. Дети коренных жителей тундры на льготных условиях поступали в техникумы и институты.

Преображались, меняли облик села и поселки. К пяти улицам Ловозера (Советской, Колхозной, Пионерской, Больничной и Почтовой) прибавились новые: Мира, Комсомольская, Краснофлотская, Школьная, Спортивная, Туристов, Полярная, Северная, Южная, Полевая, Новая. В Краснощелье вместо одной стало пять улиц. И сами улицы становились иными.

В 1955 году в Ловозере построили первый двухэтажный восьмиквартирный жилой дом. Вскоре подобные дома, в то время казавшиеся на фоне низких изб огромными, стали подниматься на Советской и Пионерской улицах.

Из традиционно сельскохозяйственного район становился промышленно-сельскохозяйственным.

В годы войны небольшое горно-обогатительное предприятие, едва начавшее свое существование, было остановлено. Оборудование его демонтировали, часть помещений приспособили под склады, некоторые постройки разобрали. Вольно гулял ветер по глубокому ущелью. В острых сугробах тонули входы на рудник, обогатительную фабрику. Но вот по весенней распутице дотянулась до Ильмы колонна из трех тракторов и двенадцати грузовиков. И тишина навсегда ушла из этих мест. На подтаявший снег выгружались материалы, оборудование. Передвижную электростанцию тащили на санях из Пулозера. Когда до Ильмы оставалось совсем немного, почти полностью сошел снег, и последние километры оказались невероятно трудными. Начали рубить просеку для постоянной линии электропередачи. Широкой ровной полосой тянулась она со станции Оленья через сопки и болота. И сюда, на Ловозерский горно-обогатительный комбинат, приходили фронтовики. С 7 октября 1948 года мастером-строителем работал Николай Иванович Кузнецов — скромный, добросовестный труженик. На Пятом Километре (так называли небольшой поселок, образовавшийся недалеко от дороги на Ловозеро) сам срубил избу, где поселился с женой. И мало кто знал, что Николай Иванович — Герой Советского Союза, удостоен ордена Ленина и двух орденов Славы, ордена Красной Звезды, награжден медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и другими*.

Родился он в 1922 году в небольшой деревеньке Петручи на Вологодчине, в семье участника штурма Зимнего. Учился в школе ФЗО. За месяц до начала войны получил направление на Кольский полуостров. На фронте командовал отделением разведки. После ранения и госпиталя продолжал воевать в истребительном противотанковом полку. В Севастополе Николай Иванович первым водрузил Красное знамя над зданием железнодорожного вокзала. Особенно отличился он в Восточной Пруссии, в самом Кенигсберге. Звание Героя Советского Союза присвоено ему 19 апреля 1945 года. Участвовал и в Параде Победы в Москве, представлял свою 263-ю Сивашскую стрелковую дивизию.

До мая 1963 года работал Николай Иванович Кузнецов на строительстве Ловозерского горно-обогатительного комбината. Намеревался надолго, если не на всю жизнь, остаться здесь. Но напоминали о себе фронтовые раны, медики настоятельно советовали сменить климат. Поселился он с семьей в городке Пестово Новгородской области, где стал работать на местном лесо-

* 9 мая 1985 года Н. И. Кузнецов участвовал в параде, посвященном 40-летию Победы.

заводе. Там в его жизни произошло еще одно важное событие. Вот как об этом писала газета «Правда» в 1980 году: «До недавнего времени их было только трое — Героев Советского Союза и одновременно полных кавалеров орденов Славы всех трех степеней, полученных за ратные подвиги в Великой Отечественной войне. И вот теперь... мы узнали имя четвертого. Это — Николай Иванович Кузнецов, житель небольшого городка Пестово...» Нашел своего владельца затерявшийся на дорогах войны орден Славы I степени!

До сегодняшнего дня северяне добрым словом вспоминают Николая Ивановича.

Много тружеников приходило на комбинат по организованному набору. Так оказался здесь кузнец Виктор Иванович Маркелов. За ним потянулись его братья: Борис, Валентин, Константин, Николай. В числе первых был Алексей Павлович Чехин, много лет впоследствии трудившийся на предприятии. Первопроходцами с полным основанием можно назвать Василия Арсентьевича Баскова, Николая Петровича Бушманова, Николая Андреевича Тарабуева, Николая Алексеевича Чеченина.

Нелегко приходилось первым. Из парусиновых палаток часто посматривали на гору Карнасурт, которая по-прежнему служила им барометром. Закурилась ее седая вершина — жди непогоды, не одни сутки ураганный ветер будет содрогать тонкие стенки времянок.

Тут же, на промплощадке, в бараках и даже в палатках, жили директор комбината Владимир Федорович Игошин, парторг Василий Александрович Богданов и другие руководители.

Прежде всего восстановили маленькое довоенное предприятие.

Уже в декабре 1946 года многие строители переквалифицировались в обогатителей: осваивали профессии дробильщиков, сушильщиков, концентраторщиков, становились слесарями и электриками, дизелистами и кочегарами. В январе следующего года на фабрике уже работало 47 человек.

Одновременно строили новые цехи. Для этого создали производственную базу: автотракторный парк, механическую мастерскую, бетонный завод и лесозавод, склады на железнодорожных станциях Пулозеро и Оленья.

Кирпич возили издалека, с Кильдинского завода.

Вскоре один за другим важнейшие объекты вступали в строй: в мае 1951 года — компрессорная станция; в июле — штольни «Главная» и «Подэтажная», несколько подготовительных, четыре рудоспуска на руднике, дробильный корпус обогатительной фабрики, котельная, насосная и кислородная станции; в августе — ремонтно-механический цех с литейным, кузнечным, котельным и станочным переделами, электровозная откатка на руднике; несколько позднее — главный корпус фабрики. Подключили к системе «Колэнерго» электролинию Оленегорск — Ильма напряжением 110 киловатт.

Комбинат принят в эксплуатацию 29 сентября 1951 года. Так Ловозерский горно-обогатительный родился второй раз, в трудный для страны послевоенный период. Это было предприятие с новейшей для того времени технологией, особенно на обогатительной фабрике. Из рудника порода поступала на две дробилки — щековую и конусную, затем, по закрытой галерее, в бункер и в основной корпус — правитационный. В технологический процесс включались стержневая мельница, шесть отсадочных машин, сотрясательные столы, флотационные установки, сушильная печь и магнитные сепараторы.

Большую трудовую школу прошли здесь, учились умению хозяйствовать будущий директор Ковдорского ГОКа Алексей Иванович Сухарев, возглавивший позднее трест «Апатитстрой» Вячеслав Константинович Егоров, назначенный директором рудника «Карнасурт» Валентин Михайлович Забродин.

С пуском новых цехов коллектив комбината заметно увеличился.

Вместе с другими выпускниками Ленинградского горного института пришла в те дни на Ловозерский комбинат технолог Раиса Сергеевна Алпацкая. Всю дальнейшую жизнь связала она с этим предприятием, длительное время трудилась здесь главным обогатителем. Почти одновременно с ней приехали рабочая Тамара Федоровна Кокина, мастер Аркадий Иванович Магаршак. И у них в трудовых книжках, как и у многих других инженеров

и рабочих, запись о месте работы до ухода на пенсию оставалась единственной.

Коллектив стремился быстрее вывести предприятие на проектные мощности. Проходчики на руднике ежемесячно перевыполняли установленные нормы. Обогагатели отрабатывали наиболее рациональные технологические схемы. Увеличивались добыча руды, переработка ее и выпуск концентрата. Однако некоторое время в готовом концентрате оказывались нежелательные примеси, и его приходилось пускать в переработку. Но и эту проблему решили, построив химическую лабораторию, организовав ежедневный контроль за качеством продукции. В течение одной пятилетки Ловозерский горно-обогатительный комбинат вышел на запланированные рубежи — и по количеству выпускаемой продукции, и по ее качеству. Реконструкция комбината, увеличение его мощностей способствовали дальнейшему развитию сельского хозяйства. Линия высокого напряжения с площадки комбината шагнула дальше, через сопки и болота дотянулась до Ловозера. Электроэнергией и раньше широко пользовались в районе, но вырабатывали ее дизельные локомобили. Новую высоковольтку намечалось ввести в строй в конце 1955 года, но жители районного центра выходили на субботники и воскресники, рубили лес на будущей трассе, помогали устанавливать высокие опоры, и Ловозеро к государственной энергетической системе подключили намного раньше, 3 февраля. Открылись новые возможности для применения электричества на производстве и в быту. Отпала необходимость в строительстве гидроэлектростанции, проект которой был разработан еще до войны.

Вместе с предприятием росла и его партийная организация. К моменту пуска комбината уже действовали 8 цеховых парторганизаций: рудника, фабрики, управления, АТК и других цехов и подразделений. Только в 1951 году вступили в партию 14 человек. Среди них был и лучший кузнец Виктор Иванович Маркелов.

Жилой поселок возводили не на месте довоенного, а подальше от горы Карнасурт, от пронизанного ветрами ущелья — внизу, на лесистой равнине. Здесь быстро росли домики, появлялись улицы: Советская, Победы, Профсоюзов, Лесная, Нагорная, Северный Тракт. Поселок называли Ревдой.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 16 мая 1950 года Ревде официально присвоили статус рабочего поселка. 26 июля образовался поселковый Совет. Прошли выборы. В числе 29 депутатов в его состав вошли 11 лучших рабочих и служащих комбината. 28 декабря состоялась первая сессия поселкового Совета. Председателем избрали Александра Ивановича Китаева, заместителем — Марию Яковлевну Смирнову, секретарем — Марию Павловну Попову.

В 50-е годы Ловозерский горно-обоганительный комбинат считался одним из лучших предприятий области. Активно работали рационализаторы, изобретатели. Шпуры в забоях стали бурить коронками меньшего диаметра, чем на аналогичных рудниках, причем все расчеты и опытные образцы рабочие изготовляли сами. Увеличивалась производительность труда бурильщиков: если прежде в смену проходили 30 погонных метров, то теперь около сорока.

В числе первых предприятий области здесь появились комплексные бригады, в состав которых входили скреперисты, крепильщики, откатчики, перекидчики. Это дало возможность заметно сократить внутрисменные простои, увеличить выпуск руды.

Геологи практически никогда, со времен А. Е. Ферсмана, не прекращали исследования и изучение Ловозерских тундр, особенно западных склонов щелочного массива. Их работа приобрела еще более планомерный характер после того, как 18 марта 1955 года образовалась Ловозерская геологоразведочная экспедиция. Здесь многие годы плодотворно трудились геологи И. В. Буссен, В. В. Герасимовский, П. Л. Румянцева, А. С. Сахаров, Я. М. Фейгин, И. Г. Чупров, им помогали топограф А. И. Павлов и геофизик Ю. П. Герасимов. Изучив старые запасы минералов, они пришли к выводу, что предприятие следует расширять. Областной комитет партии и облисполком, центральные ведомства поддержали их предложения. Появились планы модернизации и дальнейшего развития предприятия.

Предстояло вскрыть новые горизонты на руднике, построить новые цехи на фабрике, в том числе щелочной.

Больше внимания, чем при предыдущих реконструкциях, уделялось социальным проблемам. В поселке намечалось построить

два новых детских сада, хлебопекарню, столовые, магазины, три молодежных общежития и другие объекты.

Широкое строительство началось в 1955 году. Было создано специальное строительное управление «Ловозерстрой». На Кольском полуострове в те годы строилось многое: города Апатиты, Заполярный, Оленегорск, новые мощности на комбинатах «Печенганикель», «Апатит» и Оленегорском ГОКе, судовой верфи «Севрыбы» и Мурманского морского пароходства, цехи рыбообрабатывающего комбината, железнодорожная ветка Мурманск — Никель, автомобильные дороги.

Трудовых ресурсов не хватало, и по призыву ЦК ВЛКСМ в Мурманскую область с комсомольскими путевками приехала молодежь из Белоруссии, Ленинградской, Вологодской и Псковской областей.

Многие юноши и девушки стали известными в области строителями, специалистами в других отраслях. Отлично работали на сооружении новых мощностей предприятия, жилых домов и других зданий в поселке комсомольско-молодежная бригада Ивана Быковского, штукатуры Зоя Петровская и Лидия Сколупович, крановщик Георгий Мозейко. Строитель Леонид Судник пошел работать учителем труда в школу*.

Штукатур Ефросинья Рабочая и слесарь Алексей Казаков избирались (в разное время) первыми секретарями Ловозерского районного комитета комсомола.

Произошли заметные изменения в социальной структуре района. Ведущим отрядом трудящихся района стал рабочий класс. Только на руднике работало более 200 человек, свыше 100 — на фабрике, несколько сот человек — в других цехах и производствах.

В 1959 году на руднике «Карнасурт» внедрена буровая скамейка, которая не только подняла производительность труда, но и снизила влияние вибрации на организм человека. Смонтировано дистанционное управление главным вентилятором, установлены автоматические вентиляционные двери, вакуумная установка для обезвоживания концентрата перед сушкой.

Быстро росла и хорошела Ревда. Для сотен родившихся здесь граждан она стала родным и самым близким уголком на земле.

Каждый послевоенный год вносил много добрых перемен в облик района. Телефонная связь соединила самые далекие тунд-

* Позднее Л. И. Судник закончил педагогический институт и стал одним из лучших преподавателей труда в Мурманской области, ему присвоено почетное звание «Заслуженный учитель РСФСР».

ровые села с районным центром, с Мурманском, со всей страной.

В Ловозере и во всех других селах района работали детские сады и ясли, школы, магазины, библиотеки.

Особенно большие успехи были достигнуты в здравоохранении. Открылись новые больницы в Ревде на 35 коек и в Краснощелье на 11 мест. Больницы и фельдшерско-акушерские пункты действовали во всех других населенных пунктах. Все свои силы и знания отдавали этому благородному делу врачи Г. С. Ананьева, К. Д. Башмаков, М. Б. Капикранян, Л. А. Кордемская, Н. А. Морозова, К. В. Панова, Т. М. Тарасова, Л. В. Шевлякова, Е. И. Якимова.

Серьезные медицинские исследования инфекционных заболеваний, которые нередко поражали жителей тундры, стал вести молодой врач Никита Петрович Шамлян. Он добирался до оленеводческих бригад, как бы далеко они ни находились, до колхозных рыбаков, на каком бы озере они ни промышляли. Его знали в каждом доме. Никита Петрович защитил кандидатскую диссертацию, связал свою судьбу с Ловозером.

В 1958 году ловозерцы отметили примечательный юбилей — 350-летие села. Торжественное собрание проходило в новом Доме культуры, первом каменном здании. Но неподалеку уже поднималось трехэтажное здание школы-интерната. Все более зримые очертания приобретали корпуса новой центральной районной больницы. Эти новостройки как бы символизировали новую жизнь села, в которую оно вступало.

НОВОЕ СЕЛО

пыт коллективного ведения оленеводства убеждал, что наиболее крепки, рентабельны крупные хозяйства, поэтому в конце 50-х — начале 60-х годов небольшие колхозы (15—20 дворов) присоединялись к соседним, более сильным. Конечно, соседство это в тундре выглядело весьма относительно — селения располагались в десятках километров одно от другого. И все же процесс укрупнения шел.

В апреле 1959 года к ловозерской «Тундре» присоединили колхоз «Вперед», располагавшийся в селе Чудзьявр, в котором было всего 18 хозяйств.

...Дома по зимнику перевезли в районный центр тракторами, поставили на новом месте на крепкий фундамент. И бытовые условия людей неизмеримо улучшились. В их маленьком селе была лишь начальная школа. Медицину представлял фельдшер. А в Ло-

возере были средняя школа, больница с многими врачебными отделениями, Дом культуры, телефонная станция и многое другое. Ко всему этому получали доступ и чуждзявры. Заработок в колхозе «Тундра» также был выше. И существующая здесь денежная оплата, и многие другие льготы теперь, естественно, распространялись на новых членов колхоза.

Объединенный колхоз возглавил Григорий Сидорович Кузнецов, к тому времени — опытный хозяйственный работник и умудренный жизнью человек. В 1933 году подростком он приехал на Кольский полуостров из Горьковской области. Окончил в Мурманске школу счетоводов и отправился в далекий тундровый поселок Оксина, где распо-

лагалась тогда оленеводческая станция. Добросовестно работал, да так, что на этом скромном посту был удостоен серебряной медали Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В августе 1941 года ушел на фронт. Воевал на Кандалакшском направлении, войну закончил на территории Германии в составе Второго Белорусского фронта. Лишь в ноябре 1945 года снял погоны. В 1952 году жители Краснощелья избрали бывшего фронтовика председателем своего колхоза — и не ошиблись в выборе. Вскоре хозяйство стало одним из лучших в области. Семь лет набирался там опыта и сам Григорий Сидорович Кузнецов. И вот — новое крупное хозяйство.

В следующем году объединились колхозы «Краснощелье» и «Красная тундра», располагавшиеся в среднем течении Поноя, в центре полуострова — в селах Краснощелье и Чальмны-Варрэ. Общее стадо двух хозяйств, уступавшее по числу животных только «Тундре», состояло из 12 000 оленей. Село Чальмны-Варрэ, как

Ветеран колхозного движения, бывший председатель колхоза «Тундра»
Г. С. Кузнецов. Умер 27 мая 1988 года

и Чудзьявр, тоже опустело. Жители его переезжали в Краснощелье. Объединенному колхозу дали имя Ленина.

Область стала получать больше оленеводческой продукции. Если в 1955 году колхозники района произвели мяса-оленины 639 тонн, то в 1960-м — 1584 тонны. Возросли и доходы пастухов.

Обратимся к семье Афанасия Яковлевича Семяшкина, семейный бюджет которой мы уже однажды рассматривали. Вместе с отцом работали сыновья Леонид и Яков. В 1960 году эта семья заработала 34 765 рублей деньгами, 1335 килограммов мяса, 962 килограмма молока, 428 килограммов рыбы. К этому следует добавить, что немалый доход принесло стадо оленей, которое имелось в личном хозяйстве семьи, животные выпасались в колхозном стаде.

Однако есть и другое мнение по поводу процессов, происходивших в конце 50-х годов в тундровых хозяйствах. Некоторые специалисты считают, что не было необходимости объединять колхозы и ликвидировать села Чудзьявр и Чальмны-Варрэ. Несмотря на их отдаленность, труднодоступность, они были жизнеспособны, им надо было помочь.

Лучшей в области в те годы по праву считалась оленеводческая бригада колхоза имени В. И. Ленина, которой руководил молодой пастух Егор Павлович Данилов. Скромный труженик

Девушки из Краснощелья

тундры, отец четверых детей, он был избран делегатом XXII съезда КПСС.

Страна оказывала оленеводам всевозрастающую помощь. В 1962 году были повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, в том числе на оленину, через три года введены надбавки к закупочным ценам на оленьё мясо. Крепла экономика оленеводческих колхозов. Они отказывались от натуральной оплаты труда и переходили на денежную (в «Тундре» перешли с 1 августа 1960 года), предоставляли колхозникам ежегодные оплачиваемые отпуска; колхозники уходили на пенсию в те же возрастные сроки, что и рабочие и служащие.

26 февраля 1963 года к «Тундре» присоединился вороненский колхоз «Доброволец». Тут была иная причина. На реке Воронья строились Серебрянские гидроэлектростанции, и территория села оказывалась в зоне затопления. Жители его решили не обосновываться где-либо в тундре, а перебраться в Ловозеро. Министерство энергетики и электрификации выделило средства, в райцентре построили 60-квартирный благоустроенный дом, и все жители села свободно и уютно разместились под одной крышей. Теперь в их квартирах было не только электричество: они пользовались газом, горячая и холодная вода поднималась на все этажи.

Колхоз «Доброволец» (село Воронье) имел огромные ягельные пастбища, которые оставались неосвоенными. Теперь объединенному крупному хозяйству они оказались кстати. Зимние и летние маршруты движения оленьих стад разрабатывались более рационально, с учетом новых территорий.

1 февраля 1963 года в Ловозерский район была включена вся территория бывшего Саамского района (за исключением поселка Гремиха). Присоединились сразу пять населенных пунктов: Каневка, Поной, Иоканга, Сосновка и Варзино. Два из этих селений имели солидный возраст: Поной, как уже отмечалось, был известен с 1570 года, а Иоканга (Иокангский погост) — с 1620-го. Каневка образовалась одновременно с Краснощельем, в 1924 году, когда сюда пришли Василий Федорович Канев с братьями Алексеем, Афанасием, Егором и Сергеем (в следующем году возле речки Югонька рядом с первой встала еще одна изба — сестры Харитины Федоровны с мужем).

Село Поной (в 20-е годы — волостной, потом — районный центр) располагалось на правом берегу одноименной реки, километрах в двенадцати от впадения ее в море.

На Поное, только выше по течению, среди леса, окаймлявшего долину, стояла Каневка. Рядом были хорошие рыбные угодья, богатые сенокосы, ягельники.

Иоканга растянулась вдоль склона прямой улицей на северном побережье Кольского полуострова. Интервенты и белогвардейцы,

захватив в 1918 году власть на Севере, создали здесь каторжную тюрьму для политических заключенных, из которой бежать было невозможно: впереди — море, позади — сотни километров тундры и бездорожья. Только в феврале 1920 года над Иокангой взвился Красный флаг.

Сосновка — единственное саамское селение на юго-восточном побережье Кольского полуострова.

Варзино долгое время являлось летним становищем семиостровских саамов. Позднее, чем в других селениях, появились здесь постоянные жители.

Ко времени административной перестройки в бывшем Саамском районе было четыре колхоза: «Север» в селе Поной, имени Чкалова в Сосновке, «Искра» в Иоканге, «Большевик» в Варзино, а также совхоз «Понойский» в селе Каневка. Хозяйство его являлось многоотраслевым: люди занимались оленеводством, животноводством, ловили рыбу, разводили пушных зверей. Но экономика оставалась слабой. Насчитывалось около 10 000 оленей, из них более половины — совхозных. В Поное, самой семужной реке Кольского полуострова, бригады колхоза «Север» вылавливали довольно много ценной рыбы, ежегодно более тысячи центнеров. В то же время в приморских селах Иоканга и Сосновка уловы были значительно ниже. Каждый колхоз и совхоз имел свою животноводческую ферму, но там содержалось всего по 16—20 коров. Лишь десятки гектаров составляли пахотные земли. Присоединение к более сильному в экономическом отношении Ловозерскому району открывало перед жителями прибрежных сел и селений на берегах Поной новые большие возможности.

Решалась и важная социально-политическая и демографическая задача: саамы Кольского полуострова становились жителями одного района. Территория его намного расширялась, достигала теперь 60 000 квадратных километров и простиралась на севере до Баренцева моря, а на востоке — до Белого.

Оленеводство — главная отрасль экономики обширного тундрового района — развивалось высокими темпами. Если до объединения двух районов в их хозяйствах насчитывалось около 40 000 оленей, то уже в следующем году — почти 67 000. Существенно возросло производство мяса. Теперь практически все олени пастбища Кольского полуострова были сосредоточены в одних руках. А это позволяло вводить пастбищные обороты, давать «отдых» различным участкам и в конечном итоге рациональнее использовать кормовые запасы и оберегать природу. Достоянием пастухов становилось все лучшее, что выработала к этому времени практика, в том числе и местный опыт: они отказывались от вольного и полувольного выпаса.

Труд оленеводов становился все более почетным и уважаемым.

Многие пастухи были отмечены орденами и медалями. В их числе Фома Григорьевич Захаров, Егор Игнатьевич Кузьмин, Григорий Максимович и Афанасий Яковлевич Семяшкины, Константин Александрович Сорванов, председатель колхоза «Тундра» Григорий Сидорович Кузнецов и старший зоотехник этого хозяйства Созон Васильевич Нюров.

Крепло, становилось важной отраслью экономики хозяйств района молочное и мясное животноводство. Строились новые современные фермы. Только в «Тундре» стали получать ежегодно свыше 10 000 центнеров молока. Этого добились как увеличением поголовья, так и повышением его продуктивности. Надой молока от коровы достигали в среднем 4000 килограммов.

Привычным занятием жителей Ловозера, Краснощелья становилось домашнее звероводство. Тысячи песцовых и норковых шкурок отправлялись отсюда на аукционы и пушно-меховые базы.

Местные птицефермы практически полностью обеспечивали потребности населения в яйце и мясе птицы.

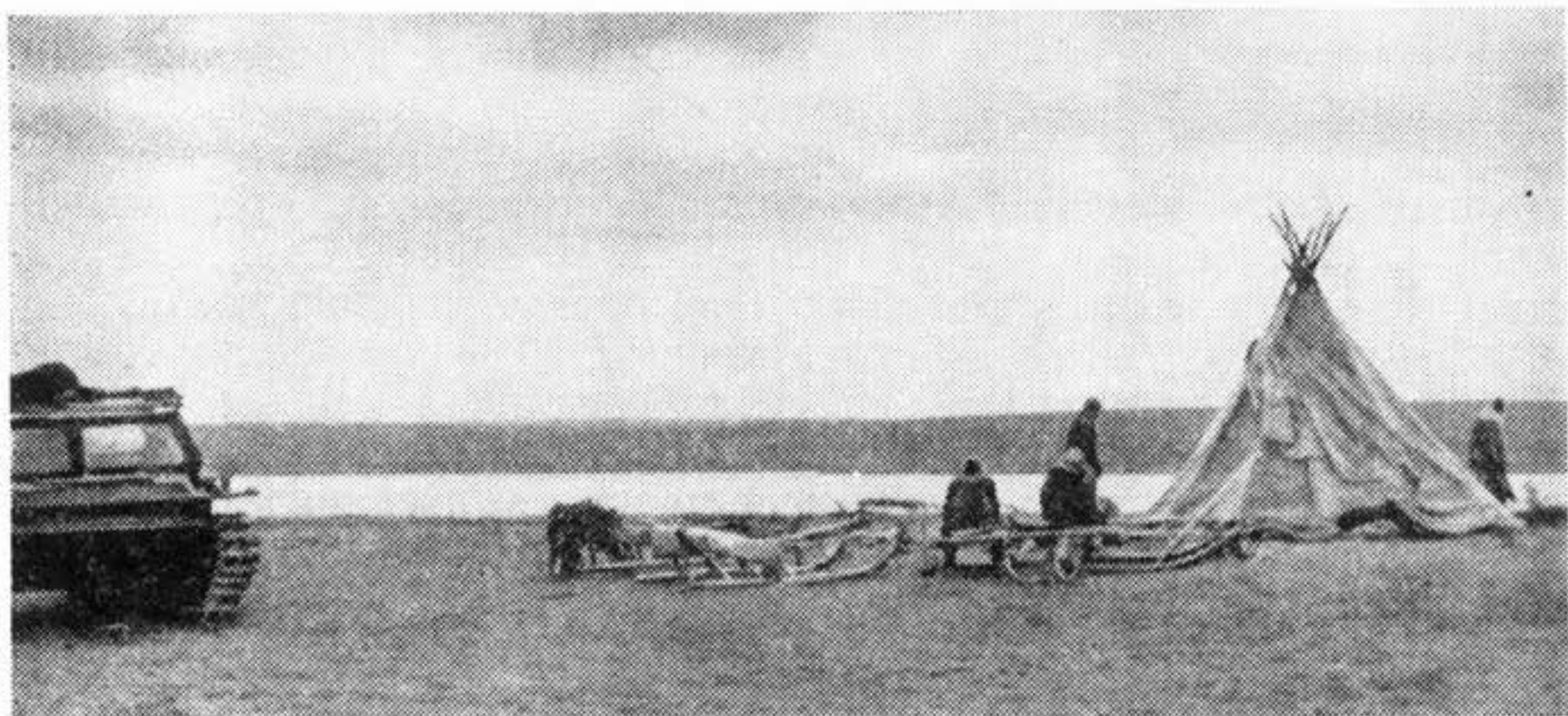
В села все больше поступало техники. Автотракторные парки имели десятки автомашин, тракторов, много других машин и механизмов.

Структурно-хозяйственные изменения и концентрация сельскохозяйственного производства происходили и в 70-е годы.

С 7 января 1971 года колхоз «Тундра» стал совхозом. Он вышел не только на высокий уровень развития производства. По уровню предоставления различных благ жителям он не отличался от государственных предприятий. Вместо натуральной действовала денежная оплата труда — колхозники получали аванс и ежемесячную заработную плату. Они пользовались ежегодными оплачиваемыми отпусками. А пенсии их были даже выше, чем у некоторых категорий рабочих совхозов того времени. Почетные колхозники, ветераны колхозного производства пользовались различными дополнительными льготами.

Преобразование колхоза в совхоз открывало новые возможности для увеличения выпуска продукции, повышения благосостояния жителей, так как с этого времени хозяйство финансировалось государством, продукция его закупалась по твердым ценам.

Однако поднять на более высокий уровень экономику колхоза «Север» (в Поное) и имени Чкалова (в Сосновке) не удавалось. Из-за большой удаленности этих селений от центра и бездорожья, малой численности жителей в селах и эти хозяйства пришлось объединять с другими. Олени передавались в Краснощелье и Каневку, а люди переезжали по их желанию в эти села или в Ловозеро. Однако со сносом старинного поморского села Поной, по-

видимому, поторопились. Расположенное в устье реки, оно могло стать центром крупного рыболовецкого колхоза.

Одновременно с присоединением к более крупным слабым хозяйствам создавались и новые. В 1976 году на окраине Ревды, на базе бывшего подсобного хозяйства Ловозерского горно-обогатительного комбината, появился совхоз «Ревда», который стал специализироваться на развитии молочного животноводства и свиноводства. Создание его диктовалось жизнью: рос горняцкий поселок, количество жителей в нем приближалось к 10 тысячам. В год своего рождения совхоз имел всего несколько десятков коров да 270 свиней. А в 1980 году хозяйство уже располагало полутысячным стадом коров, имело 1500 свиней, около 20 000 кур.

В 70-е годы главная отрасль экономики района — оленеводство — получила новое развитие. Для иллюстрации можно сравнить первый и последний годы десятой пятилетки. В 1976 году оленины получено 6965 центнеров, в 1980-м — 8907 центнеров (из них 5000 центнеров — в совхозе «Тундра»). Уровень рентабельности отрасли достиг 300 процентов. Ни одна другая отрасль сельского хозяйства не дает такой прибыли.

Хорошо шли дела в других бригадах.

Однако хозяйства стали ощущать нехватку пастухов. Молодежь привлекали города. Отслужив в армии, парни не всегда возвращались в родные места. И тогда в Ловозере открыли филиал Кольского сельского профтехучилища, стали готовить буду-

щих тружеников тундры управлять тракторами, автомашинами, мотонартами, дизельными электростанциями и радиостанциями. Число заявлений в два раза превысило число учебных мест. Сказалась многолетняя работа кружка юных оленеводов, которым руководил сын пастуха, выпускник Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена П. П. Юрьев. Совхоз «Тундра» выделил учебному хозяйству 150 оленей, различную технику и оборудование. Через два года первым 26 выпускникам торжественно вручили дипломы. 15 ребят пополнили оленеводческие бригады совхоза «Тундра», 8 отправились в Краснощелье, остальные поехали в другие села. В числе первых выпускников училища, первого подобного в нашей стране, были Иван Антонов, Михаил Захаров, Вячеслав Юлин, Егор Карпов...

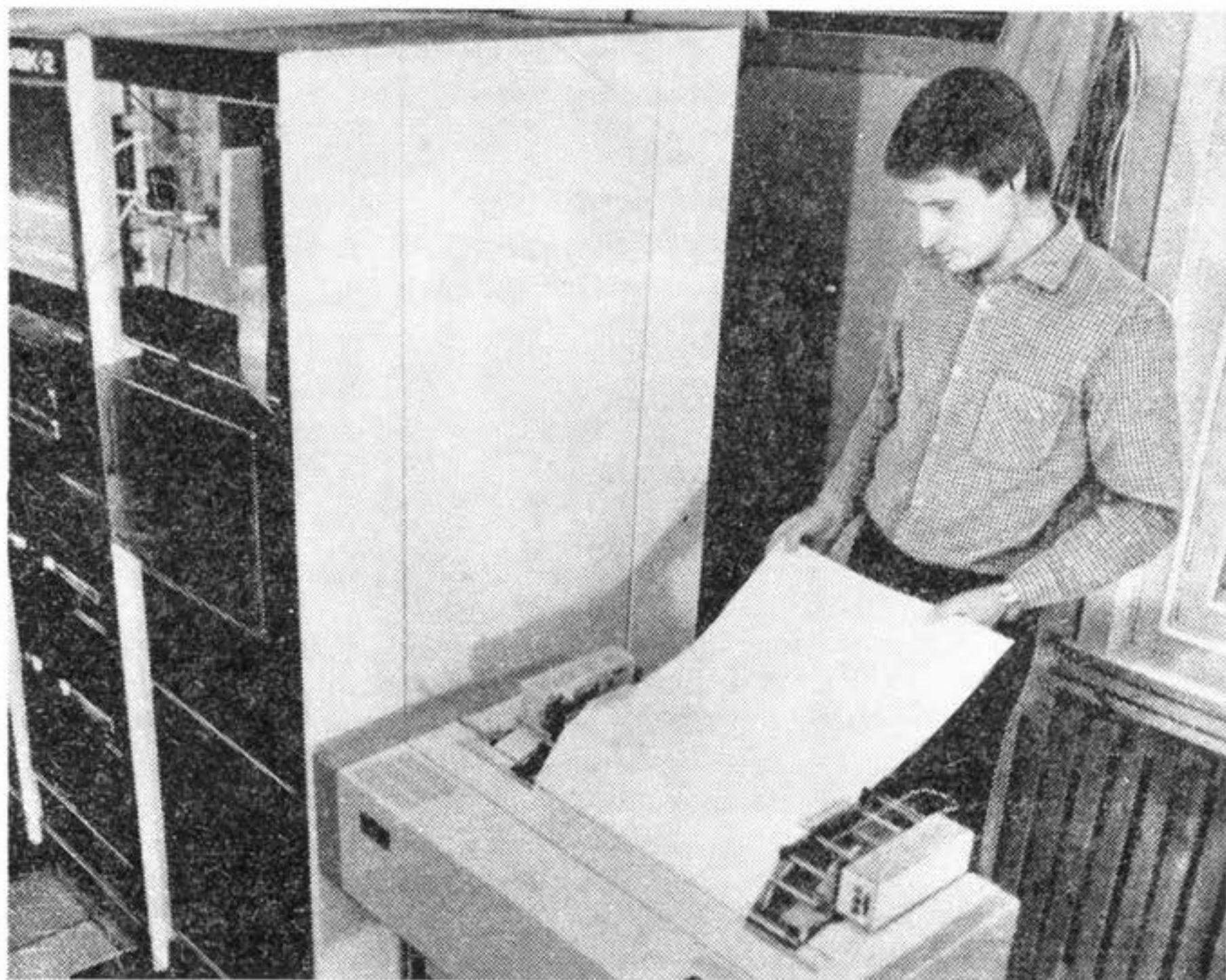
В 1959 году в Ловозере открылась школа-интернат с комплексом учебных и производственных зданий. Дети саамов, коми, ненцев стали учиться на полном государственном обеспечении. Средние школы работали также в Ревде и в Краснощелье. В начале 60-х годов здесь работали десятки учителей, занималось около 1200 школьников. Через десять лет число их увеличилось почти вдвое. 1 сентября 1969 года в просторном каменном здании открылась новая школа. В старой, деревянной, разместили Дом пионеров.

Дети коренных жителей тундры становились учителями, врачами, специалистами учреждений культуры. Появились и свои научные работники. Обсерваторию Полярного геофизического института Кольского филиала АН СССР возглавил, например, саам Василий Павлович Селиванов. (Эта единственная в стране высокоширотная станция ведет наблюдения и измерения, которые включаются в программы всесоюзных и международных геофизических проектов и экспериментов.) Василий Павлович закончил физико-математический факультет Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, преподавал в своей родной Ловозерской школе. На новом месте он работал сначала младшим научным сотрудником, затем старшим инженером и, наконец, стал руководителем обсерватории*.

Примечательное событие произошло 24 июля 1962 года. В Ревде начала функционировать ретрансляционная станция; в домах жителей горняцкого поселка и ловозерцев засветились экраны телевизоров.

За десять лет — с 1957 по 1967 год — удвоился книжный фонд библиотек (с 82 000 томов до 160 000).

* Василий Павлович Селиванов имеет более 20 научных трудов, избирался депутатом районного и областного Советов народных депутатов.

...1965 год, Ленинград. Ловозерский саамский хор становится лауреатом Всесоюзного смотра художественной самодеятельности. Ему аплодируют воины-североморцы, москвичи и ленинградцы, звучат саамские песни по Всесоюзному радио и Центральному телевидению и даже Интервидению, хор побывал в Финляндии, Швеции, Норвегии. В 1969 году ему присвоено звание народного. Впоследствии этот самодеятельный коллектив стал ансамблем песни и танца. В тот же период в Ловозере открылась музыкальная школа, что благотворно сказалось, кроме всего прочего, на песенном творчестве: в хор стали приходить парни и девушки, знакомые с музыкальной грамотой.

Ленинградские кинематографисты широко использовали саамские напевы, мелодии, исполненные участниками Ловозерского

саамского хора, в фильме «Лавина» (1977 г.), рассказывающем о покорителях Кольского Севера.

Молодые ловозерцы участвовали в международных фестивалях молодежи и студентов: телятница совхоза «Тундра» Антонина Захарова представляла земляков на III фестивале, а секретарь райкома ВЛКСМ Андрей Сытенький — на VI фестивале в Москве.

Значительным явлением в культурной жизни стало открытие музея саамского быта. 27 декабря 1968 года алую ленту разрезали восьмидесятилетний старожил Алексей Максимович Галкин и первоклассница школы-интерната Галя Канева.

Музей создавался не сразу. Сначала это был краеведческий кружок в школе-интернате, которым руководила учительница О. Н. Шахова. Первые экспонаты приносили сами ребята. Потом доброе дело продолжил учитель географии П. П. Юрьев. Сейчас Ловозерский музей — филиал Мурманского областного краеведческого. Заведует им Г. А. Кулинченко, научный сотрудник — З. И. Брылева, увлеченные, любящие свое дело и преданные ему люди.

Экспонаты музея рассказывают о прошлом и настоящем корен-

В Ловозерском музее

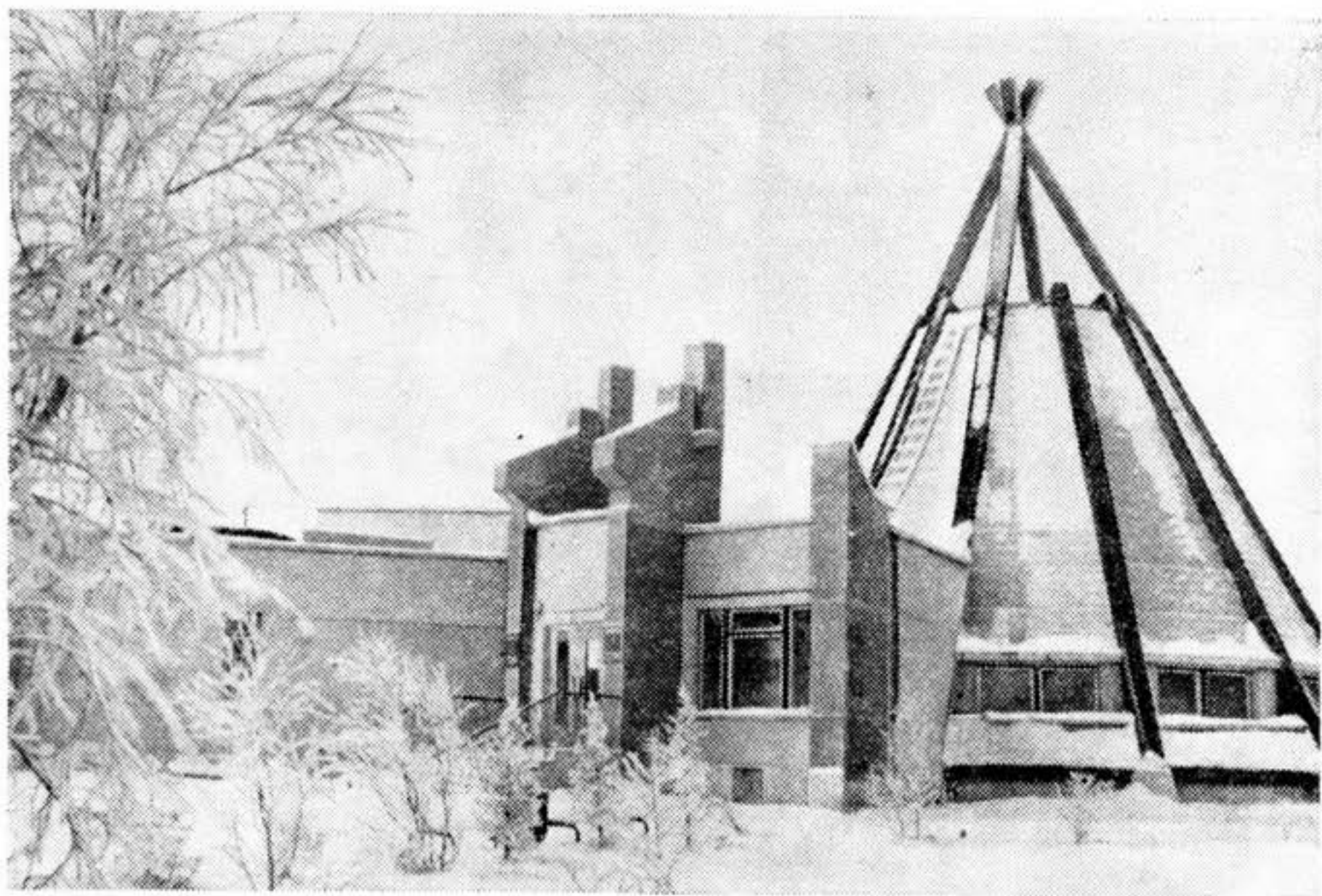
ных жителей Ловозерья. Здесь представлены археологические находки, обнаруженные учеными на территории района, и орудия охоты — наконечники стрел, копий, топоры, молоты. Договорные грамоты и летописные сообщения свидетельствуют о добрых отношениях саамов и русских. Обращает на себя внимание небольшая книжка — «Азбука для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии», изданная в 1895 году.

Один из стендов посвящен ученым-исследователям: А. Я. Ефименко, Г. М. Кертуту, Я. А. Комшилову, Т. В. Лукьянченко, Н. Н. Харузину, В. В. Чарнолускому.

Прочные связи установились у ловозерцев с жителями других северных районов. Делегации выезжали в Нарьян-Мар, Салехард, Сыктывкар, село Ижма, откуда в конце прошлого века пришли на Кольский полуостров коми. Изучали опыт, делились своим. Принимали гостей у себя.

В 1976 году в порт приписки Мурманск пришел большой морозильный траулер «Ловозеро». Жители села подружились с его экипажем. Встречали корабль в Мурманске после долгих рейсов в море, приглашали рыбаков в гости, вместе с экипажем участвовали в общественных мероприятиях в Мурманске и Ловозере.

В 1961 году 24 семьи ловозерцев переехали в первый камен-

ный трехэтажный дом. Одна за другой стали появляться четырех-, пятиэтажки; выстраивались они на Советской, Пионерской, Колхозной улицах, образовали целый городок на левом берегу Вирмы.

Рождалось новое село, с современным архитектурным обликом. Расширялось медицинское обслуживание. Выездная сессия Академии медицинских наук СССР, которая проводилась в Мурманске (1961 г.), совместно с Министерством здравоохранения РСФСР отметила успехи медицинской помощи, оказываемой жителям тундры.

А сделано и делается многое. Навсегда ушли в прошлое эпидемии и многие болезни. Здоровыми растут дети. Увеличилась продолжительность жизни. Так, в 1980 году, например, ловозерцы отметили 100-летие со дня рождения своей землячки Марии Ефимовны Зотовой. По национальности она коми, замуж вышла за ненца, родила шестерых детей. Таких долгожителей ни у саамов, ни у коми, ни у ненцев прежде не было.

КЛАДЫ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Из года в год росли мощности Ловозерского горно-обогатительного комбината. За полтора десятилетия здесь сложился дружный рабочий коллектив. Горняки и обогатители не только перевыполняли производственные задания, но работали без рекламаций. Творческие бригады, в состав которых вошли инженеры и рабочие, совершенствовали производство. Их предложения, разработки облегчали труд, улучшали качество продукции, нередко меняли технологические схемы.

Теперь уже в Ревду ехали за опытом.

В начале 80-х годов началось строительство второй очереди комбината, ставшей ударной стройкой района. О размахе работ

говорит число строительных организаций — 17! Когда поднялись новые корпуса, сюда приехали специалисты Всесоюзного научно-исследовательского института «Механобр» — монтировать новое оборудование.

Быстро росла партийная организация предприятия. Стали проводиться не отчетно-выборные партийные собрания, а партийные конференции. Особенно памятна для тружеников комбината первая из них — 17 ноября 1973 года. Принципиально оценили коммунисты сделанное, резко критиковали виновных в волоките и формализме. Секретарем парткома избрали своего товарища — Г. А. Козика. И дела пошли намного лучше.

На строительстве второй очереди комбината был выполнен значительный объем работ: перемещено около 700 000 кубометров грунта, уложено 17 000 кубометров бетона, железобетона, смонтировано 29 000 тонн металлоконструкций, более 2500 единиц различного оборудования, проложено 16 километров трубопроводов, построено около тысячи благоустроенных квартир.

Пошла руда и на новую обогатительную фабрику.

Значительно улучшились условия труда. На руднике внедрили мокрое бурение, по откаточным штрекам пошли электровозы. На фабрике смонтировали трехъярусные обогатительные столы. Появились электрическая сепарация, вакуумные приспособления для обезвоживания концентрата перед сушкой. Раньше, чем на других подобных предприятиях страны, заполярные обогатители запустили струйные концентраторы.

Продолжалась реконструкция ранее существовавших мощностей. Были перестроены отделения прежней обогатительной фабрики у горы Карнасурт, причем без остановки производства.

В годы девятой пятилетки комбинат почти в два с половиной раза увеличил добычу и переработку руды, а выпуск концентрата — в полтора раза. Значительно снизилась его себестоимость. В десятой пятилетке объем промышленного производства на комбинате возрос еще на 75 процентов. Больше половины основной продукции — лопаритового концентрата — аттестовалось государственным Знаком качества. В 1978 году основная продукция комбината — концентрат — аттестована на высшую категорию качества.

Важные изменения произошли в структуре экономики района: в общем объеме производимой продукции промышленная стала превышать, и значительно, сельскохозяйственную. В 1976—1980 годах, например, комбинат выпустил ее на десятки миллионов рублей, а сельское хозяйство всего района — на 14 миллионов 100 тысяч рублей.

В те годы в Ловозерскую тундру пришла железная дорога.

Преображалась и автомобильная трасса Оленья—Ловозеро. Насыпь подняли над болотами и трясинами, покрыли асфальтом.

Наладилось воздушное сообщение. Самолет с ловозерского аэродрома поднялся впервые в 1958 году, через семь лет здесь построили аэропорт. Кроме основной взлетно-посадочной полосы, оборудовали дополнительную. Площадки для приема самолетов появились в Краснощелье, Каневке, Сосновке. Открылось прямое воздушное сообщение Ловозеро—Кировск—Ленинград. В 1965 году местная авиация перевезла 800 пассажиров, 200 тонн грузов, а в 1972-м — уже 3,5 тысячи пассажиров, 1000 тонн грузов.

Четверть века возглавлял коллектив Ловозерского аэропорта Петр Фомич Цыганчук, человек, преданный авиации, краю и людям, живущим здесь.

Большое внимание промышленному развитию района уделял райком партии, в разные годы возглавляемый опытными партийными работниками Г. В. Красулиным, И. К. Мигуновым, А. А. Новиковым, П. П. Гуляевым.

Вскоре после пуска второй очереди Ловозерского горно-обогатительного комбината началось новое крупное строительство на берегу Умбозера: еще один рудник с обогатительной фабрикой. Многочисленные корпуса ступенчатым каскадом спускались вниз; одновременно возводились котельная, очистные сооружения, столовая, многие другие вспомогательные цехи и производства.

Площадка для застройки оказалась трудной. Взрывникам пришлось разрушить, а бульдозеристам, экскаваторщикам, автомобилистам переместить тонны каменистого и скального грунта. И снова строителям, горнякам и обогатителям Ловозера и Ревды помогали строительно-монтажные организации Мурманской области, в том числе такая крупная, как «Мурманскпромстрой». Действовал штаб во главе с секретарем обкома партии В. Ф. Романенко, работал совет бригадиров под руководством опытного строителя Н. А. Бабушкина.

Плотники, бетонщики, каменщики возвели корпуса. Монтажники установили тонны сложнейших конструкций. Электрики и трубоукладчики протянули десятки километров коммуникаций. 46 различных зданий и сооружений появились на берегах Умбозера да почти столько же под землей — на руднике.

Во второй половине 1983 года объекты один за другим вводились в эксплуатацию.

24 августа опробовали первую мельницу на обогатительной фабрике, потом еще три. 20 декабря пустили оборудование всей технологической линии от рудника до фабрики. Машинист основного опрокида А. Н. Затеев включил пульт, и мощная махина медленно перевернула вагон с рудой. Загрохотала дробилка. Побе-

жала широкая лента 1200-метрового главного конвейера. Как она поведет себя? На предпусковых испытаниях лента сползала, терлась о конструкции, нагревалась.

Все в порядке! Ожили бесчисленные ролики, барабаны.

26 декабря государственная комиссия подписала акт о приеме в эксплуатацию нового предприятия. В тот же день состоялся митинг. Открыл его первый секретарь райкома партии, делегат XXVI съезда КПСС В. А. Страхов.

— Умбозерский горно-обоганительный комплекс в строю, — сказал он. — Промышленность получила новые мощности. Это наш вклад в дальнейшее развитие экономики Мурманской области.

О том, как сооружалось предприятие, рассказали бригадир строителей М. И. Литовченко, руководитель группы наладчиков Е. Н. Шафранский, экскаваторщик В. М. Левандеев, дробильщик фабрики Ю. И. Щукин.

Начальник Главмурманскстроя Н. Е. Момот * вручил почетные грамоты обкома партии и облисполкома, Минтяжстроя СССР трудовым коллективам, передовикам производства. Управляющий трестом «Оленегорсктяжстрой» А. С. Иванов передал символический ключ директору Г. В. Веберу. Секретарь райкома партии и директор комбината разрезали алую ленту.

Нелегко осваивался новый комплекс. Не хватало специалистов. «Капризничала» новая техника. Сказывались строительные недоделки. Но постепенно положение выправлялось. Приходили на предприятие специалисты. Действовал собственный учебно-курсовой комбинат, где готовились специалисты многих ведущих профессий: машинисты самоходных буровых установок и погрузочно-доставочных машин, бурильщики скважин и проходчики.

Отрабатывалась технология добычи руды. Испытывалось одновременно несколько перспективных вариантов. Практика показала, что наиболее приемлем в условиях Заполярья камерно-целиковый способ. На нем и остановились.

Внедрялась новая проходческая и буровая техника. Одна за другой бригады переходили на хозяйственный расчет.

Однако на новом предприятии не решены до конца проблемы очистки сточных вод, защиты Умбозера, куда попадают необесфторенные шахтные воды. Проекты различных институтов, которые сейчас разрабатываются, могут быть воплощены только в 1993—1995 годах! А что до тех пор?

На старом предприятии, у горы Карнасурт, смонтировали установку и стали получать, кроме основной продукции, эгирино-вый концентрат. Разработали и внедрили способ производства нефелино-полевошпатового концентрата для бытового стекла. Осво-

* Ныне — Герой Социалистического Труда.

или добычу и обогащение апатито-лопаритовых и других руд. Заменялись струйные концентраторы и концентрационные столы высокопроизводительными винтовыми сепараторами и шлюзами. При этом сберегалось большое количество электрической энергии.

На руднике создавался новый шахтный комплекс, который называли «Уртиты». Он прорезал гору выше отметки плюс 458 метров. Здесь основные работы выполнялись под руководством ветеранов предприятия — главного инженера А. И. Половникова и главного обогатителя Р. С. Алпацкой.

Ловозерский ГОК становился основательной производственной и испытательной базой для научных учреждений страны. С ним связаны некоторые исследования институтов «Гиредмет», «Механобр» и других.

Оленеводы. Отец и сын Чупровы. Константин Иванович — ветеран войны и труда. Эстафету труда принял его сын Владимир

Горняки и обогатители не раз отмечались государственными наградами. Ордена Ленина в 1966 году был удостоен бурильщик И. И. Емельянов. В числе отмеченных в разное время другими наградами были также машинист скреперной лебедки А. А. Деревневский, проходчик С. П. Лопук, бригадир бурозаправщиков В. И. Маркелов, концентраторщица А. Н. Чеченина, мастер фабрики Н. М. Маташ, старший мастер, первый послевоенный парторг комбината В. А. Богданов, техрук Р. С. Алпацкая, начальник рудника «Карнасурт» В. М. Забродин, главный инженер А. И. Половников, директор комбината В. Г. Румянцев. Бурильщику А. И. Шабанову присвоено звание «Почетный горняк». В 1986 году награжден орденом Трудового Красного Знамени Г. Н. Автомонов — главный энергетик обогатительной фабрики «Умбозеро», один из старейших работников предприятия.

Многие клады, схороненные природой под землей, уже взяли люди. К многим еще предстоит проложить дорогу. Над этим работают, думают геологи, инженеры, хозяйственные руководители.

Сокращению пути к подземным кладовым способствует перестройка хозяйственного механизма, введение хозрасчета, бригадного подряда, выборности руководителей комбината. В июне 1987 года тайным голосованием был избран новый руководитель рудника Умбозерского комплекса В. В. Атясов, работавший ранее начальником второго горного участка. Среди других кандидатов коллектив отдал ему предпочтение за высокую инженерную грамотность, заботу о людях.

СОЛНЦЕ НАД ТУНДРОЙ

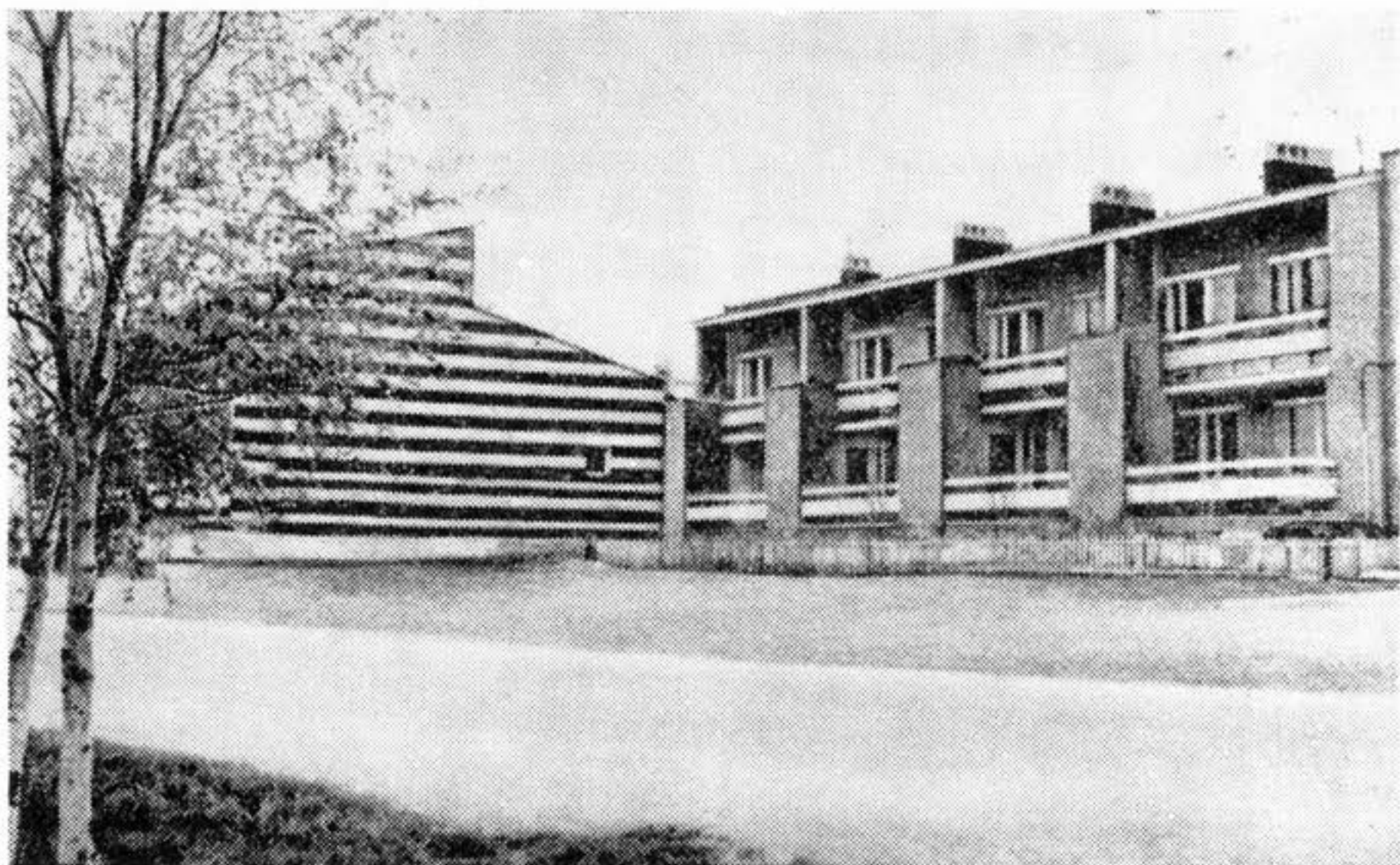
Новой точкой отсчета больших и добрых дел жителей тундры, еще одним свидетельством большой заботы о них стало принятое в 1980 году постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера». Опираясь на него, райком партии и райисполком с помощью ученых Кольского филиала Академии наук СССР, различных специалистов разработали комплексный план экономического и социального развития района на период до 1990 года: глубоко обоснованную, научную программу развития района, учитывающую крупные капитальные вложения в его экономику и культуру и местные экономические возможности.

В комплексном плане дана оценка изменившейся экономической структуры района. Традиционная отрасль — оленеводство —

осталась ведущей, но лишь в сельском хозяйстве. В промышленности давно уже вышла на первое место горная металлургия.

Оленеводство приобрело крупные хозяйственные масштабы. Мы проследили в предыдущих главах, с чего оно начиналось в 20-е годы. А теперь, в середине 80-х, только в одном Ловозерском районе Мурманской области в двух его оленеводческих совхозах — «Тундра» и «Памяти Ленина» — насчитывается около 70 000 оленей. В оленеводстве производится более 70 процентов валовой сельскохозяйственной продукции.

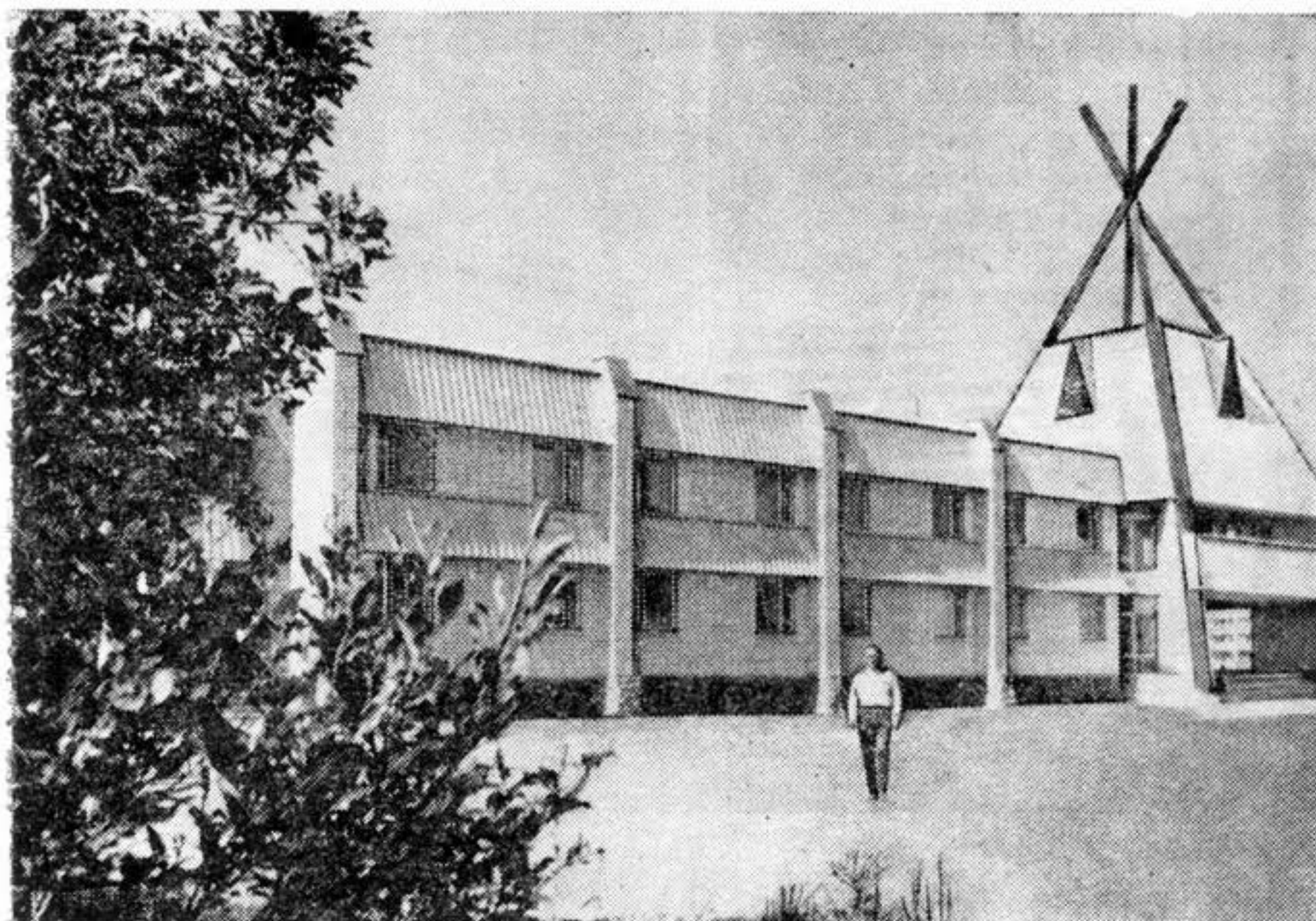

Отрасль стала, кроме того, важной сферой участия в общественном труде коренного населения. Она обеспечивает стабильное развитие экономики тундровых совхозов, подъем жизненного уровня людей.

Сочетались традиционные, оправдавшие себя формы организации труда пастухов с новыми. Внедрялись бригадный подряд, звеньевой метод выпаса, при оплате труда применялся коэффициент трудового участия.

Большую помощь хозяйствам в рациональном использовании пастбищ, в организации пастбищеоборотов оказывали научные учреждения: Мурманская опытная оленеводческая станция (МООС), Норильский научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера. Совхозы района стали заключать с ними прямые договоры на выполнение тех или иных исследовательских работ. С помощью ученых МООС, например, была разработана программа научного ведения оленеводства в двенадцатой пятилетке. Планировалось, в частности, построить 10 новых промежуточных баз для пастухов на оленьих маршру-

Коттеджи.

тах. Разработан типовой проект застройки усадьбы оленеводческой бригады.

Базы для пастухов в тундре строились добротные (ныне их уже более 60), с малогабаритными электростанциями, газом, передвижными санными домиками, радиосвязью, подсобными помещениями.

Для связи с пастухами еще шире стала использоваться авиация — самолеты и вертолеты; получил постоянную «прописку» в тундре и новый транспорт — вездеходы и снегоходы.

Устойчиво, прочно утвердилось в районе молочное животноводство. В совхозе «Тундра» для улучшения условий труда на фермах ввели двухсменку, впервые в области. Каждая доярка стала обслуживать не менее 100 коров.

Производство молока в районе превысило 10 000 центнеров. Средний надой от коровы в начале 80-х годов составил 4000 килограммов и оказался на уровне таких крупнейших в области хозяйств, хорошо отлаженных и специализированных, как совхозы «Тулома» и «Кольский».

Во многих национальных районах страны ищут, как соотнести древние традиции с сегодняшними ритмами жизни. Ловозеро — тоже горячая точка этих поисков. Здесь тоже разгорались жаркие споры о том, как учесть, например, при массовой застройке интересы пастухов. Архитекторы предложили четырехквартирные благоустроенные дома с квартирами в двух уровнях, со специальными площадками возле домов для оленьих упряжек. Событием стал ввод в 1982 году в Ловозере трех первых коттеджей.

Современное Ловозеро строится по генеральному плану, разработанному институтом «Мурманскгражданпроект». Основное направление — уплотнение существующей застройки, сосредоточение многоэтажного строительства в центральной части села.

Сейчас жилой фонд Ловозера составляет сотни тысяч квадратных метров, 90 процентов квартир — благоустроенные.

Новоселье справили районная библиотека, типография, торговый центр, стоматологическая поликлиника. Распахнул двери Дом культуры со спортивным залом.

В 1987 году в Ловозере открыт первый в области туристический приют «Вирма» — филиал туристического комплекса «Лап-

Фольклорная группа из села Краснощелье

ландия», получивший название по имени местной речки. Двухэтажное здание со стилизованным куполом в виде чума может принять одновременно около 100 человек. К их услугам — удобные номера, библиотека, кабинет туриста... Интересны и новые маршруты — лыжные, горнолыжные, рыболовные. Рядом с «Вирмой» — музей саамского быта, кафе «Чум».

Побывавший в Ловозере родоначальник нивхской письменности и литературы, секретарь правления Союза писателей РСФСР Владимир Санги заметил в связи с этим, что жители Ловозера, пользуясь коммунальными услугами в объеме городских, сумели не нарушить природную гармонию и что этот опыт может стать весьма поучительным для других северных национальных районов страны.

Летом 1986 года одна из старейших улиц села — Колхозная — переименована в улицу сержанта Анатолия Краснославовича Вокуева, земляка ловозерцев, воина-интернационалиста, коми по национальности, который проходил службу в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

За мужество и самоотверженность, проявленные в бою, сержант Анатолий Вокуев посмертно награжден орденом Красного Знамени; еще ранее он отмечен медалью «За отвагу».

...Автоколонну внезапно обстреляли душманы. Выстрелом из гранатомета они подожгли ведущий бронетранспортер. Движение застопорилось. Но наши парни не растерялись, открыли мощный огонь из крупнокалиберных пулеметов, автоматов, гранатометов. Прицельно бил по укрывшимся в скалах бандитам санинструктор Анатолий Вокуев. Когда рядом упала брошенная душманом граната, у Анатолия был шанс спастись, но он поступил так, как подсказал ему долг: прикрыл своим телом раненого товарища...

За последние десятилетия необычайно возрос интерес к истории, языку, литературе, устному народному творчеству, быту жителей тундры. Последовательно ведутся в районе археологические исследования. Сотрудник Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР Н. Н. Гурина, многие годы изучавшая древние расселения на полуострове, в том числе и в нынешнем Ловозерском районе, открыла более 300 неолитических стоянок, и большинство из них — по берегам Ловозера, а также единственную в своем роде «картинную галерею» наскальных изображений в долине реки Поной.

Саамский язык — объект изучения кафедры языков, фольклора и литературы народов Крайнего Севера Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена и Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Сотрудник этого институ-

та доктор филологических наук Г. М. Керт издал монографию «Саамский язык».

Крупным явлением общественной жизни области стало утверждение в 1982 году нового саамского алфавита на русской графической основе (авторы Р. Д. Куруч, А. А. Антонова, Б. А. Глухов) и издание в том же году саамского букваря, созданного ловозерской учительницей Александрой Андреевной Антоновой и прекрасно оформленного ленинградскими художниками Л. А. Сергеевым, В. И. Цикотой, Л. М. Московским, П. А. Кузнецовым. В средней школе Ловозера подготовительный класс стал заниматься на родном языке. Один из самых малых советских народов получил свою письменность.

С 23 марта 1983 года местное радио стало вести на саамском языке часть своих передач. В их подготовке участвовали представители саамской интеллигенции: начальник геофизической обсерватории В. П. Селиванов, учителя Л. Д. Яковлев и А. Н. Яковлева.

В Москве готовится к выходу книга З. Е. Чернякова (автора одной из первых саамских азбук и одного из первых саамских букварей) «Очерки по этнографии саамов. Введение в лопаристику». В ней отражен полувековой опыт работы советских исследователей над проблемами маленького северного народа. В книгу включены архивные материалы исследователей А. Я. и П. П. Ефименко, М. М. Ковалевского, Н. Н. и В. Н. Харузиных, И. Н. Шмакова, В. Ю. Визе и других.

В 1985 году произошло еще одно примечательное событие в общественно-политической и культурной жизни саамов. Издательство «Русский язык» выпустило большой (40 печатных листов) саамско-русский словарь, в котором зафиксирована лексика (8000 слов) младописьменного саамского языка, охватывающая хозяйственную и производственную жизнь, культуру и быт народа.

Инициативная группа по созданию словаря была создана при отделе народного образования Мурманского облисполкома еще в 1976 году. Вошли в нее представители русской и саамской интеллигенции. Выезжали в места расселения саамов лингвистические экспедиции. Велась научная исследовательская работа по изучению фонемного состава и теоретических основ языка. Составлялась картотека на основе живой саамской речи.

Немало трудностей поджидало создателей словаря. Кольские саамы говорят на четырех диалектах, и в каждый входит ряд говоров. В качестве опорного был взят кильдинский, на нем говорит большинство людей, к тому же он является центральным по географическому и экономическому положению саамских селений.

Большую помощь авторам оказывали крупные советские лингвисты, специалисты по финно-угроведению и саамскому языку

академик АН СССР Б. А. Серебренников, профессор П. Ю. Алвре, кандидаты филологических наук Ю. С. Елисеев и К. К. Коньт.

Непосредственные авторы этой крупной работы — Н. Е. Афанасьева, Р. Д. Куруч, Е. И. Мечкина, А. А. Антонова, Л. Д. Яковлев, Б. А. Глухов.

— Какая радость знать язык своих предков — говорит А. А. Антонова, научный сотрудник НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР. — Саамы веками жили в тундре и нашли наиболее точные определения ее рассветам и закатам, долгим выюжным дням и светлым летним ночам. Для одного только понятия «холод», например, в языке саамов имеется около сорока слов! Как же не ценить такое богатство!

В Мурманске вышла первая книга стихов саама Аскольда Бажанова «Солнце над тундрой», получившая благожелательные отзывы читателей-северян и известных советских литераторов. Тепло и сердечно говорит он о своем крае:

Край суровый, моя отрада!
Вдалеке от уютных сел
я кочую с совхозным стадом,
я все время — как новосел!
Что ни пастбище — остановка.
Летом — куваксу, чум — зимой
строю быстро, не без сноровки,
неказистый ковчег земной.
Так же быстро снимаюсь с места,
если корма оленям нет,
и тропой — пастуху известной —
вновь иду я за стадом вслед.

Аскольд Бажанов пишет на русском языке, который стал для него, как и для миллионов советских людей нерусской национальности, вторым родным языком.

Заявила о себе и первая саамская поэтесса — Октябрина Воронова. Первый ее сборник стихов «Снежница» (перевод Владимира Смирнова) вышел в Мурманске в 1986 году. Предисловие к книге написал Владимир Санги. Он так и назвал его: «Зачинательница саамской литературы». Представляя читателям Октябрина Воронову, он писал: «Так чувствовать Север может только рожденный на Севере, для которого Север — не экстремальность, не отчуждение, не край героического (и сурового!) покорения, а дом родной — извечный, уютный, с мягкими как пыжик, сугробами». Еще раньше он отмечал, что «в лирических произведениях Октябрины Вороновой много обнаженной человеческой теплоты. Очевидно, надо родиться в тундре, чтобы к ней, заледенелой, обращаться с такими проникновенными словами: „Тундра ты, тундра — красавица моя, спутница, тундра, кормилица моя”». Он выразил уверенность, что стихи Вороновой войдут в хрестоматию народов Севера. Это заявка на создание литературного языка.

В 1987 году в издательстве «Современник» вышла еще одна книга стихов Вороновой — «Вольная птица». По линии ЮНЕСКО готовится к изданию (на языках народов мира) двухтомник произведений поэтов и писателей всех народностей Севера. В него включены песни, предания, эпические сказания и саамской поэтессы.

И Бажанов, и Воронова — участники совещаний молодых писателей страны, их стихи публиковались в крупнейших литературных журналах, коллективных сборниках, вошли в десятый том «Библиотеки литератур народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока».

Появляются в переводе с саамского стихи еще одной поэтессы — учительницы Екатерины Коркиной (перевод Риммы Марковой).

Рождается самая молодая советская литература — саамская.

На научной основе ведется изучение устного народного творчества саамов. Много делается в этом направлении сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР, интеллигенцией. В 1980 году Мурманское книжное издательство выпустило сборник саамских сказок (составитель — Е. Я. Пация), где были собраны 170 произведений устного народного творчества маленького северного народа, записанных в свое время Н. Харузиным, М. Пришвиным, В. Чарнолуским, В. Алымовым, К. Щеколдиным, а также А. Антоновой и О. Вороновой. Многие из них опубликованы впервые.

В 1986 году в Мурманске вышел еще один сборник саамских сказок для детей «Невеста Солнца», красочно оформленный художником В. И. Цикотой. Гастрольные маршруты саамского ансамбля песни и танца «Луявр», которым много лет бессменно руководит Валентин Данилович Гуринов, пролегают по многим дорогам Кольского полуострова. Перед ним поднимались занавесы сцен многих городов страны и зарубежных стран. Он участвовал в праздниках Северного Калотта в Норвегии, Финляндии, Швеции, в фестивале народного творчества в финском городе Каустинене, где были представлены многие страны, в том числе КНР, ГДР, Югославия, Испания, Перу, Швеция... Руководитель ансамбля Гуринов в 1986 году награжден орденом Дружбы народов.

Недавно родился еще один творческий саамский народный коллектив — «Ойяр». Его инициатор и организатор — учительница и поэтесса Екатерина Николаевна Коркина. Репертуар пока только складывается, но с ансамблем уже знакомы многие жители полуострова, выезжал он на фольклорные фестивали в Петрозаводск и Таллин.

Известный советский композитор Михаил Чулаки отмечал, что «саамские песни полны своеобразной прелести и динамичности. Они настолько живы и расцвечены исполнительски, что вызывают самый непосредственный интерес. Удивления достойна также музыкальность саамского народа».

Заявил о себе как самобытный художественный коллектив и коми фольклорный ансамбль, созданный при Ловозерском районном Доме культуры. Послужной список у него короче, но и он получил признание. Много времени и сил отдают занятиям в хоре его создатели и солисты Анна и Варвара Чупровы, Александра Филиппова, Мария Захарова, Галина Кузьмина.

С 1986 года стали проводиться в Ловозере спортивно-этнографические семейные саамские игры. В первом празднике участвовали семьи старейших оленеводов (мужья, жены, дети, зятья, невестки, внуки) — Василия Алексеевича Галкина, Гаврилы Александровича Данилова, Василия Николаевича Голых, Михаила Андреевича Юрьева. В программу обычно включаются установка куваксы, ходьба с рюкзаком по пересеченной местности, заезды на весельных лодках, стрельба из старинного саамского оружия, поимка оленей арканом, свитым из полосок выделанных оленьих шкур, ловля рыбы неводом...

Специалисты разработали проект музея саамского быта под открытым небом, который разместится по обеим сторонам Дьякова ручья при впадении его в Вирму, почти в самом центре села. Здесь будут представлены сохранившиеся вежи, куваксы, тупы, различные хозяйственные постройки.

Хранят и продолжают народные художественные промыслы

в сегодняшнем Ловозере мастерицы местного комбината бытового обслуживания, швейной мастерской меховых изделий совхоза «Тундра», филиала «Кольского сувенира». В Мурманске не раз проводились Дни народных ремесел, где удивительное мастерство саамских мастериц всегда привлекало большое внимание.

Подрастает и юная смена. Школьники занимаются в кружке «Саамские узоры» при районном Доме культуры. Язык саамских узоров изучают даже воспитанники детского сада «Солнышко». Ребята учатся шить и кроить, вышивать бисером, украшать одежду и обувь национальным орнаментом. Выставки их работ отличаются неповторимым своеобразием.

Завоевали популярность Дни саамской культуры, которые проходят в Мурманске, Коле, Туманном и других городах и поселках полуострова. Каждый раз они превращаются в национальный праздник маленького северного народа, в яркий рассказ о его прошлом и счастливой сегодняшней судьбе.

Усилились связи ловозерских саамов с саамами Скандинавских стран*. Вместе они участвуют в традиционных конференциях, которые проводятся раз в три года.

Жители тундры всегда с любовью, бережно относятся к родной земле. И в этом им идут навстречу.

В 1982 году создан государственный заказник «Сейдозеро». Он включает один из красивейших и богатейших водоемов области, прилегающую территорию в 17,4 тысячи квадратных километров. Здесь запрещены рубка леса, мелиоративные работы, сбор растений, ягод и грибов, ограничены охота, рыбная ловля, движение транспорта, изыскания и разработка полезных ископаемых.

Организован охотничий заказник «Понойский». Он расположен в среднем течении реки и создан для охраны мест обитания водоплавающей дичи и птиц, включенных в «Красную книгу». Здесь гнездятся утки, лебеди, серые журавли, кулики, а также хищные птицы: кречет, сапсан, орлан-белохвост и другие.

На реке Поной в 1987 году создан государственный рыбохозяйственный заказник. Он занимает участок реки Поной протяженностью 244 километра — от ее устья до бывшего села Чальмны-Варрэ и все притоки на этом протяжении. Сюда же относятся километровые водоохранные полосы по берегам этих водоемов.

Взяты под охрану 12 памятников природы — ботанических, археологических, геологических. В их числе самый крупный и самый северный лесной массив в междуречье Иоканги и Сухой и многолетняя луговая трава — арника альпийская, обладающая целебными лекарственными свойствами, а также рукотворная

* В Финляндии проживает около 5000 саамов, в Швеции — 15 000, в Норвегии — 30 000.

роща сибирской лиственницы площадью 12 гектаров, посаженной и заботливо выращенной местными лесоводами-умельцами.

Сохраняются наскальные изображения в районе Чальмны-Варрэ. У Поноя — каменный лабиринт, в 30 километрах от зимней дороги на Варзугу — археологический памятник «Два чудских бугра». Ленинградские археологи исследовали древние саамские поселения на Северной Салме, в устье реки Цага, в Сейдъяврйоке. Шесть тысяч лет назад там были становища. Многие из найденного, открытого тоже взято под охрану.

Большой интерес представляют местные геологические памятники природы: амазониты горы Парусной, залежи горы Карнасурт и Малого Пункаруайва...

Чукотский писатель Юрий Рыхэу, побывавший в Ловозере вместе с известным американским фотомастером Дином Кончером, познакомившись с жизнью и бытом, культурой саамов, коми, ненцев, дал высокую оценку достигнутым ими успехам и сделанному для них.

Неузнаваемыми стали и другие села.

Улицы Краснощелья украсили новая школа на 320 учащихся, Дом культуры с большим зрительным залом. Практически в каждой семье здесь имеется телефон, причем с прямым выходом на районный центр.

В Краснощелье смонтирована телевизионная станция «Москва», и жители села с 30 марта 1983 года смотрят телевизионные передачи.

Похорошели Каневка и Сосновка.

Много перемен в Ревде. За последние пятнадцать лет здесь на месте деревянного поселка поднялись корпуса новых школ, детских садов и яслей, магазинов.

С 1984 года в Ревде (раньше, чем в Мурманске) стали строить дома новой, улучшенной планировки — серии 93М. Их монтирует Мурманский домостроительный комбинат. И сегодня Ревда в лесах новостроек. На улице Умбозерской поднимаются корпуса больницы — стационара и поликлиники, сооружается новый телетранслятор, будет у жителей и новый клуб.

...Ловозеро. Небольшое селение в масштабах Мурманской области. И совсем крохотное — по меркам неоглядных просторов страны. Но в его истории отразилась история Родины.

Этот уголок страны имеет и свою особую историю, потому что трудно отыскать другой край, где бы так нелегко складывалась жизнь людей в прежние времена. Потому-то так интересен путь, которым шли жители тундры к сегодняшним дням.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Часть 1

Алаев В. Р. Поездка на р. Поной и Варзугу летом 1912 года. — Материалы к познанию русского рыболовства. Пг., 1914, т. III, вып. 9.

Алымов В. К. Лопари Кольского полуострова. — Мурманское общество краеведения: Доклады и сообщения. Мурманск, 1927, вып. 1.

Алымов В. К. Рождаемость и смертность лопарей Кольского полуострова. — Кольский сборник. Л., 1930.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.

Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года (Итоги подворной переписи). Архангельск, 1916.

Атлас Российской: Карта № 1 — «Российская Лапландия». СПб, 1745.

Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956.

Верецагин В. П. Очерки Архангельской губернии. СПб, 1849.

Визе В. Ю. Лопарские сейды. — Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (далее — ИАОИРС), 1912, № 9—10.

Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей. — ИАОИРС, 1917, № 1—2.

В—р. Из области оленеводства. — ИАОИРС, 1909, № 7.

В. Х. На Севере (Путевые воспоминания). М., 1890.

Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб, 1908.

Гёбель Г. Ф. Наша Лапландия. СПб, 1907.

Гурина Н. Н. Время, врезанное в камень: Из истории древних лапландцев. Мурманск: Кн. изд-во, 1982.

Гурина Н. Н. Древности с берегов Ледовитого океана. — Природа, 1985, № 5.

Гурина Н. Н. Наскальные рисунки Кольского полуострова (Общие и специфические черты). — В кн.: Звери в камне. Новосибирск: Наука, 1980.

Данилевский Н. Я. Рыбные и зверобойные промыслы на Белом и Ледовитом морях. — Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб, 1862, т. VI.

Дергачев Н. Русская Лапландия; Статистический, географический и этнографический очерки. Архангельск, 1877.

Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей. — Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии. СПб, 1878, т. 8, отд. 2.

Калинин И. М. Торговые сношения лопарей с русскими в половине XVII века. — Известия Государственного Русского географического общества. Л., 1929, т. 61, вып. 1.

Кельсиев А. И. Антропологический очерк лопарей. — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1879, т. XXXV, вып. 4, ч. 1.

Кельсиев А. И. Поездка к лопарям: I. Дневник в письмах к А. П. Богданову; II. Доклад по этнографическим результатам 10 октября 1877 г. — Труды Комитета по устройству Антропологической выставки. М., 1878.

Керт Г. М. Кольские саамы. — Вопросы истории, 1973, № 8.

Книга писцовая письма и дозора Алая Ивановича Михалкова и подьячего Василия Мартемьянова Кольского острога и уезда 1608—1611 гг. — В кн.: Харузин Н. Н. Русские лопари. М., 1890. Приложение 2-е.

- Коковин Е. Королева лопарская. — В кн.: За голубыми горизонтами. Архангельск, 1977.
- Конаков Н. Д., Котов О. В., Рочев Ю. Г. Ижемские коми на Кольском полуострове. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1984.
- Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX—XX вв. М.: Наука, 1971.
- Лукьянченко Т. В. Этногенез саамов. — В кн.: Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980.
- М—в Н. Терский берег, его население и промыслы. — Сб. «Нивы». СПб, 1892, № 5.
- Мухин А. А. О Мурмане и Лопландии. Архангельск, 1910.
- Немирович-Данченко Вас. Ив. Лапландия и лапландцы. СПб, 1877.
- Немирович-Данченко Вас. Ив. Страна холода: Виденное и слышанное. СПб, 1877.
- Обзор Архангельской губернии (Ежегодные официальные издания). Архангельск, 1880—1916.
- Озерецковский Н. Я. Описание Колы. — Месяцослов исторический и географический. СПб, 1796 и 1797.
- Пинхенсон Д. М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л., 1962.
- Пошман А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении... составленном в 1802 году. Архангельск, 1866, т. 1; 1873, т. 2.
- Радус-Зенькович В. А. Санитарные условия труда и жизни промышленников. — Статистическое исследование Мурмана. СПб, 1902, т. 1, вып. 1, гл. XI.
- Русские акты Копенгагенского Государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. — Русская историческая библиотека. СПб, 1897.
- Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII веках. Л., 1930.
- Сиденснер А. К. Описание Мурманского побережья. СПб, 1909.
- Терентьев Г. К. О промышленности Ловозерских лопарей и об улучшении их быта. — Архангельские губернские ведомости, 1877, № 29.
- Ульянов Н. И. Феодалная колонизация и экономика Мурмана в XVII веке. — Исторический сборник, 1934, № 1.
- Ушаков И. Ф. Кольская земля: Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Кн. изд-во, 1972.
- Фокеев К. Ф. Действия русской Флотилии Северного Ледовитого океана (1914—1917). — В кн.: Флот в первой мировой войне. М., 1964, т. 1.
- Харузин Н. Н. Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890.
- Харузина В. Н. Лопари. СПб, 1902.
- Чарнолуский В. В. Легенда об олене-человеке. М.: Наука, 1965.
- Шмаков И. Н. Материалы для антропологии русских лопарей: Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб, 1909.
- Шмаков И. Н. Русские лопари с врачебно-санитарной точки зрения и медицинская помощь в Лапландии. Архангельск, 1908.
- Якобсон Р. П. Отчет по обследованию рыболовных угодий Александровского и Кемского уездов Архангельской губернии. — Материалы к познанию русского рыболовства. СПб, 1914, т. III, вып. 2.
- Яценко А. Л. Несколько слов о русской Лапландии. — Этнографическое обозрение. М., 1892, т. XII, № 1.

Часть 2

- Базанов Л. Г., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере. Л., 1939.
- Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане. — Сб. документов и материалов. Мурманск: Кн. изд-во, 1960.
- Большие Кейвы. Л.: Гостехиздат, 1940.
- Будовниц И. Оленеводческие колхозы Кольского полуострова. М.; Л., 1931.
- Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года: Предварительные итоги по Северо-Западной области. Л., 1927.
- Добров В. В. Население Кольского Севера. Мурманск: Кн. изд-во, 1967.
- Доклады и сообщения Мурманского общества краеведения. Мурманск, 1927, вып. 1.
- За большую плавку. — Печатный бюллетень Мончегорского ГК ВКП(б). 29 октября 1939, № 1.
- Золотарев Д. А. Лопарская экспедиция (11 января — 11 мая 1927 года). Л., 1927.
- Золотарев Д. А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР. — Тр. КИПСа, № 12. Л., 1926.
- Иванов-Дятлов Ф. Г. Наблюдения врача на Кольском полуострове. Л., 1928.
- Керт Г. М. Там, где кочует солнце. — Север, 1971, № 11.
- Керцелли С. В. Материалы к изучению оленеводства. Пг.: Госиздат, 1921.
- Киселев А. А. Родное Заполярье: Очерки истории Мурманской области (1917—1972 гг.) Мурманск: Кн. изд-во, 1974.
- Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск: Кн. изд-во, 1979.
- Киселева Т. А. Культурная революция в национальных районах Кольского полуострова (1920—1937 гг.) — Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980.
- Климов Ю. Н. Создание и деятельность Мурманской уездной организации РКП(б). Мурманск: Кн. изд-во, 1961.
- Крестина И. Ф., Болдышева М. Н. Звероводы колхоза «Тундра». Мурманск, 1961.
- Крепс Г. М. Путешествие в Лапландию в марте 1923 года: Работы Мурманской биологической станции, 1925, т. 1.
- Лебедев В. В. Полярное солнце. М.: Федерация, 1930.
- Лебедев В. В. К северным народам (путешествие к лопарям). М.: Мол. гвардия, 1933.
- Лукьянченко Т. В. Саамы (лопары): Краткий исторический очерк. — В кн.: Народы европейской части СССР. М.: Мысль, 1964, т. 2.
- Материалы комиссии экспедиционных исследований (Северная сер.): Кольский сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1930, вып. 23.
- Материалы по развитию языков и письменности народов Севера. Мурманск, 1934, вып. 1.
- Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере (Справочник для работников Севера). М., 1934.
- Мурман от VI к VII съезду Советов СССР (1931—1934 гг.): Материалы к отчету Мурманского окрисполкома IV окружному съезду Советов. Мурманск, 1934.
- Мурманская область в годы Великой Отечественной войны. Мурманск: Кн. изд-во, 1978.
- Мурманский округ: Статистико-экономическое описание. Мурманск, 1929.
- Назаренко А. Пути сообщения за Полярным кругом. Петрозаводск, 1926.
- Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти. Мурманск: Кн. изд-во, 1967.
- Народное хозяйство Мурманской области. Мурманск, 1957.

Отчет Мурманского губисполкома Совету труда и обороны за апрель — сентябрь 1922 года. Мурманск, 1922.

Очерки истории Мурманской организации КПСС. Мурманск: Кн. изд-во, 1969.

Похозяйственная перепись Приполярного Севера 1926/1927 гг. М., 1929.

Производительные силы района Мурманской железной дороги: Издание правления Мурманской железной дороги. Петрозаводск, 1923.

Пятый съезд Советов Мурманской губернии. 12—17 февраля 1925 года (Стенографический отчет). Мурманск, 1925.

Рихтер З. Первое десятилетие: Записки журналиста. М.: Сов. писатель, 1957.

Саамские сказки. Мурманск: Кн. изд-во, 1980.

Советское оленеводство. Л., 1934, вып. 4.

Список населенных мест Архангельской губернии на 1 мая 1922 года. Архангельск, 1922.

Терлецкий П. Е. Население Крайнего Севера (По данным переписи 1926/1927 гг.). Л., 1932.

Федотов В. С. Колхоз в глубине тундры (Из опыта работы оленеводческого колхоза «Краснощелье»). Мурманск, 1955.

Федотов В. С. Сельское хозяйство Мурманской области. Мурманск, 1956.

Ферсман А. Е. Три года за Полярным кругом. М.: Мол. гвардия, 1924.

Хроника Мурманской организации КПСС. 1899—1985. Мурманск: Кн. изд-во, 1985.

Чарнолуцкий В. В. В краю летучего камня: Записки этнографа. М.: Мысль, 1972.

Чарнолуцкий В. В. Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Издание Государственного Русского географического общества. Л., 1930.

Черняков З. Е. Очерки по этнографии саамов: Введение в лопаристику. М.: Просвещение, 1985.

Черняков З. Е. Проблемы перерайонирования Мурманского округа: На фронте индустриализации, 1934, № 5.

Чикин С. Я., Чекнев Б. М. Охрана здоровья народностей Севера. М.: Медицина, 1978.

Эйхфельд И. Оленеводство в Аляске. — Карело-Мурманский край, 1927, № 5—6.

Партийный архив Мурманского областного комитета КПСС:

Фонды 1, 2, 3, 431 (Мурманского областного, окружного, губернского и уездного комитетов партии); 490 (Ловозерского районного комитета партии); 394 (Мурманского областного комитета ВЛКСМ).

Кировский филиал государственного архива Мурманской области:

Фонды 145, 146 (Ловозерского волостного и районного Советов); 138, 154, 155, 242, 273, 284, 295, 364, 240 (Ловозерского, Вороненского, Чальмны-Варрского, Чудзьярвского, Понойского, Краснощельского, Ивановского, Каневского сельсоветов и Ревдовского поселкового Совета); 138, 147, 151, 153, 156 (колхозов и совхозов «Тундра», «Красная тундра», имени В. И. Ленина, «Доброволец», «Краснощелье»); 243, 254 («Аллуайвстрой» и Ловозерского горно-обогатительного комбината); 143 (Ловозерского промыслово-потребительского общества); 367 (Ловозерского лесхоза).

Журналы:

Вестник Карело-Мурманского края (1924—1926 гг.); Вестник Мурман (1923—1924 гг.); Вестник Мурманской железной дороги (1922—1923 гг.); Дальний Север (1921—1922 гг.); Карело-Мурманский край (1926—1935 гг.); Красный Мурман (1921 г.); Север (1957—1988 гг.).

Газеты:

Комсомолец Заполярья (1957—1988 гг.); Ловозерская правда (1935—1988 гг.); Полярная правда (1920—1988 гг.).

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1

Ловозерье в глубокой древности	9
Терская земля — владение Новгорода	17
В государственной вотчине	20
Под властью воевод	33
Новые веяния	40
Хозяйство и быт саамов	43
Восточная Лапландия в пореформенное время	53
Приход ижемцев	66
Культура саамов	73
Накануне Октября	81

Часть 2

Волость и район	93
Коллективизация	107
К знаниям, к свету	120
На фронте и в тылу	134
Будни	145
Новое село	156
Клады под землей	170
Солнце над тундрой	175
Литература и источники	188

Научно-популярное издание

Ушаков Иван Федорович
Дашинский Станислав Наумович

ЛОВОЗЕРО

Цветные слайды — С. А. Майстерман
Фотографии — В. М. Кузнецов

Редактор Л. Ф. Жданова
Художественный редактор В. С. Жарков
Технический редактор А. Ф. Сергеев
Корректоры Р. А. Варушина, З. М. Лазько

ИБ № 636

«Сдано в набор 30.06.88. Подписано в печать 05.12.88. ПН-01438. Формат 60×84/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 23,13. Уч.-изд. л. 12,38. Тираж 5000 экз. Заказ 3412. Цена 75 коп. Мурманское книжное издательство. 183626 г. Мурманск, пр. Ленина, 100. Типография издательства Мурманского обкома КПСС. 183624 г. Мурманск, ул. К. Маркса, 18

75 коп.

ГОРОДА И РАЙОНЫ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО